

Память сердца

Воспоминания
жителей МО Пискаревка
о блокаде Ленинграда
в Великой Отечественной войне

Книга третья

Санкт-Петербург
2008

Особая благодарность за помощь в издании книги:
Ишутину Алексею Ивановичу, члену политсовета Санкт-Петербургского отделения,
председателю политсовета Калининского районного отделения политической партии
«Единая Россия».

Марусенко Татьяне Николаевне, директору государственного образовательного учреждения
дополнительного образования детей Дом детского и юношеского творчества Калининского района
за предоставленные детские рисунки.

Память сердца. Воспоминания жителей МО Пискаревка о блокаде Ленинграда в Великой
Отечественной войне. Книга третья. — СПб.: НИКА, 2008 — 204 с. с ил.

ISBN

© Местная администрация муниципального образования
МО Пискаревка, 2008

Память сердца

Депутаты Муниципального Образования Пискаревка

Слово к читателю

Наша память о ленинградской блокаде с годами становится все более значимой. Все меньше свидетелей, очевидцев, вынесших на своих плечах невероятно тяжелое бремя: голод, холод, обстрелы, лишения, смерти, страдания — и в то же время стремившихся помочь тому, кто находился рядом, боровшихся за жизнь и, несмотря ни на что, веривших в Победу.

Время неумолимо уносит участников ленинградской блокады.

Книга составлена из рассказов нескольких десятков человек. Будоража их просьбой

поделиться воспоминаниями, сколько раз мы получали ответ: «Не могу! Тяжело, больно вспоминать» — и тут же видели слезы на глазах. И это спустя 65 лет!

Поистине нам, поколению, не пережившему этого, надо задуматься: имеем ли мы право не знать обо всем, что произошло в нашем городе в те 900 блокадных дней.

Свою задачу и роль мы видим в том, чтобы дать возможность старшему поколению рассказать, как это было, а молодому поколению — понять, прочувствовать и с гордостью носить имя ленинградец!

Помните!
 Через века,
 через года, —
 помните!
 О тех,
 Кто уже не придет
 никогда, —
 помните!
 Не плачьте!
 В горле
 сдержите стоны,
 горькие стоны.
 Памяти
 павших
 будьте
 достойны!

Вечно
 достойны!
 Хлебом и песней,
 мечтой и стихами,
 жизнью
 просторной,
 каждой секундой,
 каждым дыханьем
 будьте
 достойны!

Люди!
 Покуда сердца
 стучатся, —
 помните!
 Какою
 ценой
 завоевано счастье, —
 пожалуйста,
 помните!

Песню свою
 отправляя в полет, —
 помните!

Помните!

О тех,
 кто уже никогда
 не споет, —
 помните!
 Детям своим
 расскажите о них,
 чтоб
 запомнили!
 Детям
 детей
 расскажите о них,
 чтобы тоже
 запомнили!
 Во все времена
 бессмертной
 Земли
 помните!
 К мерцающим звездам
 ведя корабли, —
 о погибших
 помните!
 Встречайте
 трепетную весну,
 люди земли.
 Убейте
 войну,
 прокляните
 войну,
 люди земли!
 Мечту пронесите
 через года
 и жизнью
 наполните!..
 Но о тех,
 кто уже не придет
 никогда, —
 заклинаю, —
 помните!
 Роберт Рождественский

Владимир Владимирович ПУТИН

Председатель Правительства
Российской Федерации

Уважаемые читатели! Дорогие петербуржцы!

Вы держите в руках книгу, посвященную 65-летней годовщине освобождения Ленинграда от фашистской блокады. Здесь, на ее страницах, собраны воспоминания о мужественных и сильных духом людях — жителях нашей северной столицы и ее героических защитниках, которые, пережив тяжелейшие испытания, не утратили веры в победу, отстояли и сохранили для грядущих поколений один из величайших городов мира.

Самые теплые слова благодарности хочется сказать инициаторам этого издания.

Эта замечательная книга — не только дань памяти павшим землякам и защитникам Ленинграда, но и огромный вклад в дело патриотического воспитания нашей молодежи.

Желаю вам доброго здоровья, успехов и всего наилучшего.

Память сердца

Илья Иосифович КЛЕБАНОВ

Полномочный представитель Президента
РФ в Северо-Западном федеральном округе

Дорогие друзья!

Дорогие петербуржцы и ленинградцы!

Мне очень приятно представить вашему вниманию книгу «Память сердца», посвященную 65-й годовщине полного снятия блокады Ленинграда.

В книге представлены воспоминания ленинградцев-фронтовиков, тружеников тыла тех страшных дней, подростков и детей о Великой Отечественной войне и пережитых 900 страшных блокадных днях и ночах. Невозможно забыть доблестный подвиг ленинградцев, которые ценой своих жизней в тяжелейших условиях блокады неистово боролись за город, за наше с вами будущее.

Непокоренный Ленинград был оплотом великой веры в победу и в наших сердцах останется символом стойкости и величайшего героизма.

Год за годом уходят дорогие нам люди, участники жестоких и великих сражений. Те, кто пережил войну и блокаду и сумел сохранить в себе лучшие качества, — достойны подражания. Хочется верить, что молодое поколение петербуржцев будет стремиться быть похожими на своих дедов и прадедов. Наш народ никогда не забудет ни этой войны, ни этой Победы, ни той цены, которую наша страна за нее заплатила.

Я с благодарностью обращаюсь к ветеранам Великой Отечественной войны, жителям блокадного Ленинграда, труженикам тыла, всем тем, кто принял участие в составлении данной книги, призванной сыграть важную роль в патриотическом воспитании юного поколения. Благодаря вам в каждом из нас будет жива «Память сердца»!

Михаил Михайлович САФОНОВ

Глава администрации
Калининского района Санкт-Петербурга

Дорогие петербуржцы, ленинградцы!

Прошло 65 лет со дня полного освобождения от фашистской блокады Ленинграда. Но с годами не меркнет подвиг защитников города. Напротив — приходит глубинное понимание того, чем пришлось жертвовать миллионам людей ради этой Великой Победы.

Воины армии и флота, труженики тыла пережили неслыханные трудности и лишения, шли на самопожертвование, на подвиг во имя жизни, свободы и независимости нашей Родины. Величайший героизм, мужество, стойкость 13 годы войны явили миру защитники Ленинграда. 900 дней блокады — это трагедия и подвиг!

Книга «Память сердца» — уникальна. Воспоминания людей, переживших войну и блокаду — напоминание о суровом военном времени и завет грядущим поколениям.

Желаю всем ветеранам Великой Отечественной войны, труженикам и жителям блокадного Ленинграда здоровья, счастья, благополучия и мира!

Пусть «Память сердца» наполнит душу каждого читателя гордостью за героическое прошлое России и желанием быть достойными подвига наших отцов и дедов. .

**Владимир Яковлевич
ХОДЫРЕВ**
Президент АО «Компания
«Тетраполис»

**Лидия Алексеевна
ХОДЧЕНКОВА**
Председатель СПб отделения
Российского Фонда мира

Уважаемые петербуржцы и ленинградцы!а

Совсем скоро Санкт-Петербургская Общественная организация «Жители блокадного Ленинграда» отметит 20-летие своей деятельности. И мы — Ходырев Владимир Яковлевич и Ходченкова Лидия Алексеевна — счастливы и гордимся тем, что внесли свой вклад в объединение блокадников нашего города и признание их подвига.

Именно в 1989 году, когда решался вопрос о создании общества жителей блокадного Ленинграда и учреждении Знака «Жителю блокадного Ленинграда», я работал председателем Ленгорисполкома, а его секретарем была Ходченкова Лидия Алексеевна, пережившая все ужасы блокады. И вместе с ней мы решали многие и очень сложные вопросы.

23 января 1989 года Ленгорисполком принял решение об учреждении Знака «Жителю блокадного Ленинграда», и вручение этих знаков первое время проходило прямо в здании исполкома, а затем в райисполкомах.

В апреле 1989 года Ленгорисполком утвердил решение города о создании обще-

ства «Жители блокадного Ленинграда», а уже 27 июня того же года мы нашли возможность вновь созданному обществу предоставить помещение на Невском проспекте, 104, где оно располагается и сегодня.

Также мы приняли активное участие в возрождении Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда.

Сегодня мы хотим особенно поблагодарить правительство нашего города за гуманное отношение к ветеранам и блокадникам и за реализацию на протяжении нескольких лет программы «Долг» под руководством губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко.

В праздничные дни 65-летия полного снятия блокады мы желаем нашим дорогим ленинградцам и петербуржцам здоровья, мирного неба, семейного благополучия.

А всему блокадному братству мы выражаем большую благодарность за их человеческий подвиг, за участие в защите нашего города и желаем всем крепкой дружбы, единства, мира и любви.

Слово ветерана Пискаревки

9

*И как бы не давили память годы,
нас не забудут потому вовек,
что всей планете, делая погоду,
мы в плоть одели слово человек.*

Николай Майоров

Муниципальный совет муниципального образования №22 Пискаревка во главе с его председателем депутатом Сергеевой Верой Владимировной очень много внимания уделяет нашим ветеранам Великой Отечественной войны.

С помощью депутатов — заместителя председателя совета Балакальчук Тамары Федоровны, Кулик Алены Владимировны, Орлинской Маргариты Олеговны, Романовского Сергея Анатольевича, Евдокимовой Виктории Николаевны и Попова Константина Юрьевича — В. В. Сергеева многое сделала и делает для наших ветеранов. Наши ветераны тронуты и безгранично благодарны муниципальному совету за такое внимание к ним.

Но Вера Владимировна Сергеева не ограничилась этим. Первая в Петербурге, она проявила прекрасную инициативу и организовала издание книги «Память сердца» сборника воспоминаний ветеранов Великой Отечественной войны, проживающих в нашем округе.

С этой целью депутаты Муниципального совета через газету «Пискаревка» обратились к ветеранам с просьбой поделиться своими воспоминаниями о войне, о своем участии в ней, и они откликнулись на эту просьбу.

Ветераны посчитали, как писал поэт Николай Старшинов:

*«Солдаты мы,
И это наша слава,
Погибших и вернувшихся назад
Мы сами
Рассказать должны по праву
О нашем поколении солдат».*

Так родилась эта добрая книга — «Память сердца», прекрасно изданная, в которой очерки и многочисленные архивные фотографии воскрешают те далекие грозные годы войны, увековечивают ратный труд наших ветеранов.

В 2007 году вышел первый том книги, в 2008 — второй том, в которых опубликованы воспоминания 150 наших ветеранов.

После прошедших презентаций книги «Память сердца» город воспринял ее с большим интересом, Администрация и ЗакС Петербурга высоко оценили эту книгу, положительно отнеслись к ней и другие организации города.

Триумф книги «Память сердца» достиг апогея — в Администрации города председателя нашего муниципального совета горячо благодарили за эту инициативу, эту книгу читают со слезами на глазах.

А сейчас вы держите в руках третий том, посвященный блокаде Ленинграда. И мы уверены, что эта книга оставит яркое впечатление у наших читателей.

От имени наших ветеранов огромное спасибо вам, Вера Владимировна, и вашему коллективу за ваши добрые дела.

*Ветеран Великой Отечественной Войны
Л. С. Рахалов*

Память сердца

Важно не то, что ленинградцы выстояли, а то, как они выстояли

История — коллективная память народа, обращенная не только в прошлое, но и в будущее. По Джорджу Оруэллу, «кто владеет прошлым — владеет и будущим». Можно утверждать, что история Великой Отечественной войны еще не изучена и не описана на настоящем научном уровне. Американцы вообще считают, что это они победили, они нас спасли. Об их мифических победах сообщают многотомные истории, в которых советским воинам отводится всего несколько строк. Больше всего не повезло нашему городу. До сих пор делаются попытки замолчать его роль во Второй мировой войне или исказить ее, выдвинуть на передний план якобы бессмысленные страдания и смерть и отодвинуть на дальний план или вообще снять смысл происходящего, значения героической обороны.

С самого начала Вторая мировая война носила двойственный характер. Это была война за передел мира внутри самого западного мира и одновременно война всего западного мира против Советского Союза. Широко распространенное (господствующее) понимание Великой Отечественной войны как противостояние Советского Союза и Германии или схватка большевизма с нацизмом поверхностно и несостоятельно.

К концу XIX века Германия активно стремилась к первенству в Европе. Это явилось исходной причиной Первой и Второй мировых войн. Начав боевые действия в сентябре 1939 года она невероятно быстро, уже к июлю 1940 года «объединила» под своей эгидой практически всю континентальную Европу (Греция и Югославия присоединены

в середине 1941 года). Фашисты захватили материальные и военные ресурсы оккупированных стран. На Германию стала работать вся военная промышленность Европы. Алан Тейлор в своем труде «Вторая мировая война» пишет, что в Европе в целом «устанавливалось германское господство с помощью разнообразных средств — от аннексии и прямого правления до формального равного партнерства... Европа стала экономическим целым». В этих условиях 21 июля 1940 года Адольф Гитлер подписал «План Барбаросса», названный так по прозвищу императора Фридриха I (Краснобородого) (1155–1190). Это было осуществление идеи Гитлера, высказанной им еще в книге «Моя борьба» (1924): «Мы начинаем там, где Германия остановилась 600 лет тому назад... Новая империя должна снова пойти по пути стародавних рыцарей ордена». Однако на этом пути стоял основанный Петром Петербург–Ленинград. Немецкие ученые утверждают, что Гитлер питал особую ненависть к Ленинграду, который «оказывал на Гитлера особое воздействие. Он считал его не только городом, в котором родилось большевистское правительство, он, как и прежний самодержавный Санкт-Петербург, символизировал русское могущество и притязания на территории в бассейне Балтийского моря». «Гнездо заразы Петербург, из которого столь долго изливался яд в Балтийское море, должен исчезнуть с лица земли», — говорил Гитлер.

Оборона Ленинграда представляет собой исключительно сложный драматический процесс напряженного труда сочетающегося с массовым проявлением патриотизма и героизма. Это была самая длительная и кровопролитная битва Второй мировой войны. Она началась на 19-й день войны и продолжалась 1125 дней из 1418 дней Великой Отечественной войны, охватила территорию

Северо-Запада страны и имела огромное военно-политическое, экономическое и морально-психологическое значение, Ленинград был в числе главных целей гитлеровских войск. В «Плане «Барбаросса» и других документах прямо указывалось, что только после захвата Ленинграда «следует приступить к операции по захвату Москвы». Немецкая армия была самой мощной по тому времени армией, которая уже имела почти двухлетний опыт ведения крупных наступательных операций, чего не было у Красной Армии. В боях за Ленинград кроме немецкой и финской армий участвовали воинские формирования из Австрии, Бельгии, Дании, Испании, Нидерландов, Норвегии, Франции, Швеции, а также Латвии и Эстонии. В отдельных подразделениях вермахта были поляки и словаки. Группа армий «Север» превосходила наши войска по пехоте, артиллерии и авиации в полтора раза. На собрании гауляйтеров фашистской партии, состоявшемся накануне войны, Гитлер заявил, что «через восемь недель после начала войны мы будем в Петербурге». В обстановке эйфории, вызванной первыми крупными успехами немецких войск, 2 июля 1941 года фюрер заявил, что война фактически выиграна и «через три недели мы будем в Петербурге».

Гитлер хорошо понимал значение Ленинграда как важнейшего крупного промышленного, научного, культурного, военно-стратегического и политического центра СССР. Ленинград — крупнейший морской и речной порт, железнодорожный узел, второй по величине город в стране с населением 3,1 миллиона человек, город, в котором действовало около 1000 предприятий и было сосредоточено примерно 30% военного производства страны.

Оценивая значение битвы за Ленинград следует выделить целый ряд аспектов.

Прежде всего **первый аспект — ее роль в развитии военных действий.**

*Прорыв блокады Ленинграда. 1943.
Художники: В. Серов, И. Серебряный, А. Казанцев*

В последней декаде июля на рубеже рек Нарва, Луга и Мшага в тяжелейших боях на дальних и ближних подступах к городу силами армейских частей, моряков и ополченцев ленинградцы остановили врага. Противник, понесший большие потери в людях и технике, вынужден был остановиться, подтянуть резервы и произвести перегруппировку сил. Советские войска оказали героическое сопротивление на Лужском оборонительном рубеже. Здесь в результате 45-дневных боев противник потерял 10000 солдат и офицеров и несколько сотен танков. Самоотверженная оборона Ленинграда в первые же недели войны стала неожиданностью для врага. Под Ленинградом впервые во Второй мировой войне немецкие армии были остановлены 25 сентября 1941 года и простояли до января 1944 года. По утверждению Уинстона Черчилля, провал штурма Ленинграда дал основание Франклину Рузвельту заявить в сентябре 1941 года, что русские удержат фронт и что Москва не будет взята.

В битве за Ленинград в результате нашего контрнаступления под Тихвином 10 ноября — 30 декабря 1941 года впервые во Второй мировой войне враг был не только остановлен, но и отогнан обратно на 100–120 километров, что создало благоприятные условия для перехода в контрнаступление под Москвой.

Захватив Ленинград, немцы неизбежно захватывали и Балтийский флот, который могли использовать против Великобритании.

У Черчилль очень боялся этого и даже предлагал Иосифу Виссарионовичу Сталину затопить корабли Балтийского флота при условии компенсации после войны английскими военными кораблями. И. В. Сталин отказался. Кроме того, корабли Балтийского флота, особенно подводные лодки, препятствовали важнейшим перевозкам в Германию сырья из Скандинавских стран.

Защитники Ленинграда сорвали надежды на объединение вооруженных сил Германии и Финляндии, на их совместные действия по взятию Ленинграда.

Защитники Ленинграда не позволили войскам вермахта перерезать Северную железную дорогу, что привело бы к прекращению военных поставок союзников по ленд-лизу (от слов lend — давать взаймы и lease — сдавать в аренду, внаем), которые поступали морем в Архангельск и Мурманск. Эта помощь имела для нас особенно большое значение в 1941–1942 годах в период перебазирования оборонных предприятий на восток страны. Важность этой коммуникации хорошо понимал Гитлер. В своей директиве №44 в июле 1942 года командующему группой армий «Север» он писал: «...Необходимо отрезать также северную линию снабжения, соединяющую Советский Союз с англосаксонскими державами. Такой линией в первую очередь является Мурманская железная дорога...»

Падение Ленинграда автоматически открывало врагу прямую дорогу на Москву. Вот почему, посылая в Ленинград в сентябре 1941 года Георгия Константиновича Жукова, И. В. Сталин сказал: «Вашей задачей является не допустить врага в Ленинград, чего бы это вам ни стоило». Таким образом, можно утверждать, что от обороны нашего города зависела судьба столицы и всей войны в конечном итоге. Ленинградцы с этой задачей справились.

Наступление советской армии под Ленинградом в 1944 году, отбросившее врага в Прибалтику:

— ознаменовало начало крупномасштабных наступательных операций по всему советско-германскому фронту по полному освобождению территории нашей страны;

— облегчило высадку союзников в Нормандии (Франция);

— обусловило выход Финляндии из войны на стороне Германии;

— сорвало попытки немцев организовать ракетные удары по советской территории, так как нами были ликвидированы позиции установок ФАУ-2 в районе Нарвы.

Второй аспект — экономический.

Основные мощности оборонных предприятий Ленинграда вместе с опытными кадрами специалистов уже в 1941 году были вывезены. Ленинградские танковые и авиационные производства сыграли важную роль в налаживании выпуска военной техники на востоке страны.

С ноября 1941 года, отладив собственное производство в условиях блокады, ленинградцы помогали некоторыми видами вооружения и другим фронтам. Его вывозили на самолетах, прибывавших в Ленинград с грузом продовольствия. Так, в 1941 году под Москву было отправлено 452 пушки, 1854 миномета, 30 000 корпусов бронебойных снарядов и другой техники.

Обеспечение Ленинградского фронта вооружением и боеприпасами легло на плечи оставшихся заводов ВПК (военно-промышленная комиссия) и предприятий мирной промышленности. Задачи ставил Военный совет фронта. Ленинградцы решали их за счет объединения всех ресурсов города и жесткой кооперации. В выпуске танков «КВ» на Кировском заводе участвовали практически все металлообрабатывающие предприятия. Реактивные установки М-13 («катюши») делали 15 заводов, собирали на заводе им. К. Маркса. Производству полковой пушки на Кировском заводе в 1942 году помогли 80 предприятий. Такая четкая кооперация и координация де-

тельности предприятий разного подчинения была осуществлена в стране впервые. Использовались все возможные ресурсы. На заводе им. Ф. Энгельса переделывали бракованные детали и из них собирали 50-миллиметровые минометы. Автомашины и обычные трактора превращали в бронемашины и бронетрактора. На «Русском дизеле» стали производить «мортиры» для метания бутылок с горючей смесью. Был разработан защитный панцирь для бойцов их произвели 11 000 штук. В итоге к середине декабря 1941 года, ленинградцы изготовили для фронта 318 самолетов, 713 танков (в том числе 526 «КВ»), 12 САУ, 6 бронепоездов, 52 железнодорожные бронеплощадки, 72 реактивные установки, 2406 полковых пушек, 1 375 000 корпусов мин и 1 685 000 артиллерийских снарядов.

Важной работой было создание специализированных бригад ремонтников боевой техники, выезжавших на фронт.

Город испытывал недостаток электроэнергии (до прокладки электрокабелей по дну Ладоги). Часть предприятий пришлось поставить на консервацию, но поставки с Большой земли блокстанций позволили наладить производство. В четвертом квартале 1943 года Ленинградская промышленность была снова включена в народно-хозяйственный план страны. В это время 75% заводов города работали для фронта, а часть предприятий начала восстанавливать производство на нужды тыла. Ленинградские предприятия приняли активное участие в начавшемся в годы войны восстановлении народного хозяйства освобожденных районов.

Третий аспект — морально психологический и политический.

Оборона Ленинграда стала символом единства и верности своей Родине. Она стала основой патриотического единства воинов Ленинградского фронта, моряков Балтийского флота и горожан: рабочих и интеллигенции, ветеранов труда и молодежи, мужчин и жен-

щин, коммунистов и беспартийных, атеистов и верующих. В тяжелейших условиях города-фронта героизм фронтовиков укреплял стойкость ленинградцев, а мужество горожан придавало новые силы воинам. Именно тогда О. Ф. Берггольц написала: «И каждый, защищавший Ленинград, — не просто горожанин, а солдат». Это единство прекрасно отразил художник И. И. Москалев в медали «За оборону Ленинграда».

Инициатива ленинградцев по созданию частей народного ополчения получила поддержку во многих районах страны и стала решающей формой патриотического добровольческого движения во время войны.

Оборона Ленинграда с первых дней войны стала всенародным делом. Ленинград защищали представители всех народов нашей страны.

Стойкость защитников Ленинграда, героизм и мужество ленинградцев, преодолевших тяготы блокады, вызывали у советских людей чувство глубокого уважения и солидарности.

Четвертый аспект — международный.

Мужество ленинградцев, подвиг защитников города вызвали восхищение и солидарность за рубежом не только государственных и политических деятелей, но и простых граждан. Радио Лондона в январе 1944 года говорило, что «своим мужеством, своей самоотверженностью население Ленинграда и героические солдаты, оборонявшие вместе с населением город, вписали самую замечательную страницу в историю мировой войны, ибо они больше чем кто бы то ни было помогли грядущей окончательной победе над Германией». Это уже было пониманием роли, которую оборона Ленинграда играла во Второй мировой войне.

Информация иностранных журналистов, побывавших в Ленинграде — А. Верта, Г. Солсбери и других — способствовала формированию общественного мнения за рубежом о том, что стойкость Ленинграда определили единые

для всего сражавшегося советского народа факторы: патриотизм, мужество, вера в свой общественный строй. «История тех дней — эпопея, которая будет волновать сердца, пока на земле существует человечество» (Г. Солсбери). «Самое замечательное в истории ленинградской блокады — это не сам факт, что ленинградцы выстояли, а то, как они выстояли» — пишет А. Верт.

Авторы публикаций о трагедии блокады, о мужестве ленинградцев заставили задуматься о будущем. Мысль о тяжелой цене блокады города емко выразила американская журналистка Мери Рид, которая писала: «Мир должен знать эту цену. Мир должен почувствовать эту цену, и мир должен действовать. В этом знании — спасение человечества». Таким образом, битва за Ленинград стала важным фактором поддержки мировой общественностью справедливой борьбы нашего народа в Великой Отечественной войне.

И наконец, **пятый аспект — духовно-нравственный.**

На многочисленных международных конференциях и семинарах, в работе которых мне приходится участвовать, всегда отмечается еще одна грань бессмертного подвига героев блокадного Ленинграда — духовная. Мы победили, потому что были духовно выше нашего противника. Ленинградцы в своем большинстве проявили такую величайшую духовную, нравственную силу, которая позволила им выдержать блокаду, выстоять и победить.

Городские власти, партийные и общественные организации делали все возможное, чтобы духовно-нравственный потенциал стал решающим условием жизни и борьбы ленинградцев.

Нравственную формулу, по которой жили ленинградцы, правильно сформулировали авторы «Блокадной книги»: «Спаслись, спасая. И если даже умерли, то на своем пути кого-то подняли, А выжили — так потому, что кому-

то нужны были больше, даже нежели самому себе».

Атмосферу высокой духовности и патриотизма, нравственности постоянно поддерживала творческая интеллигенция. Выпускались серии книг «Наши великие предки», «Гениальные люди великой русской нации». Отмечались юбилеи. Были реализованы планы защиты и охраны памятников истории и архитектуры, по сохранению литературы.

Исключительно большое внимание уделялось освещению боевых подвигов защитников города, труда ленинградцев, их борьбе за жизнь города. В Ленинграде выходили газеты «Ленинградская правда», «Смена» и 27 заводских многотиражек.

Особенно огромной была роль радио, которое постоянно обращалось к вере, чувствам и сознанию жителей блокированного города. По требованию горожан и фронтовиков в декабре 1941 года начали звучать музыкальные произведения, а 23 февраля 1942 года прозвучал по радио первый концерт ансамбля песни и пляски Ленинградского фронта и Балтийского флота.

В 1942 году возобновились издания журналов «Звезда», «Ленинград» и «Костер». Шли спектакли Театра музыкальной комедии и Блокадного театра, Театра у микрофона. Выставки произведений ленинградских художников и скульпторов блокированного города имели огромный успех. Филармония по мере возможностей проводила симфонические концерты классической музыки. Значительным событием стало исполнение 7-й симфонии Дмитрия Шостаковича 9 августа 1942 года. Концерт транслировался по радио, при этом были включены все уличные репродукторы. Музыка Д. Шостаковича вселяла уверенность в победе сил разума, добра и справедливости. «Таков эмоциональный заряд седьмой симфонии», — отметил дирижер этого исторического концерта Карл Элиасберг.

В условиях блокады возродилась духовно-нравственная традиция милосердия. Она в полную меру проявилась молодежными бытовыми отрядами в заботе о раненых, больных, в поддержке семей погибших фронтовиков, в спасении умиравших от голода и холода людей. Были созданы специальные стационары и лечебно-питательные пункты для больных дистрофией.

Величайший гуманизм и нравственность проявили ленинградцы в заботе о детях, борьбе за их жизни. Организация учебных занятий в 55 школах, приобщение молодого поколения к ценностям духовно-нравственного потенциала города было вызовом врагу. В январе 1942 года были проведены даже новогодние елки.

Значительными событиями духовной жизни блокированного города стали спортивные мероприятия — футбольный матч динамовцев и армейцев 6 мая 1942 года, спортивный парад 30 мая 1943 года, многочисленные спортивные соревнования школьников. Репортаж о футбольном матче передавался прямо на передовые позиции фронта. Он стал символом стойкости и веры в победу.

В поддержании духовно-нравственных традиций, в сохранении русского национального самосознания и пропаганды патриотизма весьма значительной была роль православной русской церкви. В своем пасхальном «Обращении к пастве» в 1942 году митрополит Ленинградский Алексий (Симанский) писал, что «враг бессилен против нашей правды и нашей воли к победе... Наш город находится в особо трудных условиях, но мы твердо верим, что его хранит и сохранит покров Матери Божией и небесное представительство его покровителя святого Александра Невского». Шел сбор средств верующих на строительство авиаэскадрилии его имени. В блокаду наблюдался рост религиозных чувств горожан. В городе работало более десяти храмов. Оборона Ленинграда показала благотворную роль церкви

в сохранении воздействия духовно-нравственного наследия нашего народа. Группа ленинградских служителей культа была награждена медалями «За оборону Ленинграда».

В битве за Ленинград участвовало около двух с половиной миллионов солдат и офицеров. Общие потери наших войск (с 10 июля 1941 года по 9 августа 1944-го) составили 919 237 человек, в том числе безвозвратные 447 444 человека. Потери личного состава Балтийского флота достигли 91 592 человек, в том числе безвозвратные — 55 890. К потерям на фронте необходимо добавить около 800 000 ленинградцев, погибших от артиллерийских обстрелов и бомбардировок, от голода, холода и болезней.

М. И. Калинин, вручая орден Ленина городу, сказал, что сражаясь и работая в невероятно тяжелых условиях, не щадя себя для других, ленинградцы не только спасли собственную честь и славу, но и сорвали «пресловутый план «Барбаросса», став насмерть в обороне важнейших стратегических путей... ведущих к Москве... Ленинград внес свою долю в освобождение Сталинграда, в разгром немцев под Москвой, на Украине и Кавказе...»

Все перечисленные факторы определяли сущность потенциала, на который ленинградцы опирались в период осады города, и который, обогатив, мы оставили в наследство, в пример будущим поколениям. В феврале 1942 года об этом прозорливо говорила Ольга Берггольц:

Да будет наше сумрачное братство
Отрадой мира, лучшего — навек,
Чтоб даже в будущем по ленинградцам
Равнялся самый сильный человек...

*Ю. И. Колосов,
действительный член Академии военно-исторических наук, президент Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград,
председатель РОО «Юные участники обороны Ленинграда»*

Выписки из хроники Ленинградской жизни

Невский пр. Остановившиеся из-за отсутствия электричества троллейбусы

1941 год

22 июня. Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР, в Ленинграде введено военное положение.

23 июня. В 1 час 45 минут в Ленинграде подан первый сигнал воздушной тревоги, за годы блокады такие сигналы будут подаваться 649 раз.

26 июня. По радио начал работать метроном. Его мирное тиканье означало, что радиоточка в исправности.

23 июля. Введено круглосуточное дежурство на крышах и чердаках — для борьбы с зажигательными бомбами.

2 сентября. Первое снижение норм продажи хлеба населению. Рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 600 граммов хлеба в день, служащие — по 400 граммов, дети и иждивенцы — по 300 граммов.

4 сентября. В городе разорвался первый вражеский снаряд. Из 900 дней блокады артиллерийским обстрелам город подвергался 617 дней.

6 сентября. На Ленинград упала первая фугасная бомба.

8 сентября. Пал Шлиссельбург. Замкнулось кольцо блокады.

20 ноября. Пятое снижение норм хлеба — норма самая низкая за все время бло-

кады: 250 граммов по рабочей карточке, 125 граммов по всем остальным.

22–23 ноября. По Ладоге прошла первая колонна с продовольствием.

6 декабря. Исполком Ленгорсовета принял решение о снабжении населения кипятком. При домохозяйстве оборудованы кипятильники.

8 декабря. Заводы Ленинграда начали изготавливать печи-временки — «буржуйки» — для отопления квартир.

17 декабря. Образован Волховский фронт. Командовал войсками Волховского фронта генерал армии К. А. Мерецков. Начала действовать ледовая дорога, связавшая Ленинград с Ораниенбаумом по льду Финского залива.

25 декабря. Повышены нормы хлеба. Рабочие будут получать по 350 граммов, все остальные — по 200 граммов.

Дети, не боясь обстрела, ходили в школу

1942 год

7 января. Принято решение Ленгорисполкома о расширении сети детских домов.

22 января. Начинается массовая эвакуация женщин, детей и стариков по льду Ладоги.

24 января. Новая прибавка хлеба. На рабочую карточку теперь выдается 400 грам-

мов, служащим — 300, детям и иждивенцам — по 250 граммов.

11 февраля. В третий раз увеличены нормы выдачи хлеба! Рабочим — по 500 граммов в день, служащим — по 400, детям и иждивенцам — по 300 граммов.

20 февраля. На город упало 435 снарядов.

24 февраля. Еще 224 снаряда обрушилось на город.

5 марта. Из деревни Нивки, из глубины партизанского края, отправился в Ленинград обоз с продовольствием — 3,5 тысячи пудов продуктов, а также 127 тысяч рублей в фонд обороны Родины.

7 марта. По улицам города прошел первый после блокадной зимы трамвай.

8 марта. В городе проводятся сразу два воскресника. Один — по очистке улиц от снега, второй — по разборке и доставке пшеницы.

19 марта. Принято постановление о развитии индивидуального огородничества. Под огороды пойдут пустыри, сады, дворовые участки, газоны.

27 марта. Все свободное население мобилизовано на очистку Ленинграда.

23 апреля. В сторону Ленинграда по Дороге жизни прошли последние машины, ехал последний груз — лук... 64 тонны.

1 мая. Демонстрации не было. Состоялся первомайский радиомитинг.

3 мая. Возобновились занятия в 137 школах города.

17 мая. Вновь начал работать Ленинградский дворец пионеров.

22 мая. На Ладожском озере открылась летняя навигация. Из Кобоны на западный берег вышел пароход «Гидротехник» с 40 тоннами муки на борту.

22 июня. Исполнился год с начала войны, в городе был артиллерийский обстрел, воздушная тревога. 75 человек ранено, 20 — убито.

9 августа. В большом зале Ленинградской филармонии впервые в Ленинграде исполнена седьмая симфония, написанная Дмитрием Шостаковичем в осажденном городе. Дирижер — К. Элиасберг.

31 августа. За самоотверженную работу на огородах ученикам 47-й школы вручено красное знамя. Все заработанные деньги ребята решили перечислить на строительство танка.

1 сентября. За парты сели более 14 тысяч школьников.

7 ноября. В Театре музыкальной комедии — премьера: впервые показана музыкальная комедия «Раскинулось море широко». Пьесу написали В. Вишневский, А. Крон и В. Азаров, музыку — Н. Минх, Л. Курц и В. Витлин.

4 декабря. В 7 районах открылись детские столовые усиленного питания.

22 декабря. Указом президиума Верховного совета СССР Учреждена медаль «За оборону Ленинграда».

Дорога жизни на Ладоге весной

1943 год

12 января. Началась операция по прорыву блокады Ленинграда. В 9 часов 30 минут более 4,5 тысячи орудий и минометов двух фронтов и краснознаменной Балтики откры-

ли огонь по врагу. 2 часа 20 минут бушевал огненный смерч...

18 января. В 9 часов 30 минут на восточной окраине рабочего поселка №1 встретились бойцы 1-го батальона 123-й стрелковой бригады Ленинградского фронта и бойцы 1-го батальона 1240-го полка 372-й стрелковой дивизии Волховского фронта, блокада Ленинграда была прорвана.

27 января. Фашисты выпустили по Ленинграду 533 снаряда.

7 февраля. К перрону Финляндского вокзала подошел первый поезд с Большой земли...

22 февраля. В четвертый раз (начиная с 25 декабря 1941 года) повышена норма выдачи хлеба. Теперь она такая, как и во всей стране.

30 марта. В городе разорвалось 562 снаряда.

10 апреля. В городе началась продажа семян свеклы, моркови, репы, турнепса, огурцов, лука, редиски, укропа, петрушки.

17 апреля. В городе 8 пожаров. Одна из бомб разрушила часть здания музея А. В. Суворова.

28 апреля. Вражеские снаряды падают на Гостиный Двор, на сад Дворца пионеров, на Дом радио, гостиницу «Европейская», Малый оперный театр, Музей этнографии.

6 мая. Еще 400 снарядов обрушилось на город.

3 июня. Началось вручение медалей «За оборону Ленинграда», среди награжденных немало школьников.

2 июля. Снова в городе разорвалось более 400 снарядов врага.

17 августа. На город сыплется шквал снарядов — более 2 тысяч, пострадало 144 человека.

28 сентября. Новый артобстрел — 736 снарядов.

1 октября. Начался учебный год у старшеклассников, вернувшихся с полевых работ.

17 октября. Последний налет фашистской авиации на Ленинград, сброшено 90 зажигательных бомб, пожары быстро ликвидированы. Прорвался один-единственный стервятник.

4 ноября. В городе разорвалось 270 снарядов.

5 ноября. Еще 300 снарядов обрушилось на город.

30 ноября. Школьники Нарвской заставы собрали и сдали как металлолом 5 тысяч килограммов осколков вражеских снарядов.

29 декабря. В городе разорвалось около 100 снарядов.

Освобожден город Пушкин

1944 год

19 января. Освобождены Красное Село и Ропша.

20 января. Освобожден Урицк.

21 января. Освобождена Мга.

24 января. Освобождены города Пушкин, Павловск, в Москве снова гремит салют.

27 января. Враг отброшен от города на 65–100 километров. Освобождение Ленинграда от вражеской блокады завершено!

«Удовлетворить ходатайство
народного комиссара обороны СССР

и учредить специальные медали

«За оборону Ленинграда»,

«За оборону Одессы»,

«За оборону Севастополя»

и «За оборону Сталинграда».

Наградить медалями...

всех участников героической обороны

Ленинграда, Одессы,

Севастополя и Сталинграда».

Указ Президиума Верховного Совета СССР.

22 декабря 1942 года

«Исполнительный комитет Ленинградского городского
совета народных депутатов решил:

1. Учредить знак «Жителю блокадного Ленинграда» и Положение о знаке...
2. Возложить на исполкомы райсоветов города с привлечением служб по месту жительства, общественных организаций районов, их предприятий и учреждений проведение подготовительной работы и вручение знака «Жителю блокадного Ленинграда».

...Обеспечить первый этап вручения знака «Жителю
блокадного Ленинграда» к 9 мая 1989 года.

Председатель исполкома Ленгорсовета
Секретарь

В. Я. Ходырев
А. А. Ходченкова
23 января 1989 года

*Медаль «За оборону Ленинграда»
Не просто наша память о войне.
Металл ее откован в дни блокады
И закален в невиданном огне.*

В. Сулов

*Я житель блокадного Ленинграда.
Неважно — медалью увенчанный
Иль только лишь знаком отмеченный,
Но я это званье несу как награду...*

А. Молчанов

Попов М. М.

Ворошилов К. Е.

Жуков Г. К.

Хозин М. С.

ПОПОВ Маркиан Михайлович — командующий Ленинградским военным округом, командующий Северным фронтом (с 24.06.41), командующий Ленинградским фронтом (с 23.08.41 по 4.09.41), генерал-лейтенант, с мая 1944 начальник штаба Ленинградского фронта, генерал-полковник.

ВОРОШИЛОВ Климент Ефремович — главнокомандующий войсками Северо-Западного направления, командующий Ленинградским фронтом (с 5.09.41 по 10.09.41) председатель Военного совета обороны Ленинграда (с 20.08.41 по 10.09.41), маршал Советского Союза.

ЖУКОВ Георгий Константинович — командующий Ленинградским фронтом (с 11.09.41 по 6.10.41), генерал армии, представитель Ставки Верховного главнокомандования, маршал Советского Союза.

МЕРЕЦКОВ Кирилл Афанасьевич — командующий Карельским фронтом, маршал.

ЧЕРОКОВ Виктор Сергеевич — командующий Ладужской военной флотилией (с 13.10.41), капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал.

ХОЗИН Михаил Семенович — командующий Ленинградским фронтом (с 26.10.41 по 8.06.42); генерал-лейтенант.

ГОВОРОВ Леонид Александрович — командующий Ленинградским фронтом (с 9.06.42), генерал-лейтенант, с 18 июня 1944 — маршал Советского Союза.

ТРИБУЦ Владимир Филиппович — командующий Балтийским флотом, вице-адмирал, затем адмирал.

ХОРОШХИН Борис Владимирович — командующий Ладужской военной флотилией (с 7.08.41 по 13.10.41), капитан 1-го ранга, затем контр-адмирал.

ПОПКОВ Петр Сергеевич — председатель Ленгорисполкома, председатель Городской эвакуации.

Говоров Л. А.

Трибуц В. Ф.

Хорошхин Б. В.

Черков В. С.

Мерецков К. А.

Попков П. С.

Соловьев Н. В.

Жданов А. А.

ационной комиссии, председатель Городской чрезвычайной противоэпидемической комиссии.

СОЛОВЬЕВ Николай Васильевич — председатель Ленгорисполкома, член Военного совета Ленинградского фронта.

АНДРЕЕНКО И. А. — заместитель председателя Ленгорсовета, заведующий отделом торговли.

ЛАГУТКИН Емельян Сергеевич — начальник МПВО, заместитель председателя Ленгорисполкома, полковник, затем генерал-майор.

ЖДАНОВ Андрей Александрович — секретарь ЦКВКП(б), секретарь Ленинградского ОК и ГК ВКП(б), член Военных советов Северного и Ленинградского фронтов, председатель Комиссии по вопросам обороны Ленинграда, член Военного совета обороны Ленинграда.

КУЗНЕЦОВ Алексей Александрович — член ЦК ВКП(б), секретарь Ленинградского ГК

ВКП(б), дивизионный комиссар, член Военных советов Северного и Ленинградского фронтов, председатель Комиссии по строительству укрепленной полосы, председатель Ленинградской городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников, генерал-лейтенант.

КАПУСТИН Яков Федорович — секретарь Ленинградского ГК ВКП(б), член Военного совета Северного фронта, уполномоченный ГКО СССР по эвакуации заводов, оборудования и кадров Ленинграда в тыл страны.

ШТЫКОВ Терентий Фомич — секретарь Ленинградского ОК ВКП(б), член Военного совета Ленинградского фронта.

КОСЫГИН Алексей Николаевич — заместитель председателя СНК СССР, уполномоченный ГКО СССР в Ленинграде по организации снабжения и эвакуации населения.

Кузнецов А. А.

Капустин Я. Ф.

Штыков Т. Ф.

Косыгин А. Н.

Из отчета Городского управления предприятиями коммунального обслуживания по работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942 года.

Раздел «ПОХОРОННОЕ ДЕЛО»

5 апреля 1943 года

СЕКРЕТНО

VI. Похоронное дело. Захоронение трупов людей — жертв вражеских бомбардировок, артобстрелов и блокады

Организация и проведение захоронений трупов людей в городе возложены на трест «Похоронное дело», подчиненный управлению. Захоронение проводилось на 11 находящихся в ведении треста действующих городских кладбищах.

За первое полугодие 1941 года трестом «Похоронное дело» было захоронено 18 909 покойников, что составляет в среднем в день 105.

Для обслуживания потребностей населения в захоронении трест к началу войны располагал: а) транспортом для транспортировки покойников на кладбища в количестве 12 автобусов и 34 лошадей; б) столярно-веночными мастерскими, изготавливающими гробы, венки и полностью удовлетворявшими спрос населения; в) монументальными мастерскими, изготовлявшими и устанавливавшими памятники, ограды и т. д.

К началу войны кладбища обслуживали 109 могильщиков, 64 уборщика и 77 сторожей.

Работа по захоронению протекала нормально, без каких-либо затруднений.

Одновременно с этим, еще в мирное время, штабом МПВО города через управление на трест «Похоронное дело» были возложены разработка и проведение мероприятий по уборке и транспортировке из очагов поражения на кладбища, оформление и захоронение трупов людей, ставших жертвами воздушных бомбардировок и артобстрелов.

Но, кроме наметок по формированию при тресте «Похоронное дело» специального отряда из автомашин треста и работников кладбищ для уборки из очагов поражения трупов людей и транспортировки их на кладбища, в мирное время ничего сделано не было.

Начало Отечественной войны и приближение войск противника к городу Ленинграду заставили трест и управление срочно проводить ряд мероприятий по подготовке к транспортировке из очагов поражения на кладбища трупов людей, оформлению на них документов и захоронению.

В июле 1941 года по требованию управления и треста последнему Архитектурно-планировочным управлением исполкома Ленгорсовета были отведены земельные участки для нужд захоронения возможных жертв вражеских бомбардировок и артобстрелов в следующих местах:

1. Правый берег Невы — у Веселого Поселка — Володарский район.
2. Старая Деревня — севернее Серафимовского кладбища — Приморский район.
3. Куракина дорога — у ст. Купчино — Московский район.
4. Краснокабацкое шоссе — Кировский район.
5. Восточнее Богословского кладбища — Красногвардейский район.
6. Большая Охта — восточнее Большеохтинского кладбища — Красногвардейский район.
7. Волкова деревня — юго-западнее Татарского кладбища — Московский район.
8. Остров Декабристов — от набережной реки Смоленки — Василеостровский район.

В течение июля и первой половины августа 1941 года трестом «Похоронное дело» на первых 6 вновь отведенных земельных

участках были хозяйственным способом построены легкого типа дощатые морги. Они предназначались для хранения трупов людей с момента доставки их из очагов поражения до захоронения. На двух последних земельных участках временные морги построены не были, так как рядом с ними имелись готовые постройки, которые и были использованы в качестве моргов. Морги были оборудованы деревянными топчанами, обитыми клеенкой, для складывания на них доставленных из очагов поражения трупов.

С момента начала строительства моргов, то есть с первых чисел июля 1941 года, и до первых чисел ноября 1941 года силами рабочих треста «Похоронное дело», а частично и силами рабочих, привлеченных исполкомами райсоветов депутатов трудящихся, на отведенных земельных участках было вырыто 280 траншей размерами 20х2,5х1,7 метра. Более значительный запас траншей был вырыт на спецплощадках у Большеохтинского кладбища и на острове Декабристов. Моргами и вырытыми траншеями на спецплощадках на Куракиной дороге — у ст. Купчино и на Краснокабацком шоссе воспользоваться не пришлось, так как в конце августа 1941 года они оказались в зоне военных действий и интенсивного вражеского обстрела.

В первые дни Отечественной войны при управлении трестом «Похоронное дело» из рабочих предприятий последнего был сформирован отряд в количестве 21 человека с приданными ему 4 автобусами. Личный состав отряда был обеспечен резиновыми сапогами, передниками, перчатками и переведен на казарменное положение, а дежурная часть — на круглосуточное дежурство при управлении трестом. От отряда к медико-санитарной службе города для живой связи были прикомандированы постоянные представители, через которых медико-санитарная служба штаба МПВО города вызывала в очаги поражения команды и автотранспорт

отряда для уборки трупов и транспортировки в морги.

С начала Отечественной войны период с 22 июня по 8 сентября 1941 года был напряженным организационно-подготовительным периодом к противовоздушной обороне города во всех областях, в том числе и в области захоронения. Начавшаяся 8 сентября 1941 года систематическая бомбардировка, а позже и артиллерийские обстрелы города сопровождались разрушениями и человеческими жертвами. С этого времени начинается напряженная работа отряда треста «Похоронное дело». Команды отряда по указанию своего постоянного представителя при медико-санитарной службе штаба МПВО города круглосуточно выезжают в очаги поражения, убирают трупы людей — жертв бомбардировок и артобстрелов, транспортируют их в морги на спецплощадки, где трупы раскладывались на топчаны и в соответствии с инструкцией, утвержденной штабом МПВО города, хранились в течение 48 часов для опознания родственниками.

В первый период бомбардировок и артиллерийских обстрелов 80—85% трупов, доставляемых в морги из очагов поражения, опознавались родственниками и хоронились в обычном индивидуальном порядке на кладбищах города. Неопознанные трупы по истечении 48 часов фотографировались представителями соответствующих отделений милиции, прикомандированными к моргам, оформлялись составлением актов опознания, на основании актов представителя милиции и врачей оформлялись свидетельства о смерти в ЗАГСах, после чего такие трупы работниками кладбищ, прикомандированными к спецплощадкам, захоранивались в траншеи. Над каждым захороненным в траншее устанавливалась деревянная, окрашенная в красный цвет колонка, на которой писалась фамилия захороненного, а при невозможности установить личность писалось — «Неиз-

вестный». Ценности, обнаруженные при трупах, изымались представителями милиции и последним по актам сдавались представителям соответствующих райфо. Морги, построенные на спецплощадках, куда трупы людей, ставших жертвами вражеских бомбардировок и артобстрелов, доставлялись со всех очагов поражения в основном транспортом отряда треста «Похоронное дело». В моргах с утра до наступления темноты бродили люди с унылыми лицами и искали: родители — погибших детей, дети — погибших родителей, братья — сестер, сестры — братьев и просто знакомых.

По мере нарастания бомбардировок росло и число захоронений из месяца в месяц, о чем говорят нижеприведенные цифры:

июль	1941 года	— 3688 захоронений
август	1941 года	— 5090 »
сентябрь	1941 года	— 7820 »
октябрь	1941 года	— 9355 »
ноябрь	1941 года	— 11 401 »

Несмотря на значительный из месяца в месяц рост захоронений в городе за счет жертв вражеских бомбардировок и артобстрелов, трест «Похоронное дело» до декабря 1941 справлялся с захоронениями. Правда, встречались затруднения в удовлетворении спроса населения на гробы, так как столярно-веночная мастерская треста (по своей производственной мощности и в связи с призывом в РККА части мужчин-мастеров) не в состоянии была удовлетворить быстро растущие запросы населения на этот вид изделий.

Исполнительный комитет Ленгорсовета депутатов трудящихся решением от 14 октября 1941 года №697-с обязал Лендревбумтрест (управляющего т. Шишалова) организовать к 20 октября 1941 года производство гробов на предприятиях треста, обеспечив ежедневный выпуск 200–250 гробов.

Лендревбумтрест и его управляющий т. Шишалов недооценил значение решения СЗ исполкома о производстве гробов и систематически недовыпускал до 100 гробов в сутки — это усугубляло положение с удовлетворением все возрастающего спроса на гробы, и решением СЗ исполкома от 21 ноября 1941 года, №810-с управляющему трестом т. Шишалову за невыполнение решения СЗ исполкома от 14 октября 1941 года был объявлен выговор. Но выпускаемые предприятиями Ленбумтреста и мастерскими треста «Похоронное дело» 350 гробов (в сутки) ни в какой степени не удовлетворяли спроса; в особенности спрос повысился в первых числах декабря, что вынудило СЗ исполкома решением от 14 декабря 1941 года №881-е обязать председателей исполкомов райсоветов организовать на предприятиях и в районных мастерских производство простейшего типа гробов и выпускать их в продажу населению не менее 15 штук в день по каждому району.

Продолжающаяся со второй половины августа 1941 года вражеская блокада города, отсутствие подвоза продовольствия вынудили ввести в ноябре 1941 года норму выдачи так называемого хлеба по рабочей продовольственной карточке 250 и по служащей 125 граммов на человека в сутки при том условии, что других продуктов почти никаких не выдавалось.

Это положение со снабжением населения города хлебом и другими продуктами не замедлило сказаться на небывалом росте смертности.

В дополнение к непрекращающимся вражеским бомбардировкам и ежедневным артиллерийским обстрелам, вырывавшим еже-

дневно из рядов героически обороняющих свой любимый город ленинградцев десятки и сотни жизней, в декабре на город и его население надвинулся страшный призрак голода. Уже в начале декабря в городе все чаще и чаще можно было встретить людей истощенных, с опухшими лицами, отеками ног и замедленной, неверной походкой, опирающихся при ходьбе на палочки. Наблюдались нередко случаи, когда люди разных возрастов, нередко молодые мужчины, без всякой видимой внешней причины падали на мостовых и панелях и не в состоянии были без посторонней помощи подняться. Некоторые из них поднимались и плелись дальше, не реагируя уже ни на что окружающее — людей,двигающийся транспорт, артиллерийские обстрелы, а частично тут же на улице умирали, а их трупы некоторое время оставались лежать здесь же на улице, пока представитель милиции при помощи дворников или других лиц не уберет во двор дома, где они часто лежали длительное время, и затем поодиночке или по несколько на саночках, грузовых тачках, автомашинах их отправляли в ближайшую покойницкую больницы, а в конце декабря, когда покойницкие больницы оказались переполненными и отказывались принимать трупы, ночью они просто подбрасывались к ближайшим больницам и поликлиникам, на улицы и площади. Смертность среди населения города на почве истощения от голода, суровых холодов, отсутствия дров в декабре 1941 года резко возросла и, по неполным данным треста «Похоронное дело», достигла 42 050 человек, что по отношению к смертности ноября 1941 года составило рост на 247 %.

Аппарат треста «Похоронное дело» с его персоналом кладбищ и контор оказался неподготовленным к проведению работ по захоронению в таких небывало больших масштабах по причинам:

а) объем работ по транспортировке трупов и их захоронению оказался небывало ве-

лик, неожиданно, внепланово выпав на долю треста;

б) в аппарате треста не были укомплектованы должности заместителя управляющего трестом, начальника транспортной конторы; главный инженер управления треста Садофьев, заведующий конторой эксплуатации кладбищ Пионтовский и ряд других работников вышли из строя ввиду заболевания на почве истощения;

в) могильщики кладбищ, которых на 1 декабря 1941 года состояло по списку 109 человек, — это люди, выполнявшие большую физическую работу по рытью могил, много кушавшие и выпивавшие водки и пива, очутившись на пайке 250 граммов хлеба, в первых числах декабря, за исключением единиц, оказались больными на почве истощения, неспособными работать, и 46 человек из них впоследствии умерли;

г) транспорт треста не был рассчитан на такой объем транспортировки трупов, который нужно было выполнять в декабре;

д) подготовленные по плану МПВО осе- нью траншеи, никак не рассчитанные на декабрьскую смертность, были в несколько первых дней декабря полностью использованы.

А смертность среди населения города с каждым днем все возрастала и возрастала, транспорт треста не только совсем отказался от удовлетворения запросов населения на транспортировку покойников из города на кладбища, но далеко не справлялся с вывозом трупов из больниц, госпиталей, эвакуационных пунктов и других мест. Далеко не удовлетворялся и не мог быть удовлетворен спрос населения на гробы. Население вынуждено было прибегать к частным способам изготовления гробов. Люди сами сколачивали ящик из дверей, старых досок, фанеры, или просто труп покойника зашивали в простынь, одеяло (куклой). Этот последний способ как самый легкий и простой особенно широко приме-

нялся. Только в одиночных случаях населению удавалось воспользоваться транспортом учреждений и предприятий для транспортировки покойников на кладбища, а в основном покойники транспортировались на саночках, ручных тележках, детских колясках, на листах фанеры и т. д.

По городу двигалось множество своеобразных похоронных процессий, а на улицах магистралей, ведущих непосредственно к кладбищам (Смольный пр., Георгиевская ул., Новодеревенская ул., 16–17-я линии Васильевского острова и др.), они представляли сплошную вереницу. Тяжелое впечатление производили они на население города. В густой дымке трескучих морозов закутаные человеческие фигуры медленно и молча с сумочками-авоськами двигались по улицам осажденного, непокоренного города, волоча за собой саночки, фанерные листы с уложенными на них в самодельных гробах, ящиках или зашитыми в одеяла или простыни одним или несколькими покойниками, а иногда толкая перед собой ручную тележку с покойником илидвигающие перед собой детскую колясочку с покойником, зашитым в одеяло-простынь и усаженным в нее. Перед входами на кладбища скоплялись сотни людей, саночек, тележек, автомашин, детских колясочек.

Канторки кладбищ были битком набиты людьми. Здесь люди ожидали оформления документов, искали кого-либо из работников кладбищ для отвода места под захоронение, но не находили их, так как их было очень мало, да и те были заняты массовым траншейным захоронением. Граждане, доставившие на кладбище покойника с благими намерениями — своими силами вырыть могилу и захоронить, получали место или просто сами выбирали его, начинали рыть могилу, но в силу того, что земля промерзла на один-полтора метра, а у них отсутствовал нужный инструмент и физическая сила, вырывали

незначительную ямку, прикрывали незначительным слоем земли или снега и уходили, а некоторые просто, попробовав рыть могилу (что было очень трудно), бросали на кладбище покойника) и уходили.

С половины декабря 1941 года кладбища, особенно Серафимовское, Большеохтинское и Волковское, представляли такую картину: перед воротами кладбищ прямо на улице, на самих кладбищах у контор, церквей, на дорожках, в канавах, на могилах и между ними десятками, а иногда и сотнями лежали оставленные покойники в гробах и без них; их постепенно работники кладбищ и привлеченные убирали, хоронили в траншеях, но покойников продолжали подбрасывать, и это зрелище оставалось до марта.

В январе и феврале смертность росла, а люди еще больше физически слабели от истощения, а в связи с этим сокращалось и индивидуальное захоронение, транспортировка покойников на кладбища самим населением. Уже в декабре транспорт треста «Похоронное дело» явно не справлялся с вывозом трупов умерших людей из госпиталей, больниц, эвакуопунктов и других мест. К 19 декабря их накопилось в городе больше 7 тысяч. Еще в первой декаде декабря в больнице им. 25-летия Октября прямо во дворе и у забора на территории Троицкого колхозного рынка в штабелях открыто лежало несколько сот трупов. По этому вопросу 19 декабря в 5 часов утра было созвано совещание у заместителя начальника Управления ПКЖД Ленинградской области т. Иванова, на котором присутствовали начальник МПВО города Ленинграда генерал-майор т. Лагуткин заведующий Горздравотделом т. Никитский, начальник отдела МПВО УНКВД ЛО полковник Деревянко, командир 4-го полка НКВД полковник Сидоров и начальник управления Рабоче-Крестьянской милиции Ленинграда т. Грушко. На совещании было установлено, что в городе имеется более 7 тыс. невывезен-

ных трупов. Собрание решило организовать срочную вывозку трупов на кладбища автотранспортом МПВО города, 4-го полка НКВД, управления милиции и трестов «Похоронное дело» и уличной очистки. Между этими организациями были распределены больницы, госпитали, эвакуопункты, где имелись трупы, и утром, сразу по окончании совещания, началась работа. Я лично прямо с совещания направился в трест «Похоронное дело» и взял в свои руки организацию и проведение работ по вывозке трупов, так как в аппарате треста кадров не хватало, а один начальник штаба МПВО треста Калистратов, инвалид (ходил на костылях), хотя и добросовестно относился к работе, но не в состоянии был руководить работой транспорта. Для вывозки трупов были привлечены 3 пятитонных автомашины 2-й автобазы треста уличной очистки и 3 автомашины треста «Похоронное дело», а для погрузки на автомашины и выгрузки трупов было выделено 50 человек — бойцов МПВО. С 19 по 25 декабря включительно был вывезен 4591 труп. Если удалось несколько очистить город от завала трупов, хотя и не на продолжительное время, то значительно усугубилось положение на кладбищах. На кладбищах не было свободных траншей, трупы хоронить было некуда, и складывались в штабеля на кладбищах: Волковском, Серафимовском, Богословском, Большеохтинском и острове Декабристов. Траншеи, подготовленные летом и осенью, оказались уже заполненными, а 270 рабочих, мобилизованных исполкомами райсоветов в распоряжение треста, согласно решению СЗ исполкома от 6 декабря 1941 года №852-е для рытья траншей на правом берегу Невы у Веселого Поселка, на острове Декабристов и кладбищах: Волковском, Большеохтинском и Пискаревском, не дали положительных результатов.

Проведенная в первой половине декабря работа по захоронению показала, что ее мас-

штабы из ведомственных рамок треста «Похоронное дело» переросли в общегородскую проблему, которую нельзя было разрешить без непосредственного участия исполкомов райсоветов в этой работе, без привлечения к ней стройорганизаций с их механизмами и формирования МПВО как физической здоровой силы и как специалистов подрывников. 25 декабря 1941 года СЗ исполкома приняло решение №57-с по вопросу упорядочения работы городских кладбищ, в котором отметило, что городские кладбища находятся в явно неудовлетворительном состоянии. Этим решением был снят с работы как не обеспечивший нормальную работу треста, управляющий Кошман, а также намечены конкретные меры по упорядочению работы кладбищ, а именно:

а) председателям райсоветов, в районах которых расположены кладбища, было предложено в течение двух дней навести порядок на кладбищах, закончив очищение моргов и захоронение всех незахороненных трупов, установлены санитарные нормы по захоронению и председатели предупреждены, что они будут лично отвечать за допущение в дальнейшем на кладбищах незахороненных трупов;

б) предложено начальнику городской милиции т. Грушко запретить перевозку трупов по городу без гробов, установив, что все трупы должны сдаваться в районные морги, а оттуда организовано транспортироваться на кладбища;

в) председателям исполкомов, райсоветов и УПКО предложено навести порядок организации работы кладбищ и прекратить ломку населением на кладбищах крестов и оград;

г) было разрешено производить массовое захоронение на следующих новых участках: при Большеохтинском, Серафимовском, Богословском и за Татарским кладбищами, на острове Декабристов и у Веселого Поселка;

Женщина с салазками. 1942 г.

д) предложено УПКО передать стройконтору треста зеленого строительства тресту «Похоронное дело» для производства работ по рытью траншей;

е) обязаны были начальники УЖС тов. Дроздов и УКБС т. Кутин выделить в распоряжение УПКО на арендных началах вполне исправные экскаваторы с необходимым персоналом для рытья траншей;

ж) до 28 декабря 1941 года председателям исполкомов райсоветов было предложено организовать районные морги для сбора в них трупов, оформления документации и транспортировки на кладбища для захоронения средствами райсоветов;

з) в целях недопущения скопления трупов в больницах и госпиталях горздраотделу было предложено установить минимальный срок оформления документов, а УПКО по оформлению в течение суток вывозить трупы на кладбища для захороне-

ния. Как временная мера было разрешено производить захоронение трупов из больниц и госпиталей по спискам, составленным ими, с последующим оформлением через ЗАГС;

и) штат могильщиков на городских кладбищах доведен до 200 единиц, введены должности заместителей заведующих кладбищами, пересмотрены в сторону повышения ставки зарплаты руководящим работникам кладбищ и повышены расценки оплаты могильщиков за рытье могил.

Принятые и проведенные в жизнь мероприятия на короткий период улучшили дело захоронений на городских кладбищах, но поскольку количество покойников, поступающих на кладбища в январе 1942 года, возросло в два с лишним раза против декабря 1941 года, эти мероприятия оказались недостаточными и не обеспечили своевременного захоронения поступающих трупов. Смертность неуклонно росла, а население слабело от истощения, вся тяжесть по захоронению ложилась на трест и исполкомы райсоветов. Если в декабре еще значительную часть умерших транспортировало на кладбища население, то в январе это резко сократилось. Приняло большие размеры такое явление, когда покойников стали в массовом порядке подбрасывать к больницам, поликлиникам, выбрасывать на лестницы, во дворы и даже на улицы города. Организации и предприятия вывозили из города трупы умерших людей и, боясь, что администрация кладбищ их не примет из-за отсутствия документов, сваливали трупы незаметно для сторожей на кладбищах или на улицах вблизи них. На Кременчугской улице у наружных дверей покойницкой больницы им. Боткина ежедневно беспорядочно в куче лежали подброшенные покойники. Кроме того, их можно было часто по утрам видеть выброшенными к воротам домов, на лестницах. При подъезде к кладбищам на

дорогах, в канавах, в кустах валялись брошенные трупы людей.

В январе опять незахороненные трупы накапливались в городе и на кладбищах, хотя к этому времени на кладбищах стало больше порядка, так как исполкомы райсоветов вплотную занялись кладбищами, прикрепили для руководства работами на них ответственных работников: к Волковскому кладбищу был прикреплен зам. председателя исполкома Московского райсовета т. Романов, остров Декабристов — зам. председателя исполкома Василеостровского района т. Каракозов, да и председатель исполкома т. Кусков повседневно занимался кладбищем, к Серафимовскому — зам. председателя исполкома Приморского района.

С января 1942 года к руководству трестом «Похоронное дело» пришел энергичный инженер Чайкин П. И., а снятый с работы Кошман был арестован и судом Военного трибунала осужден к 8 годам лишения свободы за непринятие мер к заготовке нужного количества запасных траншей и упорядочению работ кладбищ.

15 января 1942 года исполком Ленгорсовета решением №34-с в целях усиления работ по рытью траншей для массового захоронения обязал всех председателей исполкомов райсоветов к 17 января 1942 года направить на спецучастки по 400 человек, разрешив им в случае необходимости перевод рабочих с оборонно-строительных работ. Это решение полностью было выполнено только исполкомом райсовета Красногвардейского района. Им был сформирован специальный батальон во главе с т. Матюшиным. Батальон вел работы на Большеохтинском кладбище по рытью траншей, захоронению и приведению в порядок траншей весной. Рытье траншей на Серафимовском кладбище и захоронение было поручено штабу МПВО города, который провел там большую работу. Проведение подрывных работ, рытье траншей и за-

хоронение на Пискаревском кладбище было поручено 4-му полку НКВД. В связи с большими морозами, превышающими -25°C , и промерзанием грунта на 1,5 метра исполком выделил штабу МПВО, 4-му полку НКВД и тресту «Похоронное дело» водку для выдачи рабочим и бойцам, работавшим на рытье траншей и захоронении.

Поскольку отсутствие нужного количества траншей для массового захоронения все время являлось тормозом, а 4 экскаватора типа «Комсомолец», выделенные по решению исполкома Ленгорсовета от 25 декабря 1941 года управлениями жилищного и культурно-бытового строительства, себя в работе по рытью траншей не оправдали, горком ВКП(б) и Ленгорисполком обязали 20 января 1942 года 5-е особое строительное управление (Союзэкскавация), начальник т. Чернышев, располагавшее мощными экскаваторами типа «АК» и опытными квалифицированными кадрами, приступить к работам по рытью траншей на Пискаревском кладбище. Это управление во главе с т. Чернышевым приступило к работам и своевременно их провело. Пискаревское кладбище, где заведующей работала и в настоящее время работает т. Валерьянова Антонина Владимировна, как новое, располагающее значительным земельным участком, явилось основным местом для массового захоронения. Здесь на протяжении с 16 декабря 1941 года по 1 мая 1942 года вырыто и захоронено 129 траншей, не считая воинской площадки. На данном кладбище есть 6 траншей 4–5 метров глубиной, 6 метров шириной и до 180 метров длиной, которые вместили по 20 с лишним тысяч трупов каждая. По неподдающимся проверке данным, на этом кладбище только за два с половиной месяца, то есть с 1 января по 15 марта 1942 года, похоронено около 200 тысяч покойников, а всего с декабря 1941 года по 1 июня 1942 года — 371 428.

Последние дни января и февраль были периодом, когда количество захоронений до-

стигло наивысшей точки. В больницах, госпиталях, на эвакуопунктах и в районных моргах опять скопилось большое количество трупов. Нужны были чрезвычайные меры, и исполком Ленгорсовета решением от 2 февраля 1942 года №72-е обязал:

1. Председателей исполкомов райсоветов, УПКО и начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина в пятидневный срок проинформировать вывозку трупов из районных моргов, больниц госпиталей и их захоронение на городских кладбищах.

2. Ежедневно выделять для вывозки трупов следующее количество больших грузовых машин с прицепами: АТУЛ — 10 машин, МПВО — 15 машин, УПКО — 5 машин, исполкомы райсоветов — не менее 2 машин в сутки каждый.

3. Начальника МПВО города генерал-майора Лагуткина — закрепить за машинами АТУЛа и УПКО 100 бойцов МПВО для погрузки и выгрузки трупов.

4. Обязал генерал-майора Лагуткина выделять для повседневной работы на спецплощадку острова Декабристов, на Серафимовское и Богословское кладбища бойцов МПВО города, обеспечивающих полное захоронение всех поступающих трупов.

Приведенным решением исполкома Ленгорсовета от 2 февраля 1942 года разрешался вопрос вывоза из города трупов на кладбища, но не решался вопрос захоронения, так как нужного количества готовых траншей не было, несмотря на хорошо проведенную 5-м ОСУ работу по рытью траншей. Экскаваторы работали круглые сутки при морозах, достигавших -30 и больше градусов. Отличились на работе: бригадиры экскаваторов братья тт. Галанкины Николай Михайлович и Алексей Михайлович, которые по несколько суток не уходили с работы и обеспечивали выполнение норм на 200%; начальник участка Ручьевский Георгий Петрович и зам. главного инженера 5-го ОСУ Гладкая Алек-

сандра Никитична, которые, не уходя домой по 2–3 суток, в лютые морозы провели большую организационную работу и обеспечили своевременное начало работ и их выполнение; старший прораб участка Щелоков Иван Александрович, который днем и ночью руководил работами и проявил много энергии и упорства в выполнении спецзадания.

Надо прямо сказать, что проведенные 5-м ОСУ земляные работы по рытью траншей в основном и решили проблему захоронения трупов людей.

В течение значительного количества дней февраля только на Пискаревском кладбище привозили для захоронения 6–7 тыс. трупов в сутки.

Кроме работавших экскаваторов на кладбищах города в феврале 1942 года работало около 4000 человек ежедневно. Это были бойцы МПВО, работавшие на Серафимовском, Богословском, Большеохтинском кладбищах и спецплощадке острова Декабристов; бойцы 4-го полка НКВД под руководством очень энергичного и волевого майора Матвеева работали на Пискаревском кладбище; рабочие и служащие фабрик, заводов и учреждений, привлеченные к работам в порядке трудповинности. Специальные команды МПВО и 4-го полка НКВД производили подрывные работы, от которых на таких кладбищах, как Серафимовское и Пискаревское, круглые сутки гремела канонада взрывов. Остальные бойцы, рабочие и служащие после подрыва вручную рыли траншеи, укладывали в них покойников, вынимали покойников из гробов (так как захоронение в гробах в траншее занимало много места, а траншей не хватало), зарывали траншеи, заполненные покойниками. Несмотря на такие масштабы работы по рытью траншей, их все же не хватало. Нужны были срочные меры по решению вопроса с захоронением. Вырыть требовавшееся количество траншей в короткий срок было не-

возможно, копить трупы в городе и на кладбищах было нельзя.

3 февраля 1942 года исполком Ленгорсовета принял решение об использовании под братскую могилу имевшегося на Богословском кладбище песочного карьера, который был заполнен в течение 5–6 дней 60 тысячами трупов людей. Под захоронение были использованы и бомбовые воронки на Богословском кладбище, в которые захоронено около 1000 трупов. Позже было решено использовать под захоронение часть противотанкового рва, расположенного рядом с песочным карьером с северной стороны, где было тоже захоронено больше 10 тысяч покойников. На северной окраине Серафимовского кладбища имевшиеся 18 волчьих ям, подготовленные как противотанковые препятствия, были использованы под захоронение, а в них было похоронено около 15000 трупов. Но нарастающие поступления на кладбища трупов значительно обгоняли заготовки траншей, а потому и проведенные мероприятия по использованию под захоронение карьера и волчьих ям не устраняли диспропорции между наличием готовых траншей и завозом на кладбища трупов. На Пискаревском кладбище количество незахороненных трупов, сложенных в штабеля длиною до 180–200 метров и высотой до 2 метров, из-за отсутствия траншей в отдельные дни февраля достигало 20–25 тысяч; на Серафимовском кладбище трупами был забит морг, церковь и часть их лежала просто на кладбище. Штабель трупов около 5 тысяч лежал и на Большеохтинском кладбище, там же полностью был заложен трупами морг. На Кладбище имени Жертв 9 января в сенном сарае лежало около 3 тысяч незахороненных трупов.

Такое положение на кладбищах длилось до конца февраля 1942 года, то есть до наступления переломного момента, когда началось хотя и медленное, но снижение поступ-

ления трупов для захоронения на кладбища в связи со снижением смертности в городе. В еще худшем, чем город Ленинград, положении в части захоронения находился город Колпино ввиду непосредственной близости к позициям немецко-фашистских войск. Исполком Ленгорсовета депутатов трудящихся решением СЗ от 27 февраля 1942 года №140-е разрешил исполкому Колпинского райсовета производить сжигание трупов людей в термических печах. Кремация трупов людей в термических печах проводилась и на других предприятиях города. 7 марта 1942 года СЗ исполкома решением №157-е обязало начальника Управления промышленности стройматериалов т. Васильева организовать на 1-м кирпичном заводе сжигание трупов, пустив в эксплуатацию одну из тоннельных печей завода к 10 марта 1942 года и вторую к 20 марта 1942 года с соответствующим приспособлением вагонеток для кремации трупов.

16 марта 1942 года крематорий принял и кремировал первые 150 трупов, а 29 марта было кремировано до 880 трупов. До 1 января 1943 года всего кремировано 109 925. В качестве топлива использовались дрова и сланец.

Работа крематория по сжиганию трупов значительно облегчила дело захоронения и дала возможность в конце марта ликвидировать залежи незахороненных трупов на кладбищах, привести наличие готовых траншей для захоронения поступающих на кладбища трупов, а с 1 июня 1942 года благодаря работе крематория и значительному снижению смертности мы совсем прекратили массовое захоронение трупов людей на кладбищах, и все трупы из больниц, районных моргов и других мест трестом «Похоронное дело» транспортируются в крематорий и предаются кремации. С 1 июня и по настоящее время на кладбищах производится только индивидуальное захоронение.

Проведенное в зимних условиях массовое траншейное захоронение в связи с нарушением по ряду кладбищ санитарных правил и приближением весеннего периода потребовали:

а) проведения срочной работы по подбору в первую очередь с кладбищ незахороненных трупов и перезахоронению неправильно захороненных;

б) упорядочения и изменения способа транспортировки трупов;

в) упорядочения работы районных моргов, замены некоторых помещений и приспособления их всех к приему трупов в весенне-летний период;

г) уточнения структуры управления кладбищами, районными моргами, их штатов и ставок;

д) налаживания учета и оформления документов на поступающие в районные морги трупы.

СЗ исполкома Ленгорсовета депутатов трудящихся 14 апреля 1942 года приняло решение №206-с, в котором дало конкретные указания по работе на городских кладбищах в весенне-летний период и устранению нарушений, допущенных при захоронении в зимних условиях, предложило управлению разработать и представить на утверждение штаты и ставки работников районных моргов, предложило начальнику МПВО Ленинграда генерал-майору Лагуткину сформировать специальную роту в 300 человек для обеспечения погрузки и выгрузки трупов, захоронению и устранению недочетов захоронения, произведенного в зимних условиях.

Приближалась весна и весенне-летнее тепло. Исполком, управление и трест «Похоронное дело» понимали, что предотвратить возникновение эпидемических заболеваний в результате допущенных санитарных нарушений при захоронении зимой можно было только проведением больших и срочных работ на кладбищах города и в самом городе.

С началом таяния снега на всех кладбищах (особенно много на Волковском, Большеохтинском, Серафимовском и им. Жертв 9-го января) было обнаружено много вытаявших из-под снега гробов с незахороненными трупами. Их нужно было до наступления тепла и разложения убрать, кремировать или захоронить в имевшиеся траншеи. Приказом по Управлению №29 от 15 апреля 1942 года управляющий трестом «Похоронное дело» был обязан:

а) с утра 16 апреля 1942 года организовать на всех кладбищах города работу по уборке вытаявших из-под снега и льда трупов и немедленному их захоронению;

б) для организации этих работ и руководства ими к большим кладбищам в помощь заведующим прикрепить ответственных работников управления треста и нужное количество автомашин;

в) закончить уборку трупов 18 апреля 1942 года и в этот же срок убрать с кладбища все гробы, одеяла, стружки и другой мусор, которые могли способствовать возникновению эпидемических заболеваний.

В эти три дня все работники треста во главе с управляющим т. Чайкиным, работники кладбищ, около тысячи человек рабочих и работниц фабрик и заводов, мобилизованные исполкомами райсоветов, собрали 12 900 трупов-«подснежников», как их тогда называли; их вынимали из гробов, грузили на автомашины и направляли в крематорий, а если он не мог принять — на Пискаревское кладбище для захоронения в имевшиеся там подготовленные траншеи. Оставшиеся гробы и другие принадлежности захоронения тут же на кладбищах на кострах сжигались.

Если в конце декабря 1941 года, в те тяжелые дни, исполком допустил возможность захоронения трупов из больниц и госпиталей по спискам с последующим оформлением смертей в органах ЗАГСа, чего больницы

и госпитали не делали, то с 15 апреля управлением было тресту и кладбищам категорически запрещено принимать трупы к захоронению без свидетельств о смерти, это внесло порядок в дело учета смертности. Многие в стихийно возникших и наспех организованных в декабре 1941 года районных моргах совершенно не годилось к эксплуатации в весенне-летних условиях (в Октябрьском районе доставляемые в морг на Канонерской ул., д. 83, в Кировском районе в больнице им. Володарского, в Ленинском районе на 12-й Красноармейской ул. — трупы прямо складывались во дворах), у них не было утвержденных штатов и ставок работникам, не было разработано форм регистрации трупов, никаких инструкций, и каждый морг работал по-своему и разным организациям в районе подчинялся.

15 апреля 1942 года управлением и трестом на основе пункта 13 решения СЗ исполкома от 14 апреля 1942 года №206-е было предложено райкоммунотделам — Ленинскому, Василеостровскому, Фрунзенскому, Красногвардейскому, Дзержинскому, Володарскому, Октябрьскому, Свердловскому, Приморскому — в трехдневный срок подобрать другие помещения под районные морги. Была установлена следующая локация районных моргов:

1. Василеостровский — ВО, 8-я линия, д. 73
2. Володарский — Кладбищенская ул., д. 4
3. Выборгский — ул. Батенина, д. 5
4. Дзержинский — канал Грибоедова, д. 2 (церковь)
5. Куйбышевский — ул. Маяковского, д. 12
6. Красногвардейский — Арсенальная ул., д. 8
7. —«— Пороховые, Ильинская церковь
8. Ленинский — пр. Красных Командиров (Троицкий собор)
9. Московский — Смоленская ул., д. 3
10. Октябрьский — Канонерская ул., д. 3
11. Петроградский — наб. р. Карповки, д. 2

*Трупы горожан на пустыре.
Около Волковского кладбища. 1942 г.*

12. Приморский — Большая Зеленина ул., д. 9
13. Смольнинский — Александро-Невская лавра (часовня)
14. Свердловский — Смоленское кладбище (церковь)
15. Фрунзенский — Лиговская ул., д. 128 (церковь)
16. Кировский — ул. Стачек, 54 (больница им. Володарского)

Установлен строгий санитарный контроль за состоянием моргов, налажена регулярная дезинфекция помещений.

Решением от 29 апреля 1942 года исполком утвердил разработанные управлением штаты и ставки работникам районных моргов.

18 мая 1942 года Управление утвердило им же разработанную инструкцию о работе районных моргов и все формы учета их работы.

Весной и летом трупы должны были вывозиться из районных моргов, из больниц, госпиталей и кремироваться немедленно. Исполком закрепил за трестом «Похоронное дело» 25 автомашин из автотранспортного управления для регулярной вывозки трупов,

обязал генерал-майора Лагуткина выделить в каждом районе по одной автомашине в распоряжение районных моргов для сбора из районов трупов и доставки их в районные морги.

В апреле 1942 года сформирована специальная рота МПВО в 200 человек для погрузки и выгрузки трупов на транспорте, для проведения других срочных работ на кладбищах.

В городе уже не стало залежей невывезенных, а на кладбищах незахороненных трупов. Только в отдельных местах в городе обнаруживались трупы, о наличии которых узнавали случайно. Так, например, после того как эвакуировался Эрмитаж, в подвалах его здания было обнаружено 109 трупов. Это умирали работники Эрмитажа.

По приказу управления во второй половине апреля и первой половине мая 1942 года на всех кладбищах города их работниками под руководством и контролем работников управления треста были обследованы все могилы индивидуального захоронения в осенне-зимний период 1941/1942 года на предмет выявления могил, где захоронение произведено с нарушением санитарных норм и подлежащих перезахоронению. На основе данных обследования была установлена очередность перезахоронений. Перезахоронение покойников проводилось силами работников кладбища и рабочих, привлеченных райсоветами к работам на кладбища в порядке трудповинности, путем углубления могил и опускания покойника, а в отдельных случаях покойника перезахоранивали тут же на кладбище в траншею. Всего в весенне-летний период на кладбищах города было перезахоронено 9173 индивидуально захороненных покойника.

Наступление весенне-летнего тепла и начало процесса разложения захороненных покойников требовали от управления, треста и работников кладбищ повседневного строгого наблюдения за индивидуальными и братски-

ми могилами, тем более что значительная часть их была только слегка присыпана землей. Начались провалы насыпей индивидуальных и братских могил, обнажение трупов, появление трупного запаха. Это грозило возникновением эпидемических заболеваний. Управление и трест срочно поставили на засыпку братских могил на Пискаревском кладбище два экскаватора и людей: всех работников кладбищ, часть личного состава спецроты МПВО и рабочих, мобилизованных райсоветами. В первую очередь были засыпаны все братские могилы с образованием на них холмов, в течение лета насыпи на некоторых могилах оседали несколько раз, их каждый раз посыпали вновь. К осени 1942 года были приведены в полный порядок с оформлением надмогильных холмов 17850 индивидуальных и 584 братские могилы. Только на 78 братских могилах на Пискаревском кладбище не были окончательно оформлены надмогильные холмы. Засыпку братской могилы на Богословском кладбище (песочный карьер) по решению СЗ исполкома Ленгорсовета от 17 июня 1942 года №309-с производило экскаваторами Управление культурно-бытового строительства. Процесс засыпки длился в течение всего лета, так как по мере разложения трупов насыпанная земля осаживалась. Всего насыпано на эту братскую могилу 15 тысяч кубометров земли, а засыпка далеко не окончена. Особо серьезное значение летним работам на кладбище в части повседневного наблюдения за братскими могилами и поддержанием их в порядке придавалось потому, что подобного нашему опыту массовых захоронений не знает история.

Пережив весьма горький опыт отсутствия запасных траншей для массового захоронения в зиму 1941/1942 года, а также имея в виду продолжавшуюся блокаду, бомбардировки и обстрел города, по ходатайству управления исполком Ленгорсовета решением СЗ от 14 июня 1942 года №305-с разрешил

Бойцы МПВО и сандружинники убирают трупы на улицах после артобстрела. 1943 г.

тресту в течение лета произвести работы по рытью запасных братских могил, Эту работу в основном проводило 5-е ОСУ. Сейчас каждое кладбище имеет запасные братские могилы, а всего в разных местах 96 братских могил длиной 6620 метров вместимостью на 134 120 покойников.

В заключение нужно сказать, что при всех имевших место больших недостатках, вызванных в основном внезапностью возникновения работы по захоронению в невиданных в истории размерах, проведена гигантская работа.

К сожалению, в городе нет организации, которая могла назвать точную цифру умерших в городе Ленинграде людей за период с 1 декабря 1941 года по 1 июня 1942 года

Это объясняется тем, что, по неточным данным произведенных кладбищами захоронений, последние в декабре 1941 года по отношению к ноябрю выросли на 247%, в январе 1942 года по отношению к декабрю — на 408% с лишним, в феврале по отношению к январю — на 108% с лишним.

Никто к таким размерам смертности и молниеносности ее роста не только не был подготовлен, но никто никогда и не мог мыслить о чем-либо подобном.

К оказанию помощи тресту «Похоронное дело» в проведении захоронений были при-

влечены исполкомы районных Советов депутатов трудящихся, штаб МПВО города с его подразделениями, некоторые воинские части, и все они были заняты решением одной задачи — захоронить покойников и избежать скопления их в городе и на кладбищах незахороненными.

В органы ЗАГСа за оформлением смертей ходила незначительная часть населения, предприятий и учреждений, так как в начале роста смертности ЗАГСы также оказались неподготовленными к регистрации такого большого количества смертей — создались огромные очереди. В связи с таким явлением, дальнейшим ростом смертности и ослаблением живых, количество желающих оформить в ЗАГСах и своими силами захоронить умершего падало, а подбрасывание покойников возрастало, и оформление их через органы ЗАГСа было невозможно. Возможен был учет только на кладбищах, но и здесь работники были заняты в первую очередь тем, чтобы скорее захоронить в большом количестве поступающих на кладбища покойников, а поэтому кладбища тоже, к великому сожалению, не имеют точного учета захороненных.

О масштабах работы по захоронению можно судить хотя бы по тому, что с 1 июля 1941 года по 1 июля 1942 года кроме индивидуального под захоронение занято на кладбищах города и вновь отведенных участках 662 братские могилы протяжением в 20233 погонных метра, из них вынута земли в условиях суровых морозов и промерзания грунта до полутора метров — 160 135 куб. метров, не считая занятых под захоронение песочного карьера, противотанкового рва, бомбовых воронок на Богословском кладбище и волчьих ям на Серафимовском.

По данным кладбищ города, далеко не точным, возможно завышенным, ими за период с 1 июля 1941 года по 1 июля 1942 года захоронено 1 093 695 покойников.

Огромный рост захоронений с 1 декабря 1941 года до 1 марта 1942 года, то есть непродолжительное время после введения голодного продовольственного пайка для населения города, и такое же резкое снижение захоронений началось только в апреле 1942 года, хотя паек был увеличен в конце декабря 1942 года Резкий скачок снижения захоронений произошел в июне 1942 года.

Транспортом городского треста «Похоронное дело» и транспортом других организаций, предоставляемым в распоряжение треста из гражданских госпиталей, больниц, эвакуационного пункта, районных моргов и других, вывезено за период с 1 декабря 1941 года до 1 декабря 1942 года 444 182 покойника.

По приходе в январе 1942 года на работу управляющим в трест «Похоронное дело» т. Чайкина П. И. удалось несколько укрепить аппарат треста и кладбищ. При всех больших недостатках в работе треста и кладбищ при проведении этой гигантской работы аппарат треста (под руководством т. Чайкина, его заместителя т. Тибанова) и работники кладбищ провели очень большую и небыва-

ло трудную работу, а отдельные работники, руководимые тем, что они работают в осажденном городе-фронте, проявили в работе исключительную самоотверженность. Так, например:

1. Начальник штаба отряда МПВО т. Каллистратов, инвалид (без одной ноги), в течение более двух месяцев — декабрь, январь и февраль, — в эти самые тяжелые дни блокады и работы треста по захоронению самоотверженно, недоедая, засыпая на 2–3 часа в сутки, а иногда и меньше, не уходя домой, руководил работой транспорта по вывозу покойников из города на кладбища. Он часто работал больной, с повышенной температурой. Он сознавал, что уйти было нельзя, так как работы было много, а заменить его было некем.

2. Заведующая Пискаревским кладбищем т. Валерьянова Антонина Владимировна в течение более 3 месяцев тяжелых бытовых условий жила в конторе кладбища. На этом кладбище одновременно работали в некоторые дни до 700 человек рабочих по рытью траншей и захоронению, в феврале завозилось в день для захоронения до 10 000 покойников. Антонина Владимировна не растерялась, не хныкала, а день и ночь организовывала и руководила работой, в лютые морозы, вьюги, днем, поздно вечером и ночью ее всегда можно было видеть за кипучей работой на территории кладбища или в конторе. Она на деле показала себя как истинная патриотка.

3. Заведующий Серафимовским кладбищем т. Беляевский Алексей Яковлевич пришел на эту совершенно ему незнакомую работу 2 февраля 1942 года, в этот весьма трудный период блокады и разворота больших работ по захоронению на этом кладбище, быстро освоил работу, в течение двух с лишним месяцев не уходя с кладбища, проживая в тяжелых бытовых условиях в конторке, не считаясь со временем и здоровьем, организовал

Вывоз трупов. 1942 г.

и проводил огромную работу, навел на кладбище порядок. Весной и летом в целях предотвращения эпидемических заболеваний провел перезахоронение 2910 индивидуальных могил и привел в порядок 199 братских могил.

4. Спиридонов Иван Алексеевич — заведующий участком захоронений на правом берегу Невы у Веселого Поселка. В мае 1942 года, будучи направлен на эту для него новую работу исполкомом Володарского райсовета депутатов трудящихся, правильно осознал значение порученной ему работы, быстро ее освоил, не считаясь со временем и силами, круглыми сутками работал на участке и обеспечивал бесперебойное захоронение. Весной и летом провел большую работу по рытью запасных братских могил и приведению в порядок состояние захороненных братских могил.

5. Сидоров Павел Михайлович — заведующий Большеохтинским кладбищем, молодой товарищ по возрасту и стажу административной работы. На этом кладбище на одном из первых началось большое индивидуальное и массовое захоронение с первых чисел декабря 1941 года Могильщики почти все заболели, и тогда Сидоров, собрав остатки работников кладбища, преимущественно женщин, правильно их расставил, правильно понял сам и передал своим подчиненным значение проводимой кладбищем работы в условиях блокады и дружно вместе с коллективом работников взялся за эту работу. Провел огромную работу по захоронению 127 братских могил. Весной и летом все братские могилы привел в порядок, произвел перезахоронение 2594 индивидуальных могил. В течение декабря, января и февраля, почти не уходя с кладбища, самоотверженно работал, не считаясь со временем и здоровьем.

Руководимые высоким сознанием долга, в тяжелых условиях, не считаясь с суровыми морозами, недоеданием, хорошо работали,

отдавая все свои силы, следующие работники кладбищ:

По Волковскому кладбищу

1. Кузьмина Анна Васильевна
2. Лобанова Матрена Матвеевна
3. Федорова Мария Ивановна
4. Кудрявцева Пелагея Дмитриевна
5. Даниленко Сергей Семенович
6. Шишов Михаил Никитич

По Большеохтинскому кладбищу

1. Алексеев Андрей Алексеевич
2. Горячева Феодосия Харитоновна
3. Егорова Екатерина Ивановна
4. Хмелинская Клавдия Кузьминична
5. Алексеева Елена Никитична

Тов. Ефимов работал до полного истощения и, несмотря на отсутствие сил, ходил на работу до последнего дня жизни. В последний день жизни был на работе, пошел домой и, не дойдя до квартиры, умер на лестнице своего дома.

По Богословскому кладбищу

1. Меленкова Мария Ивановна
2. Самсонова Ксения Никифоровна
3. Меленков Павел Александрович
4. Андрюшов Алексей Алексеевич
5. Бужинский Виктор Иванович — работал до полной потери сил и истощения, в результате чего умер.

По Серафимовскому кладбищу

1. Филатова Наталья Васильевна
2. Тимофеева Татьяна Григорьевна
3. Лаврова Фекла Исаевна
4. Петухова Мария Алексеевна

Отдельные работники кладбищ, учитывая важность и срочность проводимой работы, работали до последних сил. Некоторые могильщики, вырыв с невероятным напряжением сил могилу, не в силах были без посторонней помощи из нее выбраться или, опуская покойника в могилу, падали за ним сами.

Имели место случаи, когда могильщики Волковского кладбища Зуев, Новиков, Митькин, Дмитриев и Ковшов умерли на кладбище,

на работе. Один из них вырыл могилу, лег на дно ее отдохнуть и больше не встал — умер.

Все это показывает, что работники кладбищ, невзирая на трудности, считали своим долгом перед родиной отдать все свои силы и жизнь за порученное им дело.

Но масштабы работы были таковы, что одним работникам кладбищ и аппарата треста эту работу без помощи исполкомов райсоветов, штаба МПВО, воинских частей и стройорганизаций провести было нельзя. Существенную роль в деле упорядочения работы по вывозу из города покойников и их захоронению сыграли исполкомы райсоветов: Красногвардейского, Московского, Василеостровского, Володарского и Приморского. Они взяли под непосредственный контроль работу кладбищ и повседневно помогали им рабочей силой, инструментом и транспортом.

Большую работу по вывозке покойников из города на кладбища, рытью братских могил и захоронению провели подразделения МПВО под руководством [начальника] МПВО генерал-майора Лагуткина и начальника штаба майора Трегубова.

Из общего большого числа личного состава подразделений МПВО следует особо отметить работу следующих товарищей:

1. Типкин Георгий Иванович — начальник дегазационной команды МПВО участка. В период зимы 1941/1942 года все время работал по рытью траншей в тяжелых условиях при морозе -35° . Работы выполнял в срок, за что имеет благодарность начальника МПВО города Ленинграда.

2. Зуев Василий Дмитриевич — боец участкового формирования МПВО. Всю зиму 1941/1942 года работал на земляных работах по рытью траншей, выполняя нормы на 150–200%. Дисциплинированный, преданный делу боец.

3. Петров Николай Яковлевич и

4. Алексеев Александр Григорьевич — начальники штаба МПВО Приморского райо-

на — дисциплинированные, энергичные, волевые командиры. За весь зимний период 1941/1942 года формирования МПВО работали по рытью траншей под их непосредственным руководством. В результате район справился с возложенными задачами.

5. Устьянцев Иван Николаевич — начальник штаба МПВО Красногвардейского района. В период зимы 1941/1942 года формирования МПВО работали на земляных работах по рытью траншей под его руководством и при его непосредственном участии. Район справился с заданными работами.

6. Медведева Мария Афанасьевна — командир подрывного взвода 1-й роты штаба МПВО Ленинграда. В период зимы 1941/1942 года работала на земляных работах по рытью траншей. Тов. Медведева четко и быстро выполняла задания командования, показывала пример мужества бойцам своего взвода.

В неимоверно трудных условиях работниками кладбищ города при большой помощи исполкомов районных Советов депутатов трудящихся, подразделений МПВО и стройорганизаций проведена в течение года войны и блокады гигантская, невиданных масштабов работа по захоронению.

Результат работы был достигнут — город и его население, пережив небывалые лишения, после такого массового захоронения с нарушением санитарных норм избежали эпидемических заболеваний.

*Начальник УПКО исполкома Ленгорсовета
депутатов трудящихся А. Карпушенко
ЦГА СПб., ф. 2076, оп. 4, д. 63,
л. 147–191. отпущ.*

*Из книги «ЛЕНИНГРАД В ОСАДЕ».
Сборник документов о героической обороне
Ленинграда в годы Великой Отечественной
войны 1941 — 1944.
Издательство «Лики России», 1995.*

Печатается в сокращении.

В северной части Петербурга от площади Мужества берет начало проспект Непокоренных — дорога к всемирно известному общенациональному памятнику истории страны — Пискаревскому мемориальному кладбищу, где на территории 28 гектаров захоронены почти полмиллиона защитников непокоренного города-героя.

Это самое большое в мире кладбище жертв Второй мировой войны совершенно справедливо стало местом всенародного поклонения, ибо нет у нас другого такого места, где бы так остро осознавалась страшная трагедия войны, тяжелая боль утраты и в то же время — высокое чувство гордости за своих сограждан и стремление сохранить мир, упрочить единство народов.

В единстве и сплоченности народа — сила государства. Именно к этому призывают священные могилы Пискаревского кладбища. Ведь и сейчас в разных местах планеты рвутся снаряды, проливается кровь. Поэто-

Марсово поле в годы блокады

му, как никогда, мы должны помнить о том, что любая война — это гибель, разрушения; это — вечная скорбь.

Памятником скорби и славы стал Пискаревский мемориал, который сегодня является не только музеем подвига Ленинграда, его защитников, но и школой духовно-патриотического воспитания. В нынешнее время молодым людям стать настоящими гражданами своего Отечества без нравственных ориентиров, без идеалов невозможно. И хотя о Великой Отечественной войне мы говорим уже в прошедшем времени (события ее легли на страницы учебников истории, художественной и мемуарной литературы, на тысячи километров киноплёнки), во имя высшей справедливости, во имя гордого будущего России нельзя допустить, чтобы для молодого поколения Великая Отечественная стала «неизвестной войной». Сохранить память о погибших, донести до молодежи всю правду о войне, ее героях — священный долг.

За тысячелетия в истории России было много тяжелых испытаний, нашим предкам часто приходилось браться за оружие, чтобы в смертельном бою защищать свои земли от захватчиков, но самым тяжелым испытанием была Великая Отечественная война. Особой же страницей летописи военной истории является гитлеровская блокада Ленинграда: ни один город мира за всю историю войн на планете не отдал за Победу столько жизней. Более двух миллионов человеческих жизней (горожан и бойцов) — цена битвы за Ленинград. Одной только битвы!

Известно, что в планы гитлеровского командования входило не только полное разрушение Ленинграда, но и **уничтожение населения без принятия капитуляции**. «...Фюрер решил стереть Петербург с лица земли... Предложено тесно блокировать город и путем обстрелов из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей... Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты...» Эти строки из секретной Директивы от 29 сентября 1941 года, находящейся в документах Нюрнбергского процесса, наглядно доказали решительность действий в отношении города на Неве, последствия которых были просто чудовищны: свыше 5 миллионов квадратных метров разрушенной площади (то есть каждый третий дом — в развалинах) и более миллиона погибших горожан, что значительно превышает потери союзных армий США и Великобритании за всю войну с гитлеровской Германией.

Самый тяжелый период блокады — первая зима 1941–1942 годов — время жесточайших испытаний, когда жители города были лишены самых элементарных условий для жизни. Этой снежной, небывало морозной зимой не работало центральное отопление, отсутствовало в квартирах электричество, замерз водопровод, бездействовала канализация, не работали бани и прачечные, был остановлен городской транспорт... К тому же — постоянные обстрелы города, бомбардировки и голод.

С 20 ноября 1941 года больше месяца держалась минимальная норма выдачи суррогата хлеба — 125 граммов. Отсутствие продовольствия заставляло людей употреблять в пищу олифу, столярный клей, глицерин, древесную кору, торф... Голод не щадил никого, люди умирали целыми семьями, и уже в январе 1942 года все 32 кладбища города оказались переполненными: хоронить погибших стало негде.

Зима 1942 г. Невский пр.

На заседании Исполкома Ленсовета 7 января с тревогой было отмечено, что при захоронениях никакие санитарные нормы не соблюдаются, на подходах к кладбищам всюду трупы без гробов, а морги больниц и специально созданные «приемные пункты» завалены телами умерших. В тот же день принимается срочное Решение о создании похоронных команд и организации массовых захоронений за железнодорожной станцией Пискаревка, на северной окраине города.

Место это было выбрано не случайно. Именно северные пригородные районы не подвергаются систематическим артиллерийским обстрелам и интенсивным бомбовым ударам авиации противника: основной театр военных действий находится на южных подступах к Ленинграду. К тому же — у станции Пискаревка есть небольшое кладбище. Еще в 1939–1940 годах на пустыре у песчаного карьера совхоза «Ручьи» оно было создано для захоронений воинов, погибших в Советско-Финляндской войне. Позже там стали хоронить своих родных местные сельские жители, и таким образом появилось еще несколько участков гражданских захоронений.

А в 1941 году, с первых же дней Великой Отечественной, на Пискаревском кладби-

ще начали производить захоронения воинов и горожан пять районов города — Выборгский, Дзержинский, Калининский, Октябрьский и Смольнинский. Но уже в январе 1942 года сюда потянулись вереницы повозок, машины с телами погибших из всех городских районов, даже самых отдаленных. Пискаревское кладбище становится основным местом массовых захоронений.

Для рытья могил направили саперов, так как земля промерзла настолько, что ее необходимо было взрывать. Затем углубляли и расширяли траншеи, превращая их в огромные братские могилы, в которых хоронили в основном без гробов.

Книги учета захоронений гражданского населения до декабря 1941 года хранят

Архитектор ЕА Левинсон с авторами барельефов мемориальной стелы

имена и фамилии. В некоторых случаях зафиксированы более подробные сведения: домашний адрес, возраст, даже описание, во что одет умерший, какие вещи и документы при нем имеются. Сохранились поименные списки горожан, погибших в 1942, 1943 и 1944 годах. Но с декабря 1941 года по май 1942-го учет захоронений гражданского населения осуществлялся только по количеству привозимых трупов. В этих книгах указываются названия моргов, больниц, госпиталей, предприятий, районов, даже улиц и кладбищ, откуда привезены тела умерших ... и цифры. Каждый день — от 3 до 5–8–10 тысяч трупов.

По данным архива музея Пискаревского мемориала, в феврале 1942 года было погребено более 117 тысяч человек, в марте — почти 129 тысяч, а в апреле — более 100 тысяч.

420 тысяч горожан, погибших от голода, болезней и холода, артиллерийских обстрелов и бомбардировок, похоронены в 47 братских могилах. Плотность захоронений в некоторых траншеях даже трудно представить — 267 человек на один погонный метр при ширине могил 8 метров и их длине около 200 метров.

Если имена большинства горожан, погребенных здесь, неизвестны, то на захоронения воинов составлялись списки. Они хранятся в архиве мемориала. 70 тысяч солдат и матросов, курсантов, офицеров, бойцов армии народного ополчения, умерших в ленинградских госпиталях, похоронены в 139 братских могилах и более 6 тысяч — на 40 участках в индивидуальных могилах.

Неоспоримо: это было время страшных, мучительных испытаний, преодолев которые обессиленные от голода и уставшие от бомбежек и обстрелов люди, неся колоссальные потери на фронте, смогли ценой невероятных усилий, непревзойденного мужества не только прорвать гитлеровскую блокаду в январе 1943 года, но еще через год полно-

Петр Александрович Зайченко зажигает факел на Марсовом поле

стью разгромить противника и освободить город от вражеской блокады.

А в 1945 году на месте массовых захоронений решено было создать величественный ансамбль. Слишком уж многочисленны потери и слишком тяжела боль утраты близких.

Архитектурно-художественный замысел мемориального комплекса Пискаревского кладбища принадлежит члену-корреспонденту Академии строительства и архитектуры профессору Е. А. Левинсону и архитектору А. В. Васильеву.

В ходе работы в 5-й мастерской ЛенПроекта несколько раз менялись варианты, продумывались детали; создавался творческий коллектив, объединивший, в конечном итоге, ради единой цели мастеров архитектуры, скульптуры и поэзии. К работе были привлечены заслуженные деятели искусств — скульпторы В. В. Исаева и Р. К. Таурит, создавшие выразительный обобщенный образ Матери-Родины. Скульптором С. Г. Каплун выполнена гирлянда из дубовых листьев, обвитая траурной лентой. М. А. Вайнман, Б. Е. Каплянский, А. Л. Малахин и М. М. Харламова создали барельефы на гранитной стеле. А ленинградские поэты О. Ф. Берггольц и М. А. Дудин сумели найти полные трагизма и в то же время вдохновенные слова, кото-

рые были высечены на мемориальной стене и фризах музейных павильонов.

«Никто не забыт и ничто не забыто» — эти строки из эпитафии, созданной Ольгой Федоровной Берггольц для Пискаревского мемориала, со временем стали девизом — призывом благодарной памяти потомков.

Немаловажное место во всем ансамбле Пискаревского кладбища занимают зеленые насаждения (46 видов различных древесных пород — деревьев и кустарников), цветы, подбору и состоянию которых ежегодно уделяется особое внимание. Более 10 тысяч кустов роз, высаженных на мемориале, представляют самый большой розарий города.

А над многочисленными братскими могилами «торжественно-печального поля» вечным напоминанием о суровом блокадном времени тихо звучит музыка С. Рахманинова, П. Чайковского, Д. Шостаковича, Ф. Шопена, И. Баха, В. Моцарта, Л. Бетховена... Это гармоничное единство архитектуры и скульптуры, природы, поэзии и музыки составило значительный по замыслу мемориальный ансамбль, так целостно выразивший идею мужества и непокоренности города-героя.

В день открытия мемориала — 9 мая 1960 года, участник обороны Ленинграда Петр Александрович Зайченко в сопровождении почетного эскорта доставил с Марсова поля

Факел доставлен на Пискаревское кладбище

горящий факел. На Пискаревском кладбище, в тот день ставшем мемориальным, вспыхнул Вечный огонь, а перед жителями и гостями города распахнулись двери музейных залов.

Экспозиция музея дает представление о том, как жили, трудились для фронта, боролись и умирали ленинградцы в годы блокады. Умирали, но не сдавались.

Среди экспонатов кусочек блокадного хлеба и столярного клея; страницы из записной книжки одиннадцатилетней ленинградской школьницы — блокадная хроника трагической судьбы семьи Тани Савичевой; уникальные документы — страницы из «Журнала учета захоронений на Пискаревском кладбище» без имен и фамилий. Многочисленный музейный фотоматериал рассказывает о значении Ладожского озера в судьбе блокадного города и Дороге жизни, о создании армии народного ополчения, боевых действиях воинов Ленинградского и Волховского фронтов, о партизанском движении, о прорыве гитлеровской блокады в 1943 году, окончательной ее ликвидации в январе 1944 года и восстановлении разрушенного войной города.

Свидетельством искреннего восхищения подвигом, мужеством ленинградцев и сострадания к тем испытаниям, которые выпали на их долю, являются многочисленные записи в Книге почетных гостей. Более 2 миллионов человек, в том числе представителей всех народов планеты, ежегодно посещают Пискаревский мемориал, который еще в 1961 году был признан *основным памятником защитникам блокадного Ленинграда*, «...официальным местом отдания почестей и возложения венков...».

Сюда каждый день приходят люди со своей незатихающей болью, не проходящим горем. Они приходят узнать какие-либо сведения о своих близких, поклониться родным священным могилам.

Митинг в день открытия мемориального комплекса

Архив мемориала располагает списками погибших воинов, захороненных в братских и индивидуальных могилах, электронной Книгой Памяти, в которую внесены имена солдат и офицеров ленинградского призыва и горожан, погибших во время блокады. Таким образом, сотрудники архива, обладая этими документами, имеют возможность оказывать помощь в поиске мест захоронений, определении могилы и в составлении списков погибших для «Книги Памяти», работу над которой правительство Санкт-Петербурга доверило и передало коллективу мемориала.

По электронному каталогу изданы 18 томов «Книга Памяти. Ленинград. 1941–1945», куда включены имена погибших на фронтах, пропавших без вести, умерших в госпиталях и нашедших упокоение в городах, селах нашей страны и за рубежом. И 35 томов «Книга Памяти. Блокада. 1941–1944», в которые вошли имена горожан, погибших в годы гитлеровской блокады Ленинграда.

Восстановлено уже и внесено в базу данных электронного каталога около 300 тысяч имен воинов и почти 630 тысяч горожан. Эта работа и сегодня продолжается, списки погибших пополняются все новыми и новыми именами в результате сложной, кропотливой деятельности работников архива и музея ме-

Аллея памяти

мемориала, привлекающих к работе поисковые школьные и студенческие отряды, различные ветеранские и общественные организации.

Учитывая особую значимость в сохранении памяти о погибших в этой самой кровопролитной, самой жестокой и разрушительной в истории войне, бережного отношения к прошлому последующими поколениями, возрождения духовности и патриотического долга, а также неоднократные просьбы и обращения к администрации мемориала увековечить память защитников города на Неве, оставшихся в этой земле навечно, сотрудники Пискаревского мемориального кладбища в 1998 году создали Санкт-Петербургский общественный фонд «Пискаревский мемориал». Была разработана программа «Памяти павших будьте достойны», один из проектов которой увековечение памяти погибших защитников блокадного Ленинграда предусматривал открытие в парковой зоне мемориального комплекса Аллеи Памяти, ведь Пискаревское кладбище постоянно напоминает о святом долге памяти. В ходе реализации этого проекта на протяжении многих лет на мемориале проводились (и сейчас проводятся) торжественные церемонии открытия памятных плит, посвященных погибшим защитникам блокадного Ленинграда, от регионов России, стран СНГ — бывших республик Советского Союза, зарубежных государств; от

предприятий и организаций, работавших в осажденном городе, приближавших Победу и сохранивших для всего человечества исторические и культурные памятники. В результате художественно оформленные памятные плиты образовали Аллею Памяти Пискаревского мемориала, которая стала достойным вкладом нынешнего поколения в сохранение памяти о погибших и упрочение связи поколений. Мы ведь всегда будем в неоплатном долгу перед павшими, а потому должны помнить — каждый погибший в этой войне достоин Вечной Памяти.

Лилия Маркова

Автор статьи Лилия Никитична Маркова, работая более 23 лет на Пискаревском мемориале, вела большую поисковую, изыскательскую работу по восстановлению имен, погибших в Великую Отечественную войну и в период блокады Ленинграда, и определению мест их погребения.

Ею сформированы архив мемориала и музейные фонды, разработана программа «Памяти павших будьте достойны».

Лилия Никитична — автор многочисленных публикаций по военно-патриотической тематике, по истории создания Пискаревского мемориала. Она входит в состав редакции «Книга памяти Санкт-Петербурга».

Лилия Никитична — лауреат золотой медали «Личность Петербурга».

Памяти павших

(О том, как проходил добровольный сбор средств на сооружение монумента защитникам Ленинграда*)

17 января 1963 года на торжественном собрании представителей трудящихся Ленинграда, посвященном 20-летию со дня прорыва блокады, выступил поэт Михаил Дудин. Страстно, взволнованно прозвучали с трибуны слова поэта.

— «Никто не забыт, и ничто не забыто» — эти слова горят на красном граните Пискаревского кладбища, на памятнике миллионам ленинградцев, погибших в дни блокады. Но кладбище есть кладбище, и у него особая память. У меня есть предложение. Настало время, товарищи, в черте самого города поставить памятник героям обороны Ленинграда. И поставить его на народные деньги, собранные ленинградцами. Государство наше не бедное. Оно могло бы сделать это и само. Но пусть этот памятник будет воистину народным, чтобы каждый ленинградец, внесший свою посильную лепту на постройку этого памятника, имел право считать его лично своим памятником героям обороны и блокады. Вечен огонь нашей памяти. Мы водрузим из гранита и мрамора, из чугуна и бронзы памятник славы и скорби нашим героям. Мы высечем резцом на камне самые сердечные слова признательности. Пусть эти слова для всех времен будут как клятва и вселяют в души потомков мужество

и великое чувство нерасторжимой связи героических поколений, идущих в светлое завтра.

Это предложение получило горячую поддержку. Совет министров Союза ССР разрешил Исполкому Городского совета сооружение на народные средства в Ленинграде памятника героическим защитникам Ленинграда в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

В Ленинградской городской конторе Госбанка, во всех сберегательных кассах города открылся счет №114292.

Средства в любом размере, перечисленные добровольно от отдельных граждан, коллективов предприятий, учреждений, учебных заведений, заносились на этот текущий счет.

При Исполкоме Ленинградского городского совета была создана городская общественная комиссия содействия сооружению памятника и был объявлен конкурс на разработку его проекта.

Тысячи трудящихся Ленинграда и области, городов и сел страны, воинов Советской армии и флота, ветераны-фронтовики, молодежь, пенсионеры добровольно отчисляли средства из своих сбережений на сооружение памятника. Одним из первых внес деньги на памятник бывший знатный снайпер Ленинградского фронта Герой Советского Союза Ф. Дьяченко.

За несколько дней номер счета №114292 стал известен тысячам трудящихся Ленинграда и Ленинградской области, воинам армии и флота, жителям многих и многих городов страны.

* В подготовке этого материала использованы материалы из газет «Ленинградская правда» («Санкт-Петербургские ведомости»), «Вечерний Ленинград» («Вечерний Петербург»), «Смена», «Ленинградский рабочий», информация Ленинградского телевидения и радио.

В апреле 1963 года состоялось первое заседание общественной комиссии содействия сооружению памятника при Исполкоме Ленгорсовета. В газетах, по радио, телевидению было обнародовано сообщение комиссии.

«Воздвигнув этот памятник, — говорилось в обращении, — мы выполним наш высокий гражданский долг перед теми, кто отдал свою жизнь для того, чтобы жили мы, кто пожертвовал своим самым дорогим ради жизни и счастья наших детей.

Каждому из нас особенно дорого, чтобы этот памятник стал подлинно народным, чтобы каждый ленинградец, внесший свою посильную лепту на постройку памятника, считал его действительно своим, делом своего сердца!»

Общая сумма средств на сооружение памятника в середине 1964 года — составляла 1 миллион 888 тысяч 418 рублей.

8 апреля 1972 года в Русском музее открылась выставка проектов памятников героям обороны Ленинграда.

Сбор средств продолжался не один год. Был разработан и утвержден проект монумента. Начались строительные работы, в которых приняли участие тысячи горожан.

9 мая 1975 года при огромном стечении горожан, представителей армии и флота, многочисленных гостей из разных городов страны Монумент героическим защитникам Ленинграда был открыт.

Прошло более тридцати лет, ныне Монумент героическим защитникам Ленинграда известен всему миру. Горожане, гости Санкт-Петербурга, многочисленные зарубежные туристы здесь бывают практически ежедневно.

Главы государств, правительственные делегации считают своим долгом сделать здесь остановку, возложить венки и цветы, отдавая дань светлой памяти тех, кто отдал свою жизнь во имя нашей Победы.

В дни памятных дат, связанных с героической обороной северной столицы, сюда приходят тысячи горожан, ветеранов войны, жителей блокадного города, их дети и внуки. Здесь море цветов, скорбное молчание, слезы. Это дань глубочайшего уважения памяти павших, их мужеству и стойкости в грозные годы великой Ленинградской битвы, стойкости в дни 900-дневной блокады.

Н. П. Доброворский

Ленинградец, победивший время

Чувство чистой совести достаточно для смерти. Чувство нравственного достоинства необходимо для жизни

И. Тургенев

Так звучит эпиграф к повести Александра Матвеевича Нестерова «Блокадник». И это, безусловно, не случайно!

Судьба этого незаурядного представителя интеллигенции нашего города была сложной, многотрудной, но честной и благородной.

Родился А. М. Нестеров в 1927 году в поселке Понтонный, в большой и очень дружной семье. Кроме мамы с отцом у него были еще две сестры и брат. Семья бедствовала, так как отец очень болел, а мама уделяла все внимание четверым детям. Когда началась война, Нестеров уехал в Ленинград и устроился на завод учеником электромонтера. В общезнании завода и стал жить.

Блокадное лихолетье унесло почти всех его родных. Худого подростка, едва дышащего от голода и холода, подобрали на улице осажденного города и выносили моряки крейсера «Киров», где он остался служить юнгой. Александр Матвеевич выжил и на всю оставшуюся жизнь сохранил в своем сердце любовь к людям, которые его спасли, к родному городу. Где бы и над чем бы он в дальнейшем ни работал, в нем всегда жила память о пережитом в грозные и страшные годы взросления.

После войны он окончил в Ленинграде Высшее морское политическое училище и впоследствии стал известным в нашем городе деятелем культуры.

В его послужном списке работа директором Театра имени Ленсовета и Театра комедии, редактором киностудии «Ленфильм».

Как литератор А. Нестеров привлек к себе внимание напечатанными в 1987 году повестями «Радуга над Белоруссией» и «Ленинградская оратория», а также отдельно изданным сокращенным ее вариантом — повестью

«Блокадник». А в 1989 году увидели свет его «Саженьцы для венка сонетов».

Уже в этих произведениях был заложен фундамент высокой гражданской позиции автора, который в своих многократных обращениях к власти имущим не переставал убеждать, что именно день начала Ленинградской блокады — 8 сентября должен стать Днем памяти и скорби. Он предлагал всех блокадников приравнять к участникам войны, так как наш город был городом-фронтом, создать больницы и социальные дома для одиноких и незащищенных блокадников. Его же идеей было создание Фонда для помощи блокадникам, которую поддержал, а потом и возглавил наш соотечественник М. Аникушин.

Александр Матвеевич производил на всех, кто его знал, неизгладимое впечатление прежде всего истинно ленинградской манерой общения. Он всегда был сдержан и внимателен к окружающим. Увидев его в феврале 1989 года, я поразились его интеллигентности и доброжелательности, умению слушать и уважать мнение даже противника. Громадная сила убежденности и тактичность в общении создавали вокруг него ат-

мосферу дружелюбия нарождающегося в те дни блокадного братства. Такие подвижники редки во все времена, а сегодня — тем более... А его необычно уважительные обращения к женщинам «сударыня», а к мужчинам «сударь» и безукоризненное употребление правильного литературного русского языка часто были просто неподражаемы. Говорил он весомо, твердо, но... никогда не давил, а старался убедить.

Мысль об объединении блокадников в единое братство не пришла ему внезапно. Почти 30 лет, преодолевая трудности и преграды, он шел к решению этой цели. В весенние дни 1989 года его главной заботой было создание Добровольного общества «Жители блокадного Ленинграда». А если каждый из нас вспомнит, какие времена этому предшествовали, как замалчивался героический подвиг жителей нашего города да и другие героические моменты Великой Отечественной войны, то станет ясным, чего это стоило Александру Матвеевичу...

Нестеров собрал вокруг себя активных блокадников и стал с присущей ему энергией и страстью убеждать, доказывать нам, что с годами потребность в объединении людей, переживших героическую и трагическую оборону Ленинграда, будет еще более необходима и что память о подвиге жителей города-героя священна не только для самих блокадников, но должна войти в сознание и душу новых поколений.

И время пришло!

Никогда мы, помогавшие Александру Матвеевичу, не забудем 4 мая 1989 года. В этот день в Доме мира и дружбы на Фонтанке, 21, состоялась учредительная конференция, которая провозгласила создание Добровольного общества «Жители блокадного Ленинграда». Мне посчастливилось не только быть ее делегатом, но и писать протокол конференции вместе с М. Н. Киселевой.

И, конечно же, именно Александр Матвеевич Нестеров стал первым председателем вновь организованного объединения блокадников Ленинграда. Это был его жизненный подвиг, а подвиг часто требует от человека всего его целиком... Очень скоро Нестерова не стало.

Еще при жизни он вместе с В. Стрельчиком, М. Заринской и К. Измайловым поддержал идею блокадника заслуженного артиста России М. Алпатова об объединении артистов, ковавших Победу в период войны силой своего искусства, в театр фронтовых актеров-блокадников — ныне Региональная общественная организация «Открытый общественный театр «Родом из блокады», директором которого я являюсь почти 10 лет.

Вот уже 20 лет живет блокадное братство, ставшее авторитетной в городе общественной силой.

И стоит на Серафимовском кладбище памятник на могиле А. М. Нестерова, который воздвигнут на средства, собранные блокадниками города, в знак признательности и благодарности вдохновителю и создателю нашего общества.

В день его рождения 20 августа и в день смерти 27 июля в 12 часов на его могилу приходят благодарные жители блокадного города, чтобы еще и еще раз поклониться прекрасному человеку, первому почетному члену общества (посмертно) Александру Матвеевичу Нестерову.

И эта блокадная тропа не зарастет, пока в нашем городе еще живут свидетели и участники той незабываемой поры.

Память о А. М. Нестерове будет жить в каждом из нас всегда!

Л. И. Демидова

Почетный член Добровольного общества «Жители блокадного Ленинграда», член с первого (Нестеровского) правления общества «ЖБЛ», директор театра «Родом из блокады», заслуженный работник культуры РФ, кавалер Ордена Почета

К 20-летию Общества «Жители блокадного Ленинграда»

4 мая 2009 года общественная организация СПб «Жители блокадного Ленинграда» отметит свое 20-летие.

Инициатором создания общества и первым его председателем был Александр Матвеевич Нестеров.

4 апреля 1989 года инициативный оргкомитет во главе с А. М. Нестеровым обратился к заместителю председателя Ленгорисполкома В. И. Матвиенко с просьбой о создании общества «Жители блокадного Ленинграда». И именно Валентина Ивановна Матвиенко оказала конкретную помощь в регистрации общества, его устава и учредительной конференции.

А 27 июля 1989 года председатель исполкома Ленсовета Владимир Яковлевич Ходырев по просьбе А. М. Нестерова подписал распоряжение о передаче блокадной организации города бывшей коммунальной квартиры на Невском проспекте, 104, где и сегодня располагается СПб ОО «Жители блокадного Ленинграда».

В 1996 году губернатор СПб В. А. Яковлев передал это помещение Обществу в безвозмездное и бессрочное пользование.

В 90-х годах прошлого века были созданы блокадные организации во всех районах города. Сегодня девятнадцать председателей районных отделений и председатель органи-

зации МПВО являются членами городского правления, которое руководит работой общества между конференциями.

После ухода из жизни А. М. Нестерова организацию блокадников возглавляли с 1989 года — В. М. Прусаков, А. Н. Митрофанов, А. Я. Гребенщиков, В. И. Леоненко. Все они внесли значительный вклад в развитие Общества, в помощь блокадникам, в улучшение их жизни.

Сегодня самое крупное общество блокадников России, объединившее более 80 тысяч человек, возглавляет председатель правления Скрипачева Ирина Борисовна. Первый заместитель — Таубэ Клара Васильевна. Ответственный секретарь общества — Таратынова Зоя Васильевна. Заместитель по правовым вопросам — Крымов Виктор Александрович. Главный бухгалтер — Гончарова Зинаида Дмитриевна.

2 февраля 1999 года был перерегистрирован устав Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда». Основной целью общества является сохранение и увековечение памяти героического подвига воинов Советской армии и флота и жителей блокадного Ленинграда.

За эти годы были выпущены Книги Памяти: «Ленинград. Блокада», «Они пережили блокаду». 18 томов Первой Книги Памяти

стали действительным памятником ленинградцам, тем, кто ушел на войну и не вернулся домой, в Ленинград, а их 265 967. Вторая Книга Памяти состоит из 35 томов и посвящена мирным жителям города, ставшим жертвами войны.

Горькие воспоминания о пережитом легли в основу ряда книг, изданных обществом. Это «Блокада рассекреченная», «Медики и блокада», «Дети и блокада», «Мы из блокады», «Война. Блокада. Память» и буклет, ставший визитной карточкой общества «Жители блокадного Ленинграда».

В настоящее время ответственный секретарь общества известный журналист З. В. Таратынова готовит книгу об истории блокады и деятельности Санкт-Петербургского общества «Жители блокадного Ленинграда».

Правление общества считает своей главной задачей оказание помощи каждому блокаднику в решении его насущных проблем, а их немало. Сегодня на Невском, 104, ведет прием председатель Комитета по труду и социальной защите населения правительства города Александр Николаевич Ржаненков, который уже много лет берет на себя решение очень важных вопросов в улучшении жизни блокадников. В обществе также ведет прием адвокат С. А. Ершова. Десятки ходатайств направляются из общества главам администраций районов, в правовые органы, суды, департаменты, муниципальные службы.

Заслугой правления общества является то, что после многочисленных письменных обращений в правительство России и Госдуму и выступлений в Госдуме при содействии губернатора Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко и председателя ЗакСа В. А. Тюльпанова был решен важнейший для блокадников города вопрос об увеличении пенсии.

Общество добилось создания лечебно-диагностического реабилитационного и научного центра для жителей блокадного Ленинграда. В 2000 году распоряжением гу-

бернатора В. А. Яковлева больница им. Святой Евгении на Старорусской улице, 3, была передана блокадникам. В 2005 году по губернаторской программе «Долг» здесь был сделан капитальный ремонт и приобретено оборудование. Сегодня больница №46 хорошо известна в городе. Она принимает одновременно до 300 нуждающихся в лечении. Главный врач больницы Ольга Николаевна Семенова и десятки высококлассных специалистов заботятся о здоровье блокадников. Общество «Жители блокадного Ленинграда» оказывает посильную помощь лечебному учреждению.

Цель общества — передать и рассказать живущим в XXI веке правду о блокаде и битве за Ленинград. Вот почему все члены общества принимают самое активное участие в общественной жизни Санкт-Петербурга.

Одной из важных задач в своей работе общество «Жители блокадного Ленинграда» считает взаимосвязь с учебными заведениями города. Старшее поколение встречается с ребятами в поездках по местам боевых сражений, в музеях, на мемориальных кладбищах, проводятся уроки мужества.

Члены общества встречаются со школьниками в поездках по Дороге жизни, в памятных местах боевых сражений.

Педагоги активно помогают своим ученикам подбирают и готовят с ними материалы, устраивают выставки, контактируют с городским обществом.

Ответственный секретарь общества З. В. Таратынова совместно с завкафедрой музееведения СПбГУ культуры и искусств Н. И. Сергеевой и студентами в феврале 2008 года в школе №189 Центрального района открыли выставку-музей, посвященную блокадному поэту Ю. П. Воронову, бывшему ученику этой школы.

С помощью общества создан театр «Родом из блокады» (читайте о театре на стр. 199).

Общество принимает активное участие в городских научных конференциях, пос-

вященных Великой Отечественной войне и блокаде Ленинграда.

Только за последние два года прошли конференции «Битва за Ленинград», «Женщины и дети Ленинграда в Великой Отечественной войне» и «Женщины Ленинграда в годы блокады».

11 апреля 2008 года в обществе ЖБЛ состоялся «круглый стол» на тему «Война. Блокада. Ленинград». В его организации и проведении приняли активное участие представители городского общества «Жители блокадного Ленинграда» во главе с председателем И. Б. Скрипачевой, Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны под руководством председателя Ю. И. Колосова. Видные историки и люди пережившие блокаду, провели эту встречу, чтобы не допустить пересмотра роли России во Второй мировой войне, что сегодня пытаются делать ученые некоторых стран. Основная и главная мысль «круглого стола»: мы, участники событий, — за правду о войне, мы не позволим никогда переписать историю. Слишком дорогой ценой нам досталась победа.

Общество очень благодарно всем, кто помогает ему в организации работы. Среди активистов СПб ОО «Жители блокадного Ленинграда» 16 человек имеют правительственные награды России: ордена Почета, Дружбы, медали ордена «За заслуги перед отечеством». 43 человека удостоены звания «Почетный член общества». Первыми почетными членами стали: первый председатель общества А. М. Нестеров, блокадный поэт Ю. П. Воронов, Л. С. Бартенева, О. А. Федоренко, В. В. Томилина.

Сегодня члены правления с гордостью общаются что звание почетных членов общества присвоено губернаторам Санкт-Петербурга В. А. Яковлеву (1996), В. И. Матвиенко (2004), директору предприятия «Водоканал» СПб Ф. В. Кармазинову и многим другим.

Свыше 500 членов общества удостоены звания «Ветеран блокадного движения».

Накануне юбилея очень важно отметить что общество «Жители блокадного Ленинграда» имеет немало наград и благодарностей за свою деятельность. Только за последние два года обществу вручен Орден Святого князя Александра Невского (I степени). За вклад в дело сохранения отечественной истории и патриотического воспитания граждан России общество награждено грамотой Благочинного Кировского округа СПб Епархии Русской православной церкви. Члены общества ценят благодарственные письма от Международного благотворительного фонда «Защитник Невского плацдарма» и от Демянского муниципального района Новгородской области за участие в акции «Ленинградские дети» и большой вклад в патриотическое воспитание подрастающего поколения.

Кроме Санкт-Петербургской общественной организации «Жители блокадного Ленинграда» в нашем городе сегодня действуют шесть блокадных организаций:

- Региональная общественная организация: «Ленинградский союз Дети блокады — 900»;
- «Юные участники обороны Ленинграда»;
- «Воспитанники детских домов блокадного Ленинграда»;
- «Блокадных дней резервы трудовые»;
- «Ветераны-инвалиды профтехобразования блокадного Ленинграда и СПб»;

Международная ассоциация, общественная организация блокадников города-героя Ленинграда.

У блокадных организаций нашего города впереди большая работа, огромные планы.

Мы желаем всем жителям блокадного Ленинграда здоровья, мирного неба, семейного благополучия, а самое главное — чтобы в нашем городе никогда не было войны и блокады.

Надежда Михайловна НИКОЛАЕВА

Вот уже почти 20 лет, я возглавляю общественную организацию «Жители блокадного Ленинграда» МО Пискаревка. Моими главными помощниками являются Богданова Валентина Петровна, Гантинова Галина Васильевна и Смирнова Надежда Сергеевна.

Нет уже с нами Савельевой Нины Владимировны, но осталась добрая память о ее большом вкладе в становление нашего общества.

В самом начале нашей работы в обществе было около 3000 членов. Чтобы объединить этих людей мы ходили по квартирам и собирали сведения о тех, кто пережил блокаду.

Многие уходят из жизни. Сегодня в обществе состоит 1200 человек.

Одной из главных задач является повседневный контакт с членами нашего общества. Они должны чувствовать, что здесь всегда найдут поддержку и помощь. Мы делаем все, чтобы облегчить жизнь наших ленинградцев переживших блокаду. Еженедельно в каждой первичке ведется прием, где подчас решаются сложнейшие проблемы членов общества и их семей.

Большую работу мы провели по сбору подписей всех блокадников, чтобы добиться получения второй пенсии.

Благодаря Муниципальному округу Пискаревка большое место в нашей работе мы

уделяем экскурсиям, посещению музеев, театров, кино. И, уверены, что это помогает многим почувствовать радость жизни.

Традиционными стали встречи наших ветеранов с учащимися школ и воспитанниками детских садов, особенно в памятные дни и дни праздников.

Не забываем поздравлять членов нашего общества с юбилейными датами, с днем рождения. Посылаем открытки, дарим небольшие подарки, сувениры.

В сентябре 2008 года с помощью Муниципального образования Пискаревка на торжественные меро-

приятия посвященные Дню памяти начала блокады Ленинграда, была направлена делегация в город-герой Севастополь, где, как и у нас, создан Совет жителей блокадного Ленинграда.

На торжественном мероприятии состоялся обмен книгами с воспоминаниями ленинградцев о блокаде и войне.

Мы очень рады, что произошла эта встреча. Нас объединило блокадное детство. На встрече вспоминая блокаду мы почувствовали, что мы родные друг другу люди.

Несколько страниц нашей книги мы предоставляем для воспоминаний ленинградским севастопольцам...

Общественная организация «Совет жителей блокадного Ленинграда» города Севастополя

Решение о создании организации было принято в апреле 1995 года на собрании блокадников в ДОФ РФ, проведенном по инициативе Севастопольского телевидения. На собрании была избрана инициативная группа по созданию организации. Возглавил группу Н. И. Воропаев.

Группа сразу приступила к регистрации блокадников Ленинграда, проживающих в Севастополе (о регистрации оповещалось по радио и телевидению), и разработке Устава организации на основе Устава организации Санкт-Петербурга. На общем собрании блокадников, проведенном 8 сентября 1995 года, был утвержден Устав общества. Выбран Комитет «Совета ЖБЛ» в составе 13 человек председателем комитета сроком на 4 года была избрана Г. А. Иванова и ревизионная комиссия в составе 3 человек под председательством В. Л. Копосова. С тех пор состав комитета и ревизионной комиссии почти не менялся.

В 1996 году Общественная организация Севастополя была принята как коллективный член, в Международную Ассоциацию общественных организаций блокадников города-героя Ленинграда, город Санкт-Петербург.

2 октября 1995 года общественная организация «Совет жителей блокадного Ленинграда» была зарегистрирована управлением юстиции Севастополя.

Председателем организации избрана Иванова Галина Александровна.

В настоящее время на учете в организации состоят 426 жителей блокадного Ленинграда и 35 защитников Ленинграда. Все они члены организации «Участники боевых действий».

Медалью «За оборону Ленинграда» награждены 92 человека, среди них 13 человек получили медали в 12–14 лет. Знаком «ЖБЛ» награждены 369 человек.

На всех членов организации заведены учетные карточки, и все имеют членские билеты.

Общество имеет свой гимн.

Все члены организации работают на общественных началах, без государственной поддержки их деятельности.

Основная часть «севастопольских ленинградцев» приехала в Севастополь сразу после войны семьями, с мужьями и отцами — офицерами флота. Прожив около полувека в Севастополе, они внесли большой вклад в восстановление и развитие, в политическую и культурную жизнь этого города. Некоторые и до сих пор продолжают работать на предприятиях и в научных учреждениях, передавая свой богатый опыт молодому поколению.

С первых дней своей работы Комитет вел и продолжает вести работу по оказа-

нию помощи севастопольцам, пережившим блокаду Ленинграда, в поиске подтверждающих документов и получении статуса «ЖБЛ». Всего 51 человек благодаря этой помощи получили удостоверения и знак «ЖБЛ».

Силами членов «Совета ЖБЛ» был собран богатый материал: документы, фотографии военных лет, личные вещи, книги, учебники, сохраненные в блокаду, воспоминания севастопольцев переживших блокаду Ленинграда. На основе этого материала и собранных воспоминаний членов «Совета ЖБЛ» — 76 человек — создана и выпу-

на на собственные деньги блокадников книга «Навечно в памяти моей».

Мы очень благодарны Совету ветеранов МО Пискаревка, которые в сентябре 2008 года приехали к нам в Севастополь на торжественные мероприятия, посвященные Дню начала блокады Ленинграда. Нашей организации на вечное хранение были торжественно вручены первая и вторая книги «Память сердца». И самое приятное для всех нас, ветеранов, жителей блокадного Ленинграда стало предложение принять участие в издании Третьей книги. Благодарим за предоставленную возможность.

Дорога жизни через Ладогу вселила в нас надежду на спасение

Людмила Николаевна ХАМИНА

Людмила Николаевна Хамина председатель Совета районной организации ветеранов Украины города Севастополя.

Людмила Николаевна родилась 11 июня 1935 года в Ленинграде. Она прожила самые страшные дни блокады Ленинграда вместе с мамой сестрой Ларисой Николаевной Сергеевой, воспоминания которой опубликованы в этой книге на стр. 104.

В 1959 году приехала в Севастополь вместе с дочкой, родившейся во Владивостоке, и мужем, командиром корабля погранвойск, к месту его службы. В Севастополе в 1963 году родился сын.

После выхода на пенсию в 1990 году включилась в ветеранское движение.

Сегодня жительница блокадного Ленинграда Людмила Николаевна Хамина, избрана депутатом Ленинского районного Совета XXV созыва в городе Севастополе, является членом президиума городского совета ветеранов.

Имеет награды: орден Княгини Ольги III степени, почетный знак «За заслуги перед городом», золотую медаль Петра Великого (это награда от Морского собрания Санкт-Петербурга).

Испытание мужеством

Анна Михайловна и Александр Иванович ДОЦЕНКО

В Севастополе на Большой Морской улице живет замечательная семья — Анна Михайловна и Александр Иванович Доценко. Они познакомились в день празднования прорыва блокады Ленинграда. А в 1945 году в новогоднюю ночь они отпраздновали свадьбу. В 1956 году семья переехала в Севастополь.

Анна Михайловна 46 лет работала библиографом в библиотеке им. Л.Н. Толстого, а с 1972 года она была директором технической библиотеки.

Александр Иванович в 1956–1960 году возглавлял факультет Севастопольского военно-морского училища им. П. С. Нахимова. В 1960–1986 годах он преподавал в приборостроительном институте и занимался научно-исследовательской работой. Им написано около 60 научных работ.

Сегодня у них трое детей, внуки и множество друзей. Но семья Доценко часто вспоминает свою жизнь в Ленинграде, а им есть что вспомнить.

Александр Иванович, юный киевлянин в 1937 году по призыву комсомола поступил в училище в Севастополе и уже лейтенантом был отправлен на Ленинградский фронт. В начале он командовал 6-м 130-мм орудием на крейсере «Аврора» отбивая танковые атаки фашистов. Затем командовал бронепоездами «Стойкий» и «Стремительный», сыгравшими немалую роль в прорыве блокады Ленинграда. Александр Иванович командовал «шхерным монитором» на Балтике. Эти бронекатера использовались для военных действий, сопровождения военных транспортеров и высадки десанта.

Моя комсомольская юность началась в блокадном Ленинграде. В апреле 1942-го я пошла работать на прядильно-ниточный комбинат им. С. М. Кирова вязальщицей маскировочных сетей. Это производство было налажено по заказу Ленинградского фронта. Сети

использовались и в городе: над всем районом Смольного они были раскинuty так, что этот большой квартал казался с воздуха площадью садов и скверов. В цехе сети окрашивали в цвета, соответствующие времени года и специфике той местности, где они применялись. На них дополнительно нашивались аппликации. Первое время от работы у меня на руках появлялись мозоли, они болели, однако я быстро приобрела навыки и вскоре выполняла норму на 150–170%. На комбинате вступила в комсомол. А уже осенью меня избрали секретарем комитета ВЛКСМ комбината.

Несмотря на трудности — плохое питание, постоянные артобстрелы, бомбежки, комсомол (девушки — парни ушли на фронт) выполнял большую и очень нужную для города работу. После суровой зимы, в весеннюю оттепель, чтобы избежать вспышки эпидемии, нужно было срочно очистить го-

род. Комсомольцы, все граждане, кто хоть как-то мог двигаться, вышли на уборку дворов, улиц, территорий предприятий. Канализация не работала, мусор не вывозили. Снег был перемешан с бытовыми отходами, мусором, находили и трупы. Тачками, носилками, изредка машинами (их было слишком мало) выносили, вывозили мусор и снег...

По решению горисполкома для работников комбината было выделено несколько деревянных домов на Охте для разборки на топливо. Это в основном тоже делали комсомольцы и молодежь. Дровами обеспечивали наиболее нуждающихся работников.

Мы создавали фронтовые комсомольские бригады и после работы ходили дежурить в эвакогоспиталь в Александро-Невской лавре, помогали выгружать раненых с барж на пристани у Смольного, разбирали завалы после бомбежек и артобстрелов, помогали семьям фронтовиков и ослабевших, больных работников комбината.

После избрания секретарем комитета ВЛКСМ меня перевели на казарменное положение, выделив небольшую комнатку рядом с управлением комбината. После рабочего дня я часто общалась с комсомольцами, работавшими в вечернюю и ночную смены.

С весны 1942 года комсомольцы активно включились в работу подсобного хозяйства. Овощи поступали в столовую, детские учреждения, в подшефный госпиталь. Несмотря на блокаду, среди нас были доноры, сдававшие кровь для раненых.

Основные цеха вязальной фабрики комбината в 1942 году были законсервированы. В начале 43-го, после прорыва блокады (12–18 января), несмотря на бомбежки и обстрелы, начали «размораживать» фабрику, готовить ее к пуску. Подготовка машин требовала буквально героизма от истощенных, страдающих дистрофией людей. В цехах полы были покрыты льдом. Станки замерзли, прикосновение к металлу обжигало, вызывало боль.

Обмораживали руки... Но стране и фронту нужны были ткани, а значит — нитки, пряжа. И мы работали, помня призыв: «Пуск каждой машины приближает победу!» Его мы выполнили. К 25-летию ВЛКСМ у нас было создано 10 комсомольско-молодежных бригад. Из 115 комсомольцев непосредственно на машинах работали 75. Все перевыполняли норму.

Наши делегации выезжали в действующую армию на разные участки фронта. На «Невском пяточке», например, вручали подарки — теплые вещи. Выезжали также в Лисий Нос. Особенно запомнилась поездка в 1943 году, в день Военно-Морского флота, на форт Комсомольский. Рано утром 23 июля собрались в Смольнинском райкоме комсомола. До Финляндского вокзала добирались пешком. Оказалось, что поезда пойдут только ночью. Совсем поздно доехали до станции Горская. Здесь и спали. Утром за нами пришел катер.

Прибыли после обеда прямо к торжественному собранию. Успели лишь умыться и немного привести себя в порядок. Мне с ходу пришлось выступать перед матросами. И только после торжественной части смогли поесть и немного отдохнуть. На следующий день нас отвезли на маяк. Там мы побеседовали с матросами и вручили им подарки. Потом нам показывали хозяйство части. И вдруг неожиданно на бреющем полете выскочил немецкий самолет и обстрелял батарею из пулемета. Нам повезло: лишь обсыпало комьями земли и обломками бруствера. Комсорг батареи Болкисев приказал нам укрыться в щель, однако налет больше не повторился.

Вспоминая те блокадные дни и нашу работу, мы понимаем, каким это было суровым испытанием на мужество и стойкость. И мы выдержали этот экзамен, как и подобало истинным комсомольцам. Сколько подвигов на счету комсомола, и мы, конечно, не могли поступать иначе.

А. М. Доценко

Нина Ивановна СЛЕНИНА

22 июня 1941 года было воскресеньем. Просыпаясь, я была счастлива. Все были в сборе: папа, мама и брат с сестрой, и было ясное утро. Жили мы за Невской заставой в микрорайоне «Шемиловка», где памятник Володарскому на набережной Невы и сад им. Бабушкина.

Перед нашим домом стоял действующий польский костел.

Мы с мамой проснулись раньше всех и обменялись необычными снами. Мне снился этот польский костел в виде вулканической горы и даже с кратером. Как будто мы вышли на улицу, и было извержение вулкана, и наши ноги обожгло волной раскаленной магмы. Почти все упали, кое-кто стоял. Это был мой сон.

Мамин сон был тоже неприятный: будто дом, рядом стоящий, рушится и кирпичи его летят фонтаном в разные стороны, разбивая стекла окон нашего дома.

Поделились впечатлениями — и за дела. Я пошла в булочную. Меня вернули домой за мамой, сказав: «Война». Слово екнуло в сердце болью. Мама была руководящей в «Красном Кресте». Затем пришла машина за папой. Он работал на заводе «Большевик» в Невском районе.

Сестра шести лет и двухлетний брат, не понимая, что происходит, но видя настроение старших, плакали. Стыдно сказать, я тоже. Моя жизнь разделилась.

Вскоре организовали дежурство по подъездам. Потом взрослых посылали рыть око-

пы на станции Фарфоровский пост и Сортировочная, а мы часто заменяли их. Дежурила и помогала, чем могла.

Мне в ту пору было 12 лет, я только что окончила пятый класс. В какой-то день комсомольцы старших классов собрали нас на пионерской линейке в школе, провели с нами беседу о бдительности: как надо вести себя во время дежурств, налетов, как одевать противогаз, как оказать первую помощь. И я почувствовала себя сразу старше, почти взрослой, как мама. Я гордилась этим.

Во время бомбежек я заставляла следовать всех в бомбоубежище в доме напротив и отводила туда детей.

Я была больна — у меня порок сердца.

Вскоре школьников нашей школы, чьи родители не были против, эвакуировали в Окуловку. Пробыв там недели две, мы втроем убежали. Не хотели быть в стороне, «отсиживаться». Вернувшись, в школу я не пошла — болела.

Зимой, когда транспорт перестал ходить, трамваи, застывшие, стояли на рельсах, рабочие оставались на заводах и действующих фабриках.

Мы жили и ночевали в «красном уголке» военного завода «Большевик», где мой отец работал старшим инженером мартеновского цеха, и я все это время до сентября 1942 года жила на заводе.

Завод работал день и ночь, рабочие приходили в «красный уголок» отдохнуть, чуть-чуть поспать, погреться. Я чувствовала себя

мамой. Ведь мне надо было согреть помеще-
ние — истопить 3 «буржуйки». Надо было
добывать дрова. Я собирала, что оставалось
от заборов частных домов, собирала в пусты-
ющих квартирах мебель, что полегче.

В «красном уголке» всегда был кипяток с
ветками. Воду я носила из Невы или готови-
ла из талого снега. В этом мне помогали ра-
бочие, что не в смене у станка. Кто-нибудь
приносил клей, ремни, кожу. Я варила суп,
студень из них — всем понемногу. А когда по-
тепелело, то щи. Так комунной мы и выжили,
помогая друг другу. Я была худая, но щеки
были отечными, и рабочие боялись, что ког-
да-нибудь я не вернусь — съедят.

В сентябре 1942 года мы эвакуировались.
Я сопротивлялась, но настоятельные угово-
ры подействовали.

Как проходила эвакуация — описывать
не буду, все знают: это паромы, баржи со вся-
кими трагическими исходами, затем товар-
няки, стоявшие по суткам в тупиках, и стан-
ции, где сердобольные женщины приносили
к поезду менять или просто угощать тощих
«вкусненьким» — картошкой, лепешками из
муки с дурандой или еще чем-то, и даже при-
носили молоко. Иногда на станциях оставля-
ли и людей, не доехавших до места назначе-
ния, то ли в больницах, то ли в моргах.

И вот — станция Ярославль. Вот тут-то
и началась моя самостоятельная жизнь, без
опеки родителей. Мне было 14–15 лет.

Получив временный паспорт, сознатель-
но набавив три года, я нашла на станции Фи-
лино ФЗО, которое должно было ехать в
Ленинград на восстановление города. Там я
была принята в комсомол. По окончании ФЗО
одна группа была направлена в Москву, а не
в Ленинград. Остальные оставались работать
в Филино.

Приехав в Москву, поселились где-то в
Лефортово. Работать столяром (по профес-

сии, что мне дали в ФЗО) я не могла из-за
больных сердца, ног, рук. Райком комсо-
мола, определил меня в Особый отдел при
НКВД в качестве вольнонаемной. Заведова-
ла делами 800 вольнонаемных, в том числе
штрафников. У меня хранились все сведе-
ния о них, все открепительные талоны для
получения продовольственных карточек и
ДП. Кроме этого выполняла поручения бух-
галтера: начисляла зарплату, рассчитывала
больничные листы, выдавала зарплату со-
трудникам отдела, выполняла роль табель-
щицы.

9 мая 1945 года, 6 часов утра. Москва. Га-
гаринский переулок близ Арбата. В окно по-
стучали с криком: «Кончилось! Кончилось!
Войне конец!». Кинулась на улицу: стоит гру-
зовик, в кузове — пирожки в ящичках. Куда-
то вез их шофер, но, передумав, поехал на
Красную площадь: «Будь что будет!» Я с ним
на площадь.

Там собирался народ. За считанные ми-
нуты на площади собралось столько наро-
ду! Машину шофер остановил, не въезжая на
площадь, и велел мне раздавать людям эти
пирожки. Днем я заболела, сердце не выдер-
жало такой нагрузки. И вечером сидела дома.
Салют только слышала.

После Дня Победы пришел вызов из Ле-
нинграда, побеспокоился папа (с подписью
Попкова и с голубой полоской из верхне-
го правого угла в левый). И меня перевели в
Ленинград к инженер-капитану Лапенко для
дальнейшего прохождения службы.

В нашей квартире, в других квартирах
подъезда — ни взрослых, ни детей. Сидела
на лестничном подоконнике до вечера. Люди
стали возвращаться с работы — встречи, крик,
слезы, радость.

Мама вернулась в Ленинград раньше
меня, сохранив сестру с братом. Отец ленин-
градскую блокаду тоже пережил.

Мы, подростки, помогли Родине, как могли вносили свой вклад в Победу

Галина Александровна ХОРОШЕНКО

О блокадных днях Ленинграда

В 1941–1942 годах я была дома, школа не работала. Сначала пытались заниматься в домашних условиях с учительницей, потом начались бомбежки и занятия прекратились. В школу пошла в 1942 году. Зимой 1941/1942 года возила на саночках воду из Невы, пилила дрова. Это была моя работа по дому.

Ухаживала за бабушкой, но она умерла весной 1942 года, когда ей было 76 лет.

Воздушная тревога. Пережидаю ее в подьезде ближайшего дома. Летят самолеты, возгласы людей, спор: «Наши летят! — Нет, немецкие! — Нет, наши!». Потом ясно вижу, как от самолета отделяются черные палочки и летят вниз (так виделось на расстоянии). И вдруг — ужасный гул, грохот взрыва, звон битого стекла, крики людей. Оказывается, сброшены бомбы в конце нашей улицы (Республиканской, Малая Охта), где в здании шко-

лы находился госпиталь. Одна из бомб попала в середину здания. И незабываемый ужас первых шагов войны! Люди, которые уже были ранены, были еще раз искалечены, подвержены страданиям.

Грузовые машины шли потоком, раненых везли в поликлинику для оказания помощи.

В 1943 году группа школьников с пятого по седьмой класс школы №145 работала в подсобном хозяйстве от Металлического завода им. Сталина, Большое Манушкино во Всеволожском р-не. Мы выращивали овощи, проводили огородные работы. Собирали лебеду и крапиву (из них варили рабочим щи). Норма была большая — 24 кг. Целый день в поисках зелени приходилось таскать за собой мешок. Работы продолжались до глубокой осени. В 1943 и в 1944 году начали учиться с октября.

Очень хочется вспомнить и сказать несколько слов о моих одноклассниках — Поло-

Подсобное хозяйство «Манушкино» 1941–1942 гг.

зовой Лидии, Давыденко Нонне, Ане Фроловой, Зине Андреевой, Зине Бересток (фамилии девичьи); мы, подростки, как могли помогали Родине, вносили вклад в Победу.

Мы работали в 1943, 1944 и даже в 1945 году (уже в другом месте), а вернувшись в школу, ходили в госпиталь с концертами, числясь тимуровцами, помогали больным старым людям. Временное школьное помещение тоже было на наших руках (пилили дрова, сгружали уголь, убрали классы).

Помнится и такое: учительница физкультуры Левицкая А. Ф. (муж и сын у нее были на фронте) потеряла продуктовую карточку на месяц. Узнали мы об этом случайно от соученицы Али Спирковой.

Я восхищаюсь и горжусь своими одноклассницами за принятое решение — сами голодные (питались в школьной столовой), все же нашли в себе силы и договорились: каждый день часть своего хлеба собирать и передавать учительнице. Она, конечно, долго отказывалась, не соглашалась, но мы все же ее упросили, убедили. И надо было видеть ее благодарные слезы.

О маме

Моя мама, Зинаида Семеновна родилась 15 октября 1907 года. Проработала более 40 лет: сначала на заводе «Треугольник», потом в поликлинике — медсестрой, позже — в женской консультации, сестрой-акушеркой.

Ветеран труда, отличник здравоохранения, ударник коммунистического труда, имеет медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и другие, не один десяток благодарностей и несколько почетных грамот. С первого и до последнего дня пережила блокаду Ленинграда.

Когда грянула война, а с ней пришли все трудности, лишения, мама как никогда стала требовательна к себе и чутка к окружающим. Мама очень стойко переносила все тяготы

того времени. Откуда только брались силы у этой на вид хрупкой, маленькой женщины! Домой приходила через день, падая с ног от усталости, но никогда не роптала.

Мы жили близко от маминой работы, и когда перестал ходить транспорт, не стало света, воды, город замер, — у нас в доме иногда появлялись мамины сотрудницы (живущие в других районах города). У людей не хватало сил добираться домой каждый день. Иногда они жили по несколько дней, а иногда и неделями.

В доме, где мы жили до войны (Республиканская ул.), проживали семьи двух братьев Васильевых. И наступил день, когда из всех остался в живых только один, Валентин (подросток 1928 года рождения). Он появился на пороге нашей квартиры и сказал: «Все умерли, я остался один». На какое-то мгновение мама замерла от его слов, а потом решительно сказала: «Проходи, будешь жить у нас, потом сходишь, принесешь свою одежду». Он прожил у нас долго. Ей удалось собрать нужные документы и оформить его в детское учреждение, а позже он был эвакуирован.

И самое трогательное было, когда в один из мирных дней, открыв дверь на звонок, мы увидели молодого человека — это был Валентин Николаевич Васильев. Мы в то время уже жили по другому адресу, он разыскал нас и пришел сказать слова благодарности за участие в его судьбе, за спасенную ему жизнь.

В 1994 году мамы не стало, и нам ее очень не хватает. Детям, внукам, правнукам.

Севастополь

В 1950 году мой муж получил первое служебное назначение в Севастополь. Потом, правда, было очень много переездов.

Здесь я работала в 1005 СЭЛ Севморстроя — лаборантом. Здесь теперь покоится мама. Здесь родились оба сына, обе внучки. И как бы сложно все ни выглядело — жизнь продолжается!

Нелли Васильевна СТРЕКАЧ

Родилась я в декабре 1935 года в Ленинграде. Мои родители и я жили в Зеленковом переулке. Наш дом находился на берегу Невы, а напротив, на другом берегу Невы, расположился Ботанический сад, куда мы, дети, очень часто бегали через Гренадерский мост. В Ленинграде много парков и садов было. Мы часто посещали парк ЦПКиО, Озерки, Удельный парк. О довоенном детстве смутные, но радостные и светлые воспоминания.

Детство окончилось в 1941 году. Папу на фронт не забрали, так как он работал на заводе «Арсенал», а они изготавливали военную продукцию, но их посменно отправляли на Ладогу. Домой на побывку приходил очень редко. Мама до войны работала на кондитерской фабрике, а в блокаду — на заводе им. К. Маркса. Она была стахановкой, один раз даже выступала по радио. Как стахановке ей иногда выдавали очень вкусное в то время молоко-суфле. Я ходила в круглосуточный детский сад. Мы часто давали свои детские концерты в соседнем детском доме и в госпитале раненым.

Еще одно очень грустное и голодное воспоминание. Вечером, когда мы уже все лежали в своих кроватках, воспитательница садилась ужинать. Было темно и тихо. Я, лежа в кроватке, прислушивалась, глотая голодную слюну, как воспитательница поедает свою крохотную порцию каши. Сначала звук был мягкий, еле слышный, но по мере

1947 г.

съедания каши звук превращался в металлическое поскребывание. Уже прошло 60 лет, а этот звук так и остался глубоко в моей памяти. Когда мы с мамой летом в субботу шли из моего детского сада, то собирали лебеду и крапиву для лепешек. Как и когда мы съедали положенный нам кусочек хлеба, я даже и не помню, а вот суп из дрожжей, столярного клея, олифу и дуранду помню хорошо. Был момент, когда меня уже собирались хоронить, но моя тетя где-то раздобыла дуранды, не серой, лохматой, а желтенькой, рассыпчатой. Я поела-поела

да и ожила. Потом говорила маме: «Когда окончится война, засушим много-много сухарей, сложим их в оттоманку, и пусть они лежат. Вдруг опять будет голодовка?!»

Однажды мама принесла чего-то темного и сладкого, целую тарелку — она сказала, что это черный творог. Мы его ели, и было очень вкусно. Только после войны я узнала, что это была земля со сгоревших Бадаевских складов.

Мы жили на пятом этаже. Во время обстрелов и бомбежек спускались в бомбоубежище, но это в первое время. А потом привыкли и уже просто смотрели со своей мансарды, как в перекрестных лучах прожекторов летали самолеты, и видели разрывы бомб и снарядов.

Водну из суббот в январе 1943 года, мама пришла за мной в детский сад совсем слабая и больная. Ей оказали какую-то помощь, и мы побрели домой. Маме было очень пло-

хо, она лежала на кровати, а я сидела напротив, на диванчике. Она металась и иногда теряла сознание, но я ничем не могла ей помочь. Один раз, когда она пришла в сознание, она мне сказала: «Нелинька, подойди ко мне, я тебя в последний раз поцелую...» И вдруг пришел на побывку папа. В этот же вечер мама и умерла. Ей было 29 лет. А через 3 дня прорвали блокаду Ленинграда. Маму на саночках отвезли на Богословское кладбище, в этой могилке сейчас лежат две сестры мамы и брат. Я ходила в детский сад, а по выходным жила то у тети, то у бабушки, то с папой. Потом в наш дом попала бомба, но не взорвалась, а прошла все этажи, и наш пол наклонился. Нас переселили в соседний дом.

В 1943 году я пошла в школу. Мне как сироте часто давали ордера на обувь и материю и талоны на усиленное питание. Я участвовала в самодеятельности, ходила на лыжах, каталась на коньках, занималась бальными танцами.

После восьмого класса я поступила в Ленинградский техникум зеленого строительства. В 1954 году вышла замуж. Мой муж Стрекач Л. А. был старшим лейтенантом. Служил в Балтийске командиром торпедного катера. С ним и я уехала в Балтийск. В 1955 году родилась первая дочь, в 1959 — вторая. Обе дочери родились в Ленинграде. В 1963 году умер мой папа. Дальнейшая жизнь

Корсунова А. Ф. (мать Нелли) 1940 г.

проходила по местам службы мужа. В Севастополь перевелись в конце 1959 года и с тех пор живем здесь, с некоторыми отлучками в связи со службой мужа. Одна дочь живет в Севастополе, другая — в Выборге, Ленинградской области, что и дает нам возможность посещать Ленинград и родную могилку. В нашей квартире везде висят календари с видами Ленинграда. Часто ночами, когда нападает бессонница, я мысленно брожу по родным улочкам, переулкам, садам и паркам Ленинграда и вижу их глазами своей юности и детства — такими они навсегда запечатлелись в моей памяти и в сердце.

*Дыша одним дыханьем с Ленинградом,
Я не геройствовала, я жила.*

*И каждый защищавший Ленинград,
Вложивший руку в пламенные раны,
Не просто горожанин, а солдат,
По мужеству подобный ветерану.*

О. Берггольц

Память сердца

Моя жизнь в блокаде

Валентина Васильевна ГРЯЗНОВА

Ни один документальный фильм, очерк не раскрывает всех ужасов ленинградской блокады. Это нужно пережить...

На Международном Нюрнбергском процессе был зачитан дневник ленинградской блокадницы Тани Савичевой. Мир содрогнулся от злодеяний фашизма. Дневник представлен в музее на Пискаревском кладбище и запечатлен в памятнике — граните по дороге на Ладожское озеро.

Моя жизнь в блокаду — повторение этого дневника.

Из нашей семьи в 6 человек я осталась одна. Мне, как и Тане, было 8 лет. Жили в коммуналке, в одной комнате. Первым умер от голода мой родной брат Леня. Ему было 3 года. Мама на саночках отвезла его на кладбище, захоронила в снегу.

В январе 1942 года от голода умерла тетя Шура, мамина родная сестра. Ей было 32 года. Через 2 дня умерла от голода ее дочь Нюра, ей было 12 лет, через день умер сын тети Шуры — Ваня, ему было 9 лет. Трупы лежали в комнате. Не было сил их вынести. Они не разлагались. В комнате были промерзшие насквозь стены и замерзшая вода в кружках и ни крошки хлеба, ни крупинки. Потом дворник их вынес. Все трупы из нашего дома складывали во дворе дома штабелями. Их была целая гора. Мама уже не могла ходить, и я пошла за хлебушком в булочную на пр. Чернышевского, дом 17.

Длинная очередь за 125 граммами хлеба. Но его нет. Несколько дней нет хлеба. Не привезли. Людей много, но никто не разговари-

ет, нет сил. Эти люди похожи на привидения. Закутаны во что попало. Артиллерийский обстрел. Воеет сирена. Всех загоняют в бомбоубежище. Содрогается здание. В любой момент может рухнуть дом. К счастью, отбой. Молча очередь вновь выстраивается за хлебом. И так — по несколько раз в день.

На пятые сутки привозят хлеб. Берут первые. И навсегда перед моими глазами сохранилась сцена, как старый, обросший мужчина,

качающийся от дистрофии, с обезумевшими глазами, схватил с весов кусочек чужого хлеба и запихнул его трясущимися руками в рот. Он его не жевал, а глотал. Толпа молча била его, но он ел чужой хлеб, хлеб того, кто где-то тоже умирал. Его били, пытаюсь отобрать хлеб, из носа двумя струйками текла кровь, а он ел хлеб вместе с кровью и слезами.

Мама умерла от голода в марте 1942 года. Ей было 29 лет. Совершенно больную дистрофией, меня отвезли в детский дом. Так я осталась одна.

Они ушли из жизни, а мы остались живы, чтобы помнить о них, скорбеть и рассказывать правду о блокаде, о том, как блокада подорвала наше здоровье — мы ведь почти все инвалиды, как блокада исковеркала наши судьбы. И ни один из нас не может даже спустя 60 лет спокойно говорить о блокаде, мы все — плачем.

В Севастополь приехала с мужем, Грязновым Александром Сергеевичем, в 1967 году он был назначен на службу на Черноморский флот. Я работала в школе, преподавала историю. Имею звание «Отличник народного образования».

Баллада о спасенном эшелоне

Первому директору Зырянского детского дома
Евгении Андреевне Мамонтовой, вывезшей осенью 1942 года
эшелон с детьми из блокадного Ленинграда в далекую Тюмень

Шел состав в Сибирь, в теплушках — дети,
на ногах стоявшие с трудом,
было нас не так уж много — двести,
это значит, целый детский дом.
Двести душ — не больше и не меньше,
искусавших молча губы в кровь,
но не на ребят похожих внешне,
а на изможденных стариков.
До костей в блокаду истощавших
(кое-кто ходил пешком под стол),
в страхе вместо воплей источавших
под обстрелом тихий-тихий стон.
Бил по эшелону вражий летчик,
по ребятам бил фашистский гад.
Паровоз, как взмыленная
лошадь, мчался напролом и наугад.
С грохотом качнулся, обессилев,
не решаясь дальше лезть в огонь.
Мама Женя слезно нас просила:
— Деточки, скорее под вагон!
Бомбы разрывались рядом, мимо,
Взрывы наяву, а не в кино.
От пожара, копоти и дыма свет померк,
в глазах темным-темно.
Коршуном парил немецкий юнкерс,
делая зловецкие круги.
— Будь ты проклят! — Мама Женя
руки распростерла, сжавши кулаки;

— Господи, приди на помощь деткам!
И, с надеждой в небо бросив взгляд,
нас прикрыть пыталась, как насадка —
маленьких, беспомощных цыплят.
Тень беды плыла над нами грозно,
Но свершилось чудо, видит бог:
появился в небе красноразвездный,
на таран идущий ястребок.
До сих пор тот жаркий бой воздушный
вижу, невзирая на года.
До сих пор в своей теплушке душевной
еду я дорогой в никуда.
До сих пор, спасенные пилотом,
продолжаем память ворошить.
Столб огня взметнулся над болотом.
— Юнкерс приказал нам долго жить.
Снова солнце ясное над нами
улыбнулось в небе голубом,
На прощанье нам взмахнув крылами,
скрылся в неизвестность ястребок.
Нынче реактивный чертит небо,
И сомненья лезут в душу мне:
то ли это был, а может, небыл?
Так бывает только лишь во сне.
Нам давно за сорок, но из детства
не уйдем, смятения полны,
Минами замедленного действия
нам покой взрывают сны войны.

Подвиг блокадного Ленинграда сыграл большую роль в истории достижения нашей победы в Великой Отечественной войне.

И высокая честь тем, кто отстоял и спас наш город от нашествия гитлеровцев.

Ковали победу на фронте, в тылу, в осажденном Ленинграде. Пережили — выдержали все ужасы голодной блокады города, подорвав при этом свое здоровье.

А время неумолимо к лицам старшего поколения, особенно к тем, кто пережил войну. И их остается все меньше.

Будут ли они — истинные ленинградцы страдать еще и в наше время, зависит от внимания к ним со стороны государства в виде социальной и медицинской помощи. Необходимо наблюдать — исследовать здоровье не только лиц старшего поколения, переживших блокаду непосредственно, но и членов их семей из последующих поколений.

В 1994 году группой ученых нашего города было дано экспертное заключение о том, что здоровье детей, рожденных в 1938–1943 годах, переживших блокаду Ленинграда, является крайне неблагоприятным. Это экспертное заключение подтвердили десятки специалистов США и Европы. И тем не менее у наших властей нет ни желания, ни мужества проявить минимальную заботу по разработке эффективных лечебных и профилактических мер с целью укрепления здоровья этих тяжелобольных граждан. Давно пора организовать для блокадников и их потомков спортивно-трудовые комплексы с целью настоящего укрепления здоровья.

В нашем городе следует создать специальную комиссию для освидетельствования лиц, переживших блокаду, и членов их семей. И как несбыточную при нашей власти мечту выскажем пожелание организовать научно-исследовательское учреждение, с целью углубленного исследования гормонов, фер-

ментов и жизненно важных биохимических показателей крови для более эффективного лечения блокадников и их семей.

Подобные предложения-пожелания и даже требования уже давно поступают и непосредственно руководству города, и массам через прессу от известного профессора, доктора медицинских наук Рачкова Бориса Михайловича.

И постоянно о нем отзываются добрым словом в газетах и других печатных изданиях как о добросовестном, честном враче-профессоре, который с большим теплом и заботой консультирует и лечит ветеранов труда, лиц, перенесших блокаду, их детей и внуков. Эту заботу он осуществляет как в свое рабочее, так и в нерабочее время. При большой загруженности от потока клиентов, страдающих болезнями, особенно нейрохирургическими, Б. М. Рачков все же находит силы консультировать испытывавших на себе последствия блокады, искать правильное лечение.

Уже более двадцати лет профессор Б. М. Рачков систематически исследует пос-

Общество блокадников, после «круглого стола». Слева направо: И. Б. Скрипачева, С. В. Магаева (Москва) и Б. М. Рачков. 2005 г.

ледствия длительного голодания у ленинградцев, перенесших блокадные мучения.

Он утверждает, что помочь этим героям блокады Ленинграда можно было, если бы они получали научнообоснованное лечебное питание с целью стабилизации функционального состояния всех систем организма.

По истечении почти 50 лет после снятия блокады профессор Б. М. Рачков с соавторами был первым, кто не просто исследовал отдаленные последствия блокады, но в своих публикациях привел убедительные статистические данные свидетельствующие, о медико-социальном и медико-биологическом явлении, которые и получили название «блокадный синдром Рачкова» (БСР).

Под руководством Б. М. Рачкова научные сотрудники Института травматологии и ортопедии им. Р. Р. Вредена в течение многих лет тщательно изучали последствия голода-

ния не менее двух тысяч лиц, перенесших блокаду, а также состояние здоровья их детей, внуков и правнуков. Выявились трагические последствия голода отцов и матерей, сказавшиеся на здоровье их потомства, охарактеризованные как отдаленный блокадный синдром Рачкова, наблюдаемый почти у 95 % членов семей блокадников (дети, внуки, правнуки).

Научные исследования-наблюдения Б. М. Рачкова приводят к выводам о влиянии блокады на здоровье не одного, двух или сразу трех поколений людей. Физические отклонения в здоровье потомства блокадников могут наблюдаться в четвертом и пятом поколениях, а это настораживает возможностью генетических неприятностей. И профессор Б. М. Рачков считает необходимым разработать государственную программу по обязательному созданию специализированных реабилитационных центров по БСР, так как стандартные методы лечения для блокадников и их детей не всегда эффективны. Научные труды Б. М. Рачкова по изучению здоровья блокадников отмечены Большой медалью международного конгресса деятелей науки и культуры. В поисках новых методов лечения ученый даже изобретает, отчего и отмечен знаком «Изобретатель СССР».

Борис Михайлович Рачков награжден: серебряными медалями К. Н. Рериха, «Найрандал», «Возрождение России», орденом Святого Иоанна Кронштадтского, почетным знаком «Юному участнику обороны Кронштадта», знак «Отличник здравоохранения России» и другими наградами.

Хочется пожелать, чтобы все, причастные к трагической блокаде Ленинграда, познакомились с книгой И. В. Тульского и Г. Н. Багрова «Блокадный синдром Рачкова», в которой раскрыто влияние на здоровье трагической ленинградской блокады

Б. М. Жарабин

Они защищали Ленинград

Память сердца

В. Высоцкий

ОН НЕ ВЕРНУЛСЯ ИЗ БОЯ

*Почему все не так? Вроде все как всегда:
То же небо — опять голубое,
Тот же лес, тот же воздух и та же вода,
Только он не вернулся из боя.*

*Мне теперь не понять, кто же прав был из нас
В наших спорах без сна и покоя.
Мне не стало хватать его только сейчас,
Когда он не вернулся из боя.*

*Он молчал невпопад и не в такт подпевал,
Он всегда говорил про другое,
Он мне спать не давал, он с восходом вставал,
А вчера не вернулся из боя.*

*То, что пусто теперь, — не про то разговор,
Вдруг заметил я — нас было двое.
Для меня будто ветром задуло костер,
Когда он не вернулся из боя.*

*Нынче вырвалась, будто из плена, весна,
По ошибке окликнул его я:
— Друг, оставь покурить! — А в ответ — тишина:
Он вчера не вернулся из боя.*

*Наши мертвые нас не оставят в беде,
Наши павшие — как часовые.
Отражается небо в лесу, как в воде,
И деревья стоят голубые.*

*Нам и места в землянке хватало вполне,
Нам и время текло для обоих.
Все теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя.*

Таисия Михайловна БОЛДИНА

Биография Болдиной Таисии Михайловны проста, но в то же время незаурядна и трагична.

Сейчас ей 91 год. Прожита большая жизнь, нелегкая, полная трудностей, лишений, невзгод, которые она преодолела, и они ее не сломали.

Родилась она в одной из деревень Ленинградской области в районе города Кириши, в многодетной семье (6 детей). С 4 лет она стала сиротой, так как родители умерли, и ее и остальных детей воспитывал 15-летний старший брат.

Окончила Тася 5 классов школы и затем работала в колхозе, одновременно — в деревенской артели кружевницей, быстро освоив эту профессию.

Когда началась Великая Отечественная война, ей было 24 года и она была уже замужем. С первых дней войны муж ушел на фронт и погиб под Киевом.

В августе 1941 года Тасю призвали в армию и направили санитаркой в 131-ю отдельную Армейскую санитарную роту при 4-й Армии Волховского фронта. Здесь ее многому научили, и она, будучи патриоткой, гордилась тем, что может принести пользу своей стране в трудную годину, быстро вошла в коллектив роты.

*Ты вошла уверенно и просто
В круг солдатской дружбы фронтовой,
Девушка в шинели не по росту,
Дорогой товарищ боевой —*

Это четверостишие поэта Георгия Суворова очень характерно и подходит к девушке-

ке-санитарке, красноармейцу Таисии Болдиной.

В сентябре 1941 года, она уже была на передовой и началась ее фронтовая жизнь... Побывала она на известных всем Синявинских болотах, выносила раненых наших солдат с поля боя...

О таких, как она, очень образно вспоминала в своих стихах поэтесса Юлия Друнина:

*Но ничего прекрасней нет,
поверьте
(А было всяко в жизни
у меня!),
Чем защитить товарища
от смерти
И вынести его из под огня.*

На себе и плащ-палатках под огнем противника тащила она раненых до пункта медицинской помощи, где им оказывали медпомощь фронтовые врачи. В случае крайней необходимости оказывала первую помощь сама.

И опять приходят на память стихи этой же поэтессы:

*...как прежде, ее величают «сестрицей»,
Те, которых она волокла на горбу,
Проклиная судьбу, сквозь пожар и пальбу
— Сколько было спасенных тобою в бою?
— Кто считал их тогда на переднем краю!..*

На мой вопрос, сколько она вынесла раненых с поля боя, она тоже сказала, что не знает, не считала. На мои настойчивые вопросы — ответила, что, наверно, около 70 человек. Вынесла она однажды офицера, командира роты, за что была награждена медалью «За отвагу».

И снова я возвращаюсь к прекрасным стихам Ю. Друниной:

*Я не привыкла чтоб меня жалели,
Я тем гордилась, что среди огня
Мужчины в окровавленных шинелях
На помощь звали девушку — меня.*

Она не думала о смерти, видела много раз, как умирают наши воины, научилась подавлять чувство страха, бросалась на зов «сестрица», туда, где упал раненый.

В бою при прорыве блокады Ленинграда в январе 1943 года Таисия Михайловна была ранена в ногу, ее доставили в ПМП и далее в медсанбат. От направления в госпиталь она отказалась. После излечения она была переведена на работу в санитарном поезде, который забирал раненых из медсанбатов и доставлял их в госпиталь.

После полного снятия блокады Ленинградский фронт освобождал Прибалтику и санитарный поезд возил раненых в госпиталь, распо-

ложенный в Александро-Невской лавре в Ленинграде.

Конец войны и праздник победы застают Т. М. Болдину в санпоезде в городе Риге.

С улыбкой вспоминает она свой первый день работы в санпоезде: «Впервые за войну, выпалась на настоящем матрасе».

В октябре 1945 года Таисия Михайловна была демобилизована. Она честно выполнила свой долг, ее совесть чиста перед Родиной. И Родина наградила ее целым рядом правительственных наград.

После демобилизации она прибыла в Ленинград, вышла замуж, работала на предприятиях города. В войну и после войны погибли и ушли из жизни все ее братья, сестры, полтора десятка лет назад умер ее муж.

Таисия Михайловна живет одна, но она не одинока, у нее есть друзья, соседи, ветераны, среди которых она пользуется заслуженным уважением.

Л. Рахалов

Санитар оказывает помощь на поле боя раненому бойцу

Память сердца

Николай Иванович МАЛЕЕВ

*А нам судьбу России доверяли
И, кажется, что мы не подвели.*

Н. Старшинов

За спиной Николая Ивановича Малеева тяжелые годы Великой Отечественной войны, непосредственным участником которой он был с начала и до конца, затем послевоенные годы мирного труда, которому он также отдавал себя всего без остатка.

Родился Николай Иванович в 1921 году в городе Сестрорецке под Ленинградом, окончил 7 классов средней школы, ФЗУ при заводе им. Воскова, затем здесь же работал токарем, одновременно с работой окончил вечернюю школу и получил полное среднее образование.

Началась война, завод эвакуировали в Сибирь, а Малеев в июле 1941 года был призван в армию.

Последовало краткосрочное обучение в учебной команде в условиях Ленинградской блокады, тяготы и лишения которой он испытал. По окончании учебы он получил три треугольника в петлице, став помощником командира взвода (потом старший сержант).

В январе 1942 года весь их выпуск на автомашинах по льду Ладожского озера был переброшен для дальнейшего прохождения службы в 54-ю армию Волховского фронта.

Подразделение, куда попал Николай Малеев, базировалось в болотистой местности. Зимой это был лед, морозы в ту зиму доходили до 40 градусов, а весной и далее — вода.

Питание было неважное, того, что давали не хватало (конечно не такое, как в блокаде). Однажды его угостили кашей из овса, который дают лошадям, и до сих пор он помнит, с каким наслаждением ее ел.

Как-то разрывом убило лошадь и солдаты использовали ее для питания. Николай тоже саперной лопаткой отрубил кусок конины, сделал на дне окопа маленький костер из веток, сварил это мясо и ел его, мясо оказалось недоваренным так

как надо было уступить место другим. Вместо воды растапливали и кипятили в котелках снег. Это было в обороне.

В таких нелегких условиях наши войска сдерживали натиск противника, не давая ему покоя, постепенно вгрызаясь во вражеское кольцо. Весной, в марте, Николаю Малееву было присвоено звание младший лейтенант.

Позднее он заболел цингой в очень тяжелой форме, тело покрылось страшными черными пятнами (дала о себе знать Ленинградская блокада, в которой он провел до этого почти пять месяцев, сказалось отсутствие витаминов).

Лечился он в госпиталях городов Волхова, Вологды, Перми. После выписки в июне 1942 года попал в 4-ю резервную армию, твердо вставшую на пути фашистских войск, спешивших на помощь блокированной в Сталинграде армии фельдмаршала Паулюса.

Позднее армия, в которой служил Н. Малеев стала 1-й гвардейской армией. С ней связан его дальнейший фронтовой путь, а именно: Донбасс, Днепропетровск, освобождение Киева, Западная Украина, государственная граница СССР, Польша, Чехословакия. И все время бои, потеря своих товарищей по оружию.

Вспоминет ветеран, как шел по Украине в весеннюю распутицу, утопая по колено в грязи; помнит тяжелый переход по серпантинообразной дороге, и бои в Карпатах, и свое ранение на Украине. В 1947 году Николай Малеев был уволен в запас, приехал в Ленинград. Поступил работать токарем на завод «Красногвардеец».

Затем снова мобилизация и военная служба с 1944 по 1953 годы, и снова он токарь 6 разряда на «Красногвардейце».

На заслуженный отдых он ушел в 1988 году в возрасте 67 лет.

За свой ратный труд Николай Иванович награжден двумя орденами Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, многими медалями, нагрудными знаками в том числе «Ветеран 1-ой гвардейской армии». Таков гвардии капитан в отставке Николай Иванович Малеев.

Он вдовец, часто навещают его сын и внук, не забывают родной завод и Совет ветеранов 1-й гвардейской армии.

Л. Рахалов

«На подступах к Ленинграду». Женя Обирина, ДДЮТ, 5 класс, школа №473

Танкисты в боях за Ленинград

73

Анатолий Болеславович ЛЫСКО

*Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес,
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.*

Сергей Орлов

Коренной ленинградец Лыско Анатолий Болеславович в июне 1941 года, накануне начала Великой Отечественной войны, окончил 9 классов средней школы, испытал все ужасы первой блокадной зимы, а в августе 1942-го был призван в армию.

Он попал в 12-й Отдельный учебный танковый полк. Это был практически резервный полк, с которым многое связано у Анатолия в его фронтовой биографии.

Сергей Орлов с гордостью вспоминал об одной подобной части:

*Громяхая тяжкою бронєю,
Будто витязи седых времен,
Александра Невского герои —
Танковый отдельный батальон.*

Через полтора месяца обучения семнадцатилетний Анатолий в должности техника-водителя легкого танка Т-30 в составе 94-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона находился на берегу Ладоги, охраняя ледовую Дорогу жизни, единственную ниточку, соединявшую Ленинград с Большой землей, по которой доставляли продовольствие в осажденный город.

После того, как сгорели Бадаевские склады, город жил только тем, что поступало в него по Ледовой трассе.

В то время Анатолий находился в Красном Селе и видел оттуда этот пожар, горевшие в августе 1941 года склады. В ноябре того же года он видел издали другой большой пожар — это горел аттракцион «Американские горы».

В январе 1943-го была прорвана блокада Ленинграда, соединились войска Ленинградского и Волховского фронтов и был создан узкий коридор, соединяющий город со страной, простреливаемый со всех сторон.

Экипаж танка, членом которого был Анатолий, был непосредственным участником этих событий.

В мае 1943 года он возвратился в 12-й танковый полк. И принимал участие в операции по снятию блокады Ленинграда.

«Операция началась с длительной арт-подготовки, — вспоминает ветеран, — земля содрогалась от артиллерийской канонады, стоял страшный грохот, говорить и кричать было бесполезно, можно было только объясняться знаками.

Над позициями противника стояла сплошная завеса огня и черного дыма, высоко поднимавшегося в небо».

После снятия блокады и в войсках, и в городе была у людей неопишуемая радость, все обнимались, смеялись, плакали от радости, все это трудно описать словами.

В августе 1944 года Анатолий Лыско в должности командира танка Т-60 3-й танко-

Память сердца

вой роты в составе 220-й Отдельной гвардейской Краснознаменной танковой бригады Ленинградского фронта воевал в Эстонии, затем в Латвии, последнее время охранял штаб бригады, затем снова вернулся в 12-й танковый полк.

Конец войны сержант Лыско А. Б. встретил в этом полку в городе Пушкине. В 4.30 утра в казарме раздался крик дежурного по части: «Рота, подъем! Победа!»

Все вскочили, оделись как по тревоге и собрались на плацу, радовались, разговаривали, обменивались впечатлениями. Офицеры устроили салют стрельбой из пистолетов.

В 1947 году Анатолия перевели в поселок Сертолово на Карельском перешейке, в 86-й танковый полк, затем в Выборг, а в феврале того же года он был демобилизован и возвратился в Ленинград.

Здесь он работал в НИИ-400 и одновременно окончил 10-й класс вечерней школы. С 1948 по 1953 год учился в Институте холодильной промышленности, затем работал снова, а в 2001 году ушел на заслуженный отдых.

Ратный подвиг ветерана отмечен целым рядом правительственных наград.

Л. Рахалов

«Бой за Родину». Уголь, черный соус, сангина. Илья Краснянский, ДДЮТ, 7 класс, школа №473

Рассказ о военных годах

Анна Андреевна БЕЛИКОВА
и Григорий Логинович ШАКУЛОВ

Я, Ильина Нина Григорьевна, родилась после войны в семье Шакулова Григория Логиновича и Беликовой Анны Андреевны, которые прожили трудную, долгую, но интересную жизнь.

Шакулов Григорий Логинович родился в 1910 году в деревне около города Витебска, в семье бедных неграмотных крестьян. Гриша был третьим сыном из пятерых детей. Учился он с большим интересом. Окончил Ленинградскую лесотехническую академию и всю жизнь работал: лесником, садовником, таксатором, инженером по озеленению городов.

Беликова Анна Андреевна родилась в 1908 году в Петербурге, в семье рабочего. Ког-

да ей было 8 лет, умерла ее мама. Три года Аня жила в детском доме. Окончила Ленинградский текстильный техникум. Работала ткачихой, техником на фабриках Ленинграда.

Отец познакомился с моей мамой, когда он был еще, студентом, в 1936 году. Поженились они в 1939-ом году, прожили вместе 49 лет. Они

были участниками Великой Отечественной войны и блокадниками.

В 1990 году я попросила маму рассказать о том тяжелом времени и подробно записала ее воспоминания. Думаю, что ее рассказ будет интересен для молодого поколения — внуков и правнуков.

Рассказ мамы

5 июля 1941 года мой муж Григорий Логинович Шакулов ушел добровольцем в Народное ополчение Ленинграда в звании рядового красноармейца. В этот же день — я вернулась на работу в Управление Народного комиссариата госбезопасности Ленинградской области (УНКГБ ЛО), где работала раньше с февраля 1938 до лета 1940 года.

Я работала сутками. Иногда, в экстренных случаях, приходилось работать по двое суток подряд. Бывало, что приезжали днем или ночью и увозили на работу, для выполнения срочных заданий. Шифровальщиц было мало. Однажды похитили одну из нас, и больше ее никогда не видели. После этого к нам в рабочее время приставили охрану.

9 сентября 1941 года Гришу ранили в бою. Его отправили в Ленинградский эвакогоспиталь на Обводном канале. Вскоре Гришу перевели в госпиталь на Большой Пушкарской улице, а затем в госпиталь в Колтушах.

Гриша воевал с фашистами даже раненый, находясь на лечении в госпитале. Он воевал не только с винтовкой в руках, но и своими заметками и стихами, периодически печатавшимися в разных военных изданиях, а чаще в газетах «Боевая тревога», «На страже Родины», «Боевой листок». После публикации в газетах стихов и заметок с разных концов страны ему приходило много патриотических писем.

В конце октября Гришу перевели в батальон выздоравливающих. Здесь он не только лечился, но и выполнял задания по службе, охраняя военные объекты. Однажды, сдав

*Беликова Анна
Андреевна. 1943 г.,
Куйбышев*

Колтушах. Его отпустили на два часа. Мы гуляли. Гриша читал мне стихи Есенина, а затем декламировал свои новые произведения.

Однажды мы ходили в театр. Смотрели пьесу «Дворянское гнездо».

В ноябре 1941 года я заболела брюшным тифом от зараженной воды. Меня положили в инфекционную больницу, называемую в народе Боткинскими бараками, где я пролежала почти полтора месяца. В палате было около тридцати человек. Холодно — на всю палату одна печурка. Вокруг раздавались стоны и бред больных. Вскоре от холода в палате у меня началось воспаление легких, потом парализовало ноги, но от тифа меня вылечили. Мне не хотелось быть парализованной, беспомощной, больной и умереть такой молодой!

В январе 1942 года меня выписали из Боткинских барачков. С работы за мной прислали машину и отвезли в стационар для сотрудников, но я была еще очень слаба и не могла идти — несли на носилках. В палате было чисто и солнечно и всего лишь по 7–8 человек, и кормили здесь лучше. Меня часто навещал Гриша. Весной меня выписали из стационара, но работать я не могла, еле передвигалась. Мне дали инвалидность. Необходимо было эвакуироваться.

В начале апреля 1942 года меня вывезли Дорогой жизни — по льду Ладожского озера из

дежурство и отойдя от объекта, он увидел, что упала бомба именно в то место, где он только что стоял. Очень тяжело было видеть это. Его тогда контузило.

Мне вспоминаются счастливые минуты того тяжелого времени. В день рождения Гриши я пришла к нему в госпиталь в

блокадного Ленинграда на Большую землю. Фашисты бомбили с воздуха, то справа, то слева взрывались бомбы, строчили пулеметы. Иногда рядом идущие грузовики, полные эвакуируемых людей, уходили под лед. О той дороге даже теперь страшно вспомнить.

Эвакуировали меня на Кубань, в станицу Васюринская. Поезд шел до Кубани с 11 апреля до 5 мая. Летом 1942 года, оправившись от болезни, перенесенной еще в Ленинграде, и окрепнув, я завербовалась работать на завод в Куйбышеве.

С ноября 1942 года по январь 1945 года работала контролером первой категории отдела военной цензуры Управления Народного комиссариата госбезопасности (УНКГБ) в Куйбышеве (сейчас этот город называется Самара). Жила в общежитии. Тоже тяжелое было время. Радость приносили только письма Гриши, лишь они давали мне силы, чтобы выдержать все невзгоды!

В ноябре 1942 года Гриша прислал мне рукописный сборничек стихов. Стихи его были нужны в то время, потому что они были проникнуты патриотизмом и призывали побеждать врага — защищать нашу Родину до последних сил, до последнего вздоха, не сдаваясь врагу».

После выздоровления от полученного ранения в его документах было записано: «Шакулов Г. Л. — годен к нестроевой службе». Его направили в 13-ю воздушную армию, назначили заведующим складом топографических карт. Ему поручили снабжать картами все подразделения армии. Эту важную работу он выполнял до конца войны.

*Шакулов Григорий
Логинович. 1943–1944 г.,
Ленинград*

В январе 1945 года меня отпустили с работы в Куйбышеве. Наконец-то, я вернулась в родной Ленинград. Наш дом не разбомбили, он уцелел. Гриша все еще служил в армии. К своей прежней работе в Управлении Народного комиссариата госбезопасности Ленинградской области (УНКГБ ЛО) я приступила в феврале 1945 года. Мой любимый город был изранен и разрушен — так больно было видеть это.

На этом я закончила изложение рассказа мамы.

Моя мама Беликова Анна Андреевна — старший лейтенант госбезопасности. Награждена: Орденом Великой Отечественной войны второй степени, и восьмью медалями в том числе «За победу над Германией», «Ветеран труда» и другими.

Мама ушла из жизни в 1992 году и оставила о себе самую добрую память.

В сентябре 1945 года Шакулов Григорий Логинович был демобилизован из армии в звании младшего лейтенанта, имея инвалидность из-за полученного на войне ранения, а также по общему состоянию здоровья. Он награжден: Орденом Отечественной войны первой степени и одиннадцатью медалями, в том числе «За победу над Германией», «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», «Ветеран труда» и другими.

Мой отец Шакулов Григорий Логинович — автор восьми книг сказок для детей, изданных Симферопольским, Архангельским и Минским издательствами с 1953 по 1973 год. Все его книги имеются в читальных залах Российской Национальной библиотеки и Библиотеки Академии наук (филиал Пушкинский дом).

В 2001 году я и мои сыновья Андрей и Алексей разбирали архив моего отца, в котором кроме его произведений сохранилось много записных книжек, тетрадей с дневниковыми записями со стихами, написанными во время войны и после нее. Сохранилось также много

писем — довоенных, военных, послевоенных, и все они удивительно интересные.

Мы мечтаем издать все произведения нашего родного и любимого сказочника из «Зеленого царства» Шакулова Григория Логиновича.

Нина Ильина

ВОКРУГ ПОЛУНОЧНОЙ ПАЛЬМИРЫ

Вокруг полуночной Пальмиры,
У берегов реки Невы,
Цвели сады, которых в мире
Чудесней не найдете вы.

Здесь все возвышенной мечтой
И мыслью гения дышало.
Здесь в почве, истинно святой,
Руси история лежала.

Да, здесь цвели, благоухали
И были нам любимы, милы
Свои «роскошные Версали»
Свои «сады Семирамиды».

Недавно здесь цвели сирени
И гордо высились дворцы.
Мы здесь гуляли в час весенний,
Как наши деды и отцы.

Но только в наших юных крыльях
Парил свободный дух орла.
И билась радость в наших былях,
И расстилалась даль светла.

Здесь все цвело, здесь все блистало,
Но вот пришел жестокий враг.
И что мы зрим? Теперь остались
Одних развалин пыль и прах.

И не журчат струи воды,
И не шумят листвою клены.
Сады, цветущие сады
В огне боев испепелены.

Хотя со временем, с годами
Мы вновь Пальмиру возродим.
И окружим ее садами,
Но мы жестоко отомстим.

Мы кровью вражеской напишем
Тяжелых дней тома страниц.
Пальмира, мы еще услышим
И листьев шум, и пенье птиц.

С огнем и кровью пополам

Елизавета Васильевна ГЕРМАНОВИЧ

Я родилась в Ленинграде 18 сентября 1921 года. Моя младшая сестра Вера — 23 августа 1924 года. Мама Елизавета Федоровна работала медсестрой, отец Василий Михайлович был рабочим.

В воскресенье 22 июня 1941 года я и сестра со своими друзьями загорали и купались на пляже Петропавловской крепости.

Я была студенткой 2 курса исторического факультета Ленинградского университета, а Вера училась в 9-м классе.

Когда началась война, мы с сестрой, как и многие ленинградцы приняли активное участие в строительстве оборонных укреплений.

Я видела смерть, которую несли юнкерсы-88 нашему городу, я сама по случайности чуть не стала их жертвой. А это было так: мы копали противотанковые рвы, а высоко в небе шел воздушный бой нашего самолета с вражеским. Я упала, накрыв голову лопатой, ощущая шипенье падающих вокруг меня гильз, слышала бесконечную стрельбу. Когда бой закончился и стрельба прекратилась, на меня спикировал вражеский самолет со свастикой, так низко, что мне был виден летчик — его шлем и очки. Почему он не стрелял по мне — не понимаю. Может быть, кончились патроны.

Потом была артиллерийская подготовка, и по требованию уходящих к Ленинграду бойцов Красной армии, мы покинули свои позиции, но только тогда, когда увидели в голубом небе множество точек — опускавший-

ся парашютный десант врага. Мы возвращались в Ленинград пешком вдоль железной дороги, бросая по пути отягощающие нас предметы (пальто и другие вещи), держась леса, под рев и свист вражеских бомбардировщиков.

А блокада уже собирала свою ужасную жатву. Дом опустел. 19 августа 1941 года умер папа, 15 марта 1942 года умерла мама. Диагноз — дистрофия.

27 ноября 1941 года я была призвана в армию по мобилизации Дзержинским РВК города Ленинграда, для прохождения службы направлена в ЭГ-1117

(Военно-медицинскую академию) в должности медсестры приемного покоя, где я проработала до 10 января 1943 года. Круглые сутки сестры приемного покоя находились на боевом посту, принимая нагруженный ранеными транспорт.

Снимали с машины тяжелораненых, несли их в приемный покой, а затем развозили их по отделениям, тяжелораненых поднимали на верхние этажи вдвоем. Мы также занимались эвакуацией выздоравливающих, сопровождая их в батальоны выздоравливающих пешком, порой попадая под обстрел и бомбежку.

Находясь в последней стадии истощения, сестра Вера выехала из Ленинграда 31 марта 1942 года, отекая, едва переставляя ноги. Ехала уже по таявшему льду Ладожского озера, и, как она рассказывала, несколько впереди идущих машин с детьми провалились под лед.

Приютил их город Тутаев Ярославской области, где и начался ее трудовой стаж. В детском доме она работала официанткой и помощником повара.

23 августа 1943 года Вера была мобилизована в ряды Советской армии и направлена на Калининский фронт в 11-ю эксплуатационную железнодорожную роту под Москвой. Служила стрелочником, оператором (помощник дежурного по станции). На станции Ховрино рота влилась в 7-й эксплуатационный полк, а оттуда уже в состав Прибалтийского фронта. Потом попала в Польшу, затем в Германию. Служила при штабе полка телефонисткой на коммутаторе, писарем в финансовой части. Войну закончила в Германии в звании ефрейтора, а 20 августа 1945 года их часть была направлена в Западно-Сибирский округ на войну против Японии. Доехав до города Новосибирска, узнали о капитуляции Японии.

10 января 1943 года меня откомандировали в ЭГ-281 (Инженерный замок) на фронт, и с этим, ставшим мне родным госпиталем, где я приобрела много друзей, я дошла от Ленинграда до Румынии.

Таковы этапы моего воинского пути. Была палатной сестрой и закончила старшей сестрой.

Елизавета Васильевна на фото в белом халате

Была демобилизована 9 декабря 1945 года Дзержинским РВК города Ленинграда в звании сержанта медицинской службы.

Вера была демобилизована 20 октября 1945 года и вернулась в родной Ленинград. Закончила десятый класс вечерней школы. В ноябре 1946 года поступила работать в Университет на геологический факультет. С 1951 по 1981 год, в течение 30 лет, ездила в Крым со студентами и преподавателями — ответственным по обслуживанию практик геологического и физического факультетов, по хозяйственной части.

Награждена медалями «За Победу над Германией», «Ветеран труда». Награждена орденом Отечественной войны III степени, медалью Жукова, знак «Житель блокадного Ленинграда», «Отличник железнодорожных войск», знаком «Фронтовик 1941–1945», юбилейными медалями «За Победу над Германией» и «Ветеран труда».

Умерла Вера 8 января 2007 года.

Я с 15 декабря 1947 года и до 1991 года работала в Санкт-Петербургском университете, который закончила в 1956 году. В настоящее время я член Совета ветеранов войны и труда Санкт-Петербургского университета.

Имею награды: Орден Отечественной войны 2-й степени, медали «За оборону Ленинграда», «За Победу над Германией», «Медаль Жукова», «Ветеран труда» и другие юбилейные медали.

Имею знаки «Фронтовик 1941–1945», «Ветеран бронетанковых войск».

Вера Васильевна Германович

Антонина Васильевна МИХАЙЛОВА

Антонина Васильевна Михайлова, коренная ленинградка, родилась в ноябре 1923 года. Окончила 7 классов средней школы, затем ремесленное училище, была принята на работу в качестве слесаря-лекальщика на завод «Большевик».

Там и застало ее начало войны.

Она прожила в осажденном Ленинграде всю блокаду, полностью испытав на себе все тяготы и лишения.

Когда началась война, ей еще не было восемнадцати лет. Как и все подростки военных лет, она не заметила, как прошла ее юность, быстро взрослела, мужала.

Научилась она терпеть и преодолевать все трудности.

Завод, на котором она работала, выпускал продукцию для фронта, и она, подобно многим мальчишкам и девчонкам, стояла у станка, выполняя и перевыполняя норму, хотя очень хотелось есть и спать, но молодость брала свое, а также этому всему способствовало чувство патриотизма, долга, совести.

В мае 1942 года ее призвали в армию и зачислили в 1-ю спецроту 23-го батальона, позже передали в 337-й батальон МПВО.

Бойцы роты обслуживали Смольный, проживали рядом в домах Института благородных девиц на казарменном положении.

Они шили маскировку для Смольного и покрывали ею здание.

Приходилось часто дежурить на одном из ярусов Смольного собора, фиксировать попадания бомб и пожары от них.

Часто она с подругами разгружала на Московской товарной поезда с ранеными, носила их на носилках в зал здания, где им оказывали первую помощь, после чего отправляли в госпитали.

У них был подшефный госпиталь на углу улицы Красной конницы и Суворовского проспекта, в который впоследствии попала бомба и разрушила, похоронив под его обломками большое количество раненых. Это была страшная трагедия.

В феврале 1945 года она демобилизовалась, поступила в медицинское училище, которое окончила через два года.

Работала в больнице, потом еще в двух учреждениях медсестрой и наконец с 1973 по 2000 год — в тубдиспансере Калининского района города Петербурга, откуда и ушла на заслуженный отдых.

Если бы не война, возможно, она стала бы врачом, так как мечтала окончить среднюю школу и пойти учиться в медицинский институт.

Она имеет 12 правительственных наград, в ее трудовой книжке 41 поощрение за труд.

После войны вышла замуж, но сейчас она одна. Единственная ее радость — сын, дочь и внук, которые ее не забывают.

Л. Рахалов

Зинаида Петровна ТЕСЛЯ

Я родилась 4 октября 1922 года в Ленинграде. Жила с 1932 года по адресу: Пискаревская дорога, 5-а, с родителями в общезжитии (от 1-го овощного комбината, ныне — овощная база Калининского района). Отец — бондарь, мать — уборщица, брат — ученик токаря, сестра и я — ученицы). В 1940 году купили половину деревянного дома на Большой Спасской улице, 50, (ныне проспект Непокоренных).

Брат с первых дней войны эвакуирован с заводом «Прогресс», сестра — на оборонных работах в Шлиссельбурге. После окончания войны они вернулись нездоровыми, но живыми. Умерли в 1974 году. Отец умер в 1943 году.

17 июня 1941 года я окончила 10-й класс 146-й средней школы Калининского района. Выпускной вечер 22 июня 1941 года не состоялся. В каждой семье были слезы. Старший брат, 1914 года рождения ушел на фронт (погиб в 1945 году на 3-й день окончания войны в Чехословакии). Когда брат ушел на войну, его жена с 8-ми месячным сыном пришла к нам и пошла работать на Балтийский завод.

В августе 1941 году я пошла работать на завод Энгельса, в цех №2, браковщицей; изготавливали взрыватели для снарядов. Работали по 11 часов, ночная и дневная смены. На работу ходили пешком (Светлановская площадь) и при обстрелах и бомбежках бежали от дерева к дереву (вокруг «чокали» осколки снарядов), а ночью, как люстры, осветительные и зажигательные бомбы — ракеты противника, но мы бежим, минуя дружинни-

ков, которые беспокоились за нашу жизнь и загоняли в бомбоубежище. Надо дойти на работу без опоздания!

Запомнилось: мы получали на 5 карточек (3 рабочих и 2 иждивенческих) на декаду (10 дней) — 6 стаканов пшена и что-то сладкое к чаю. 3 стакана оставляли племяннику (ему не скажешь «война»), а 3 стакана — нам на четверых в суп, который мама варила в круглой печке (стояк) и выдавала нам по пол-литра в день этой водички. Нам

было лучше, чем живущим в центре. Крапива, лебеда, кочерыжки от капусты на Ручьевских полях, вода в колодцах (если не проспишь) потому что была очередь и последним доставалась наполовину с песком. А еще мы обнаружили ямы с картофельными отходами у овощной базы. Эту вонючую гадость (ее охраняла милиция, боясь инфекции) мы набирали в мешки. Милиционер останавливал и отбирал, а дашь ему (он же тоже голодный) один мешочек — он и отпускал. По дороге к ямам нужно идти кромкой леса до железной дороги, а в лесу в воронках от разрыва снарядов (сама видела) насыпано новорожденных детей с бирочками на ручках. И трупы людей с оборванными мягкими местами. Идешь туда (к яме), а обратно — одна голова. Это случилось, когда нам 3 дня не отоварили карточки — хлебные. Что-то случилось на 10-м хлебозаводе (может быть, бомба или снаряд) и нам выдали мукой. Тогда мимо нашего дома проходило очень много машин, груженных трупами, на Пискаревское и Богословское кладбища. Отец шел с работы, с овощной базы, через лес — Пискаревский парк. Лежа-

ла погибшая лошадь, а вокруг люди, отрывают от нее кто как может и чем может. Дошел домой, взял топор и в помощь невестку (жену брата), но уже осталась одна голова да скелет. Голову они притащили домой. Это тоже нам помогло хоть как-то продлить жизнь.

Электричество на заводе часто отключалось с целью экономии. Тогда нас посылали на Пискаревское кладбище зарывать трупы (трупы — в больших скирдах). Солдаты складывали трупы в траншеи, а мы зарывали. Мороз до -40 , работали на кладбище не более 2 часов. На 1-м Муринском скалывали лед, чтобы пустить трамвай. Рыли траншеи на пр. Энгельса и у Педиатрического института в скверах. Во время перерывов разговор был только о еде. Кто что есть будет после войны. Я мечтала о сушках с молоком. Мы были уверены, что война скоро кончится, не было ни стона, ни вздохов. Все ходили молча, не ссорились, народ был такой спокойный. Идет человек, закутанный, то ли мужчина, то ли женщина — не разберешь, подойдет к забору, присядет и уже больше не встанет (это я сама видела), а может, шел на работу. И ждали конца войны. Любой разговор начинался: «А вот кончится война...». И дождались! Уверены были, что война обязательно закончится нашей победой.

17 апреля 1942 года после призыва Сталина: «Все на защиту нашего города!» — нас, комсомольцев-добровольцев послали в военкомат Выборгского района Ленинграда. Оттуда во Всеволожск, в военгородке Пугарево прошли карантин 10 дней и приняли присягу на верность Родине. Распределили нас по военным частям для дальнейшей службы. Меня — в 169-й зенитно-артиллерийский полк, где я и прослужила до окончания войны — на дамбах в Финском заливе, впереди вода и гитлеровцы в Стрельне. Жили в землянках, которые сами строили. Вместо кроватей — нары из досок, матрас — плащ-палатка, подушка из травы, кто какую сам

сделает. В небольшой подъем воды в заливе или в канале мы, вставая с нар, плюхались в воду, иногда до щиколоток. При обстреле гитлеровцами выходила из строя телефонная связь. Я — связист, иду с фоническим телефонным аппаратом на плече, за спиной — катушка с проводами. Прозванивала каждые 10–20 метров в ту и другую сторону.

В первый раз я пошла на линию искать обрыв провода под обстрелом (обстреливали Васильевский остров), чтобы прозвонить. Знаю, надо заземление, а под ногами одни камни (это же дамба). Спускаюсь к заливу, набираю земли в юбку, поднимаюсь на дамбу к полевке, высыпаю землю на камень, прозваниваю, ищу обрыв. А разрыв провода все-таки нашла и соединила, услышала голос своего командира. Так я делала заземление только один раз. Но, потом научилась.

Когда с залива дует сильный ветер и гонит по льду воду, дамба похожа на палубу тонущего корабля, вода все ближе, а мороз око-

ло –30. Крепкой волей обладали солдаты и спокойно делали свое дело в такой обстановке. Узкая полоса земли, кругом вода, фашисты находились на берегу, в 2 километрах. Им виден каждый шаг наших зенитчиков. Приходилось на ночь ставить свое орудие на открытые площадки для стрельбы прямой наводкой, чтобы отрезать фашистскую пехоту (зомби).

Круглосуточно дежурили на вышках, разведчики были тоже девушки, они сообщали о налетах гитлеровских самолетов, опознавали по силуэтам, сообщали дежурному офицеру. Офицер давал команды телефонистам, а мы передавали в подразделения (5 огневых батарей), какой огонь вести батарее: заградительный или беглый. У телефона круглые сутки велось дежурство в наушниках и с микрофоном — по 3 часа через 6 часов, до конца войны.

Зимой по льду шли гитлеровцы, объявлялась наземная тревога. Все свободные от

дежурства хватали винтовку, 30 патронов в патронташе, противогаз — и в траншеи, выглядывали в амбразуры с винтовкой наготове. Но врагу ни разу не удалось пройти. Оборона была крепкая. Потери были очень малые. Наша часть освобождала Урицк, Красное село, Стрельне. И в конце войны передислоцировались в Стрельне в готовые гитлеровские землянки. Оттуда я демобилизовалась в июле 1945 года в звании ефрейтор-связист. Так я служила советскому народу!

Награждена медалью «За оборону Ленинграда» 15 сентября 1943 года, орденом Отечественной войны 2-й степени, медалью «За победу над Германией», медалью «Ветеран труда», знаком «Фронтовик 1941–1945» и двенадцатью другими юбилейными наградами.

Работала в тресте Лесной авиации техником-вычислителем, а с 1960 года в ОО «Позитрон» старшим лаборантом. В 1978 году ушла на пенсию.

Евгений Бабушкин, ДДЮТ, 5 класс, школа №139

Ольга Александровна БЫЧКОВА

Я родилась 16 июля 1922 года в Ленинграде, закончила 7 классов, потом училась в школе парикмахеров 2 года. Работала в парикмахерской на Васильевском острове до начала войны 22 июня 1941 года. Свет был выключен.

С первых дней войны работала на призывных пунктах, всех бойцов подстригала под машинку. Работала в госпиталях. Круглые сутки привозили тяжелораненых. И мне приходилось работать по ночам. Опухали руки, день работала правой рукой, на следующий день — левой рукой.

С 8 сентября 1941 года началась блокада города, начались обстрелы и бомбежка. Я уже не ходила домой, где работала, там и ночевала. Начали выдавать хлеба по 125 граммов на день. Начался голод. В конце января 1942 года вообще не было выдачи хлеба, и в эти дни очень много умерло ленинградцев. В моей семье на одной неделе сразу два трупа — брат Борис, 14 лет, и мама Анастасия, 39 лет. В феврале умерли тетя Оля и дядя Никита. Два двоюродных брата погибли на Ленинградском фронте. Я осталась одна.

Папа был призван в армию, служил в Нижнем Новгороде, работал на заводе, ремонтировал военную технику.

Я продолжала работать в госпитале в блокадном городе (при больнице им. Ленина).

В мае 1942 года меня вызвали в военкомат Василеостровского района и сказали: у вас хорошая специальность, вы нам нужны в армии. Я начала служить в 42-й армии. Стояли мы в обороне под Пулковскими высотами до прорыва блокады в январе 1944 года.

Жили в землянках. Немцы часто нас обстреливали. Зимой вместе с врачом или санинструктором на лыжах объезжали военные точки (дзоты), где жили и охраняли город бойцы. Врач осматривала бойцов, а я их подстригала. Моя невоенная специальность пригодилась в армии.

После прорыва блокады города я была на Карельском перешейке, потом в Прибалтике и на 2-м Белорусском фронте. Закончила свою службу в Польше в мае 1945 года. Приехала домой и опять начала работать в парикмахерской.

После войны вышла замуж. Муж во время войны партизанил в новгородских лесах. Есть сын, 1953 года рождения, внук и внучка. Сейчас я на заслуженном отдыхе.

Когда бываю на Московском проспекте, всегда зайду в Парк Победы, похожу, погуляю по парку и вспомню, где были наши землянки и траншеи. К Дому советов подойду. У Дома советов остался один дзот (на память), я обязательно к нему подойду, поплачу и помолюсь. Я в этом дзоте была несколько раз, подстригала бойцов. Вечная им память.

В блокадном Ленинграде

85

Антонина Павловна КРАУС

*Стали на время большой войны мужественней сердца.
Семен Гудзенко*

Ее биография проста, но жизнь она прожила нелегкую.

Антонина Павловна Краус, коренная ленинградка родилась в 1924 году.

После финской войны в Ленинградскую область вошла территория Карельского перешейка, и ее отец организовывал жизнь в одном из населенных пунктов перешейка. И она проживала там временно с отцом, училась в школе, окончила 7 классов. В июне 1941-го они возвратились снова в Ленинград.

В октябре 1941 года Антонина, еще будучи несовершеннолетней, поступила работать подсобницей на военный завод им. Лепсе, выпускающий снаряды для фронта.

Труд был нелегкий, особенно, в условиях голодной Ленинградской блокады. Таких, как она, на заводе было немало, и Антонина, влившись в коллектив, жила с ним одной жизнью, несмотря на голод, холод, бомбежки, артобстрелы.

В октябре 1942 года ее призвали в армию, и она стала красноармейцем военно-строительного батальона, в котором служила до августа 1945 года.

Антонина строила амбразуры в домах, участвовала в строительстве подземного сооружения на территории Ленинградской лесотехнической академии.

Затем батальон перебросили в Колтуши, а позднее в Шлиссельбург, где она участвовала в строительстве дороги для прохода нашей артиллерии.

Затем батальон вел подготовку операции «Искра» по снятию блокады Ленинграда, делал лестницы для подъема наших солдат на обледеневший левый берег Невы.

В 1945 году, после победы в Великой Отечественной войне, батальон возвратился в Ленинград и занимался восстановлением разрушенных зданий.

После демобилизации из армии Антонина Павловна работала в макетно-модельной мастерской макетчицей, делала макеты снарядов и другого военного имущества для Музея обороны Ленинграда. Затем перешла на работу на деревообрабатывающий завод, проработала на нем до 1998 года.

Ее трудовой стаж — 54 года. Ратный и мирный труд Антонины Павловны отмечен орденом Отечественной войны и многими медалями.

В блокаду она потеряла своих родных.

Но о ней не забывают ее сын, два внука, внучка, и два правнука. Их внимание придает ей силы и уверенность, что жизнь проживаюта не зря.

Л. Рахалов

Мария Михайловна КОНДРАТЬЕВА

Эти слова известной и ставшей популярной в народе песни лишний раз подтверждают, что песня нужна в любой обстановке.

«Нам песня строить и жить помогает», — пел перед войной Л. Утесов, а Владимир Маяковский писал: «И песня, и стих — это бомба и знамя...»

Эту мысль о значении песни на войне всецело разделяет наш ветеран войны Мария Михайловна Кондратьева.

Она коренная ленинградка, родилась в 1921 году, здесь же училась в школе, где рано обнаружилось ее природное дарование — прекрасно поставленный голос, лирическое сопрано. Наряду с учебой она пела в школьной самодеятельности, в Доме просвещения школьников, заняв классное место, получила грамоту. После окончания седьмого класса пошла работать, так как семья была большая и жилось нелегко.

В конце 1940 года ее пригласили на штатную должность певицы в Центральный ансамбль краснофлотской песни и пляски Военно-Морского флота страны.

Война застала ее в городе на Неве, где она пережила все 900 дней блокады, работая и выступая в составе ансамбля в Кронштадте и Ленинграде, в частях и на кораблях Балтфлота. В полной мере испытала она все тяготы блокады. Ее голос звучал в матросском клубе флотского экипажа, со сцены Дома офицеров

и матросского клуба Кронштадта, на палубах и в матросских кубриках боевых кораблей, с кузова грузовой автомашины, с наспех сколоченных подмостков.

Ее голос вливал уверенность в души моряков, призывая их к беспощадной борьбе с врагом, воодушевляя на подвиги, звал к победе.

В ее домашнем архиве как реликвии хранятся пачки программ концертов ансамбля с указанием ее фамилии и песен, которые она исполняла, причем здесь кроме песен военных лет была и классика.

После прорыва и снятия блокады Мария Кондратьева в составе концертных бригад выезжала на Черноморский и Северный флоты. В июле 1944 года, после расформирования ансамбля, она стала певицей дома Военно-Морского флота Северного флота, а с 1946 года пела в составе его ансамбля в базе «Полярная».

В 1950 году она возвратилась в Ленинград. В 1958 году ушел из жизни муж, и она одна воспитывала троих детей. Проработав до 1991 года, имея трудовой стаж более 40 лет, она сумела вырастить и дать образование своим детям. Не забывают ее дети, внуки и внучки.

Она имеет ряд правительственных наград, в том числе ордена Отечественной войны 2-й степени, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда» и другие.

Л. Рахалов

Евдокия Артемьевна КУКУШКИНА

Я вам расскажу, что такое блокада,
Как жил и работал наш город в бою,
О вере в Победу бойцов Ленинграда
Правдивую слушайте повесть мою!

Я в городе этом жила и училась
И счастье познала, и радость в труде.
Живя и работая в нем, убедилась:
Нет нашего города лучше нигде.

Широкие улицы, зелени полны,
Блестели, как зеркало после дождя,
Несли по Неве белогребные волны,
В родной и далекий залив уходя.

Вставая утром, город водой умывался,
Зеленый наряд по садам оправляя
Затем, нежным солнцем встающим

встречался

И радостно день трудовой начинал.

Дни жизни вперед убегали за днями,
Сегодняшний день не похож на вчера,
Все старые нормы в труде мы ломали,
Чтоб лучше, богаче Отчизна была.

Детишки росли, беззаботно резвились,
А сколько им было прекрасных дорог.
Под вечер с работы мы возвращались
На отдых в уютный к себе уголок.

В тот вечер, как прежде, трамваи ходили,
В ту ночь снились всем безмятежные сны,
А утром багровое солнце всходило
И нам объявили начало войны.

О том, что слышали, о том, что узнали,
Мы вряд ли забудем все в жизни когда...
На нашей границе уже полыхали
Пожаром охваченные города.

Нам всем было жаль городов Украины,
Где враг озверелый все жег и бомбил,
Но грохот орудий все ближе и ближе
К любимому городу, к нам подходил.

И все как один поднялись ленинградцы,
Был каждый охвачен желаньем одним.

На стенах воззванье к народу читая,
Клялись, что врагу Ленинград не сдадим!

Сентябрьский вечер, весь дымом объятый:
Враг подлый налет на склады совершил.

Задумал оставить наш город без жизни.
Чтоб он бы скорее оружие сложил.

И вот вереницей пошли дни за днями,
Творенье Петра разрушали бандиты.
Но город стоял и врагу не сдавался,
Лишь окна фанерою стали закрыты.

Горел Петергоф, и горели окраины,
Все уже и уже сжималось кольцо.

Но город не дрогнул, он гордо и смело
Смотрел надвигающей смерти в лицо.

Нет выхода морем, как нет и по суше,
Пути все отрезаны, враг наступал,
Ремень приходилось подтягивать ту же,
Хлеб был на исходе, запас иссякал.

Нет тока к станкам и нет света в жилищах
Оборваны бомбой, висят провода,
Закрылись театры, все думы о жизни...

Нет бани, нет дров и не льется вода.

И в пьяном угаре, чтоб нас уничтожить,
Насела на город орда подлецов.
Но город не в силах удары умножить,
На кладбище он увозил мертвецов.

А, как увозил... на фанере, салазках,
И складывал, будто дрова.

Я видела: ноги валялись и руки,
Порою лежала одна голова.

Вот трупик ребенка лежит на рогожке,
В нем крови не видно, он как восковой,
И в белом снегу его тонкие ножки
Открыто лежат, как в перине большой.

А в серых глазенках, едва приоткрытых,
Одна лишь мольба, чтобы хлебушка дать,
Отец и братишка на фронте убиты,
А завтра неделя, как умерла мать.
С последнею тряпкой на рынок ходила,
Чтоб хлеба кусочек для дочки достать,
Дорогой упала — подняться нет силы.
Да так и осталась у рынка лежать.

А сколько таких: у подъездов, в квартирах,
Порой всей семьей на кровати лежат...
Вот так уходили от нас ленинградцы,
Без почестей их провожал Ленинград.

Но стонов не слышно, лишь слышны
проклятья

Тому, чьей виною их жизнь прерывалась.
И с верой в победу, и с верой в бессмертье
Они умирали, глаза закрывались.

А город наш жил, и работа кипела,
Он был опоясан стеной баррикад,
Я видела: силы его убывали,
Но был неприступен родной Ленинград!

Враг злился все больше, обстрелы все чаще,
Затмил своей свастикой он небеса...
Но город стоял и врагу не сдавался,
Он в этом кошмаре творил чудеса.

В разбитых цехах зачастую вручную,
Но в точное время точился снаряд.
Дневную, ночную и снова дневную
Подряд отмечал наш рабочий наряд.

Об отдыхе не было даже и речи,
Война — значит, нужно все силы отдать.
Встряхнутся чуть-чуть, разомнут свои плечи
И снова четыре-пять норм выполнять.

Я вижу, бывает, порой улыбнутся
И даже про синий платочек сплуют,
И мысли о прошлом на миг пронесутся,
Слезу рукавом незаметно смахнут.

Всю ненависть, мщенье, вложили они
В смертоносный свой труд.
Стой, фронт! Стой на месте!

Что нужно — рабочие в срок подадут!
Старик весь седой, и больной, и голодный
Вернулся обратно к родному станку,
Да видно, уж поздно... В том деле народном
Дает он наказ одному пареньку.

«Ты тоже, я вижу, качаешься, милый,
Не спал и не ел, хлеб-то забран вперед,
Умру я сейчас, ты докончи работу,
Чтоб точно и в срок получил ее фронт».

И парень безмолвно берется за дело,
Лишь только передником деда прикрыл.
Обстрел — и осколком мальчишку задело,
Но фронт в этот день пулемет получил!

И музы в блокаде у нас не дремали.
В холодном театре сидели в шинели,
в пальто,

И в голод и холод артистки играли,
Нам вера в Победу давала тепло.

Дорогою жизни нам Ладога стала,
Ледовой дорогой покрылась она,
С Москвой нас, с Большою землею связала,
Нам жизнь и второе рождение дала.

По ней вереницей бежали машины,
Геройскую вахту шоферы несли,
Под жутким обстрелом, бомбежкой

и в выюгу

Продукты для города-фронта везли.
Да разве возможно в пути задержаться,
Хоть много встречалось тяжелых преград.
Они, как на фронте, умели сражаться
И знали, что ждет их родной Ленинград.

А в Ленинграде тревогам воздушным,
Как будто не было предела.
Но в этом ужасе, кошмаре,
В Победу — нет! Не гасла вера!

Писал нам акын Казахстана Джамбул:
Крепитесь родные, вы дети мои!
Победа за вами! В вас верит Джамбул,
Ее в октябре уж зажглися огни!

Мы знали, что Родина, партия с нами!
Желанной Победы придет для нас час!
Ведь мы колыбель Октября защищали,
А это — великое дело для нас!

Ленинград, 1941-1945 гг.

Дорога жизни

Память сердца

ПЕСНЯ О ЛАДОГЕ

Слова П. Богданова

*Сквозь шторм и бури, через все преграды
Ты, песнь о Ладоге, лети!
Дорога здесь пробита сквозь блокаду, —
Родней дороги не найти!*

*Припев: Эх, Ладога, родная Ладога!
Метели, штормы, грозная волна...
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.
Недаром Ладога родная
«Дорогой жизни» названа.*

*Пусть ветер Ладоги поведает народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в шторм, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.*

Припев.

*Зимой машины мчались вереницей,
И лед на Ладоге трещал, —
Возили хлеб для северной столицы,
И радостно нас Ленинград встречал.*

Припев.

*И знаем мы, кровавая блокада
Исчезнет скоро, словно тень:
Растут и крепнут силы Ленинграда,
Растут и крепнут каждый день!*

Припев.

*Когда пройдут года войны суровой,
Залечит раны город мой,
Народ вздохнет и песню с силой новой
Споет о Ладоге родной.*

Припев.

«Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты»

Мария Васильевна КАЛЕНТЬЕВА

*Их не согнули никакие беды,
И славить вечно вся земля должна
Простых людей, которым за победы,
Я б звезды перелил на ордена.*

Вадим Сикорский

Калентьева Мария Васильевна — патриотка своей Родины, участник Великой Отечественной войны, блокадница, ветеран Дороги Победы, ее биография необычна, незаурядна.

Родилась она в 1925 году в крестьянской многодетной семье в Калининской области. В 1936 году переехала в Ленинград, окончила 7 классов (позднее 8-й класс в вечерней школе).

Летом 1941 года, будучи шестнадцатилетней девочкой, она копала окопы на Лужском рубеже. Возвратившись в Ленинград, девочка остается одна без

средств существования, так как отчим умер, мать заболела цингой. Ее тетя упростила заведующего стационаром для больных, подобранных на улице, принять девочку на работу, и ее приняли в охрану, но во второй половине 1942 года стационар влился в госпиталь, и она уволилась.

Осенью 1942 года М. Калентьева поступила на работу в качестве проводника в резерв проводников Октябрьской железной дороги и сразу была направлена на лесозаготовки в район станции Каменка, где занималась трелевкой леса в течение восьми осенне-зимних месяцев. После этого ее перевели в депо Т4-12 ко-

чегаром паровоза, а было ей 17 лет от роду. Зимой 1943-го возили в Шлиссельбург (Петрокрепость) и в другие места торф, уголь, дрова. Эта железнодорожная ветка называлась Дорогой Победы.

В феврале 1945 года она чуть не погибла. Поднимая в тендере паровоза двухметровую лесину во время проезда по мосту, задела ею опору моста и была сбита ею, повисла и зацепившись ногами за борт тендера. Машинист, увидев это, остановил поезд, и Машу на машине «скорой помощи» отправили в больницу имени Куйбышева, где она четы-

ре дня находилась в реанимации в коме и затем ее 3 месяца лечили.

Поправившись, она окончила курсы нормировщиков, и с учетом состояния здоровья была использована по этой специальности.

Всего в системе Октябрьской железной дороги она работала с 1942 по 1953 год.

В 1951 году она вышла замуж, позднее муж ушел из жизни. Оставшись одна с сыном, она вынуждена была работать и ушла на заслуженный отдых в 1980 году, имея трудовой стаж 54 года.

Она не одинока. Не забывают ее сын, внучка и два правнука, не забывает ее, став-

шая вторым домом Октябрьская железная дорога, тесно связанная с ней и по сей день, ибо она с 1975 года она работает в Совете ветеранов депо, а с 1985-го — член Объединенного совета ветеранов-железнодорожников специализируясь на социальных вопросах.

Вспоминает Мария Васильевна, как ей в 1943 году в Клубе железнодорожников на Тамбовской улице, дом 63, торжественно вручили медаль «За оборону Ленинграда», а ей еще не было 18 лет. Именно о таких, как она, писал поэт Юрий Воронов:

*В блокадных днях
Мы так и не узнали,
Меж юностью и детством
Где черта?
Нам в сорок третьем
Выдали медали,
И только в сорок пятом
Паспорта.*

Это была ее первая награда, теперь их у нее очень много, в том числе и орден Отечественной войны 2-й степени. За активную работу в ветеранском движении она награждена медалью «За труд и верность. 50 лет магистрали Санкт-Петербург–Москва».

У нее 14 нагрудных знаков, связанных с ее работой в годы Великой Отечественной войны, но больше всего дорожит она знаком «Участник Дороги жизни». В 1993 году она награждена начальником Октябрьской железной дороги именными часами.

Некоторое время была она донором, имеет донорский знак.

Вспоминает Мария Васильевна свою юность: как в перекрашенной юбочке и свеженькой блузке бежала в «красный уголок», где проводились праздники, собрания, была художественная самодеятельность.

Вместе с другими девчонками брала она наряд на сверхурочные, таскала в отвалы шлак из очищенных паровозных топок.

Прибытие в Ленинград с Большой земли первого после прорыва блокады поезда 7 февраля 1943 г.

Вот так она заработала талон на первые в жизни туфли-лодочки. Это были маленькие радости на ее нелегком жизненном пути.

Очень точно отметил это в своем стихотворении поэт Ярослав Смеляков:

*Нам время не даром дается,
Мы трудно и гордо живем.
И слово трудом достается,
И слава добыта трудом.*

А в марте 2001 в газете «Октябрьская магистраль» была опубликована большая статья о Марии Васильевне Каленьгевой, ветеране Дороги Победы.

Л. Рахалов

«Теряли мы друзей, родных, но веру не потеряли в Родину свою»

Альберт Петрович АМАН

Жизнь Альберта Петровича Амана нелегка, полна трагизма, и все только, потому что он по национальности немец. Родился он в 1924 году в Ленинграде и всю жизнь прожил в России, немецким языком почти не владеет.

Именно о таких, писал поэт Павел Коган:

Я — патриот. Я воздух русский,

Я землю русскую люблю.

Окончив 7 классов школы, он 16-летним пареньком в 1941 году пошел работать слесарем на завод им. Энгельса (ныне он входит в объединение «Светлана»), одновременно он закончил 8 и 9-й классы вечерней школы.

Завод выпускал взрыватели к снарядам. Альберт быстро освоил свою специальность и даже обучал учащихся ПТУ — малолетних подростков-сирот.

Он пережил тяжелую блокадную зиму, мерз и голодал, но работал, выполняя военный заказ — продукцию для фронта.

В марте 1942 года Альберта из-за его национальности выслали в Сибирь, в Тюменскую область, а летом того же года — в Ханты-Мансийский национальный округ, где он работал плотником, бондарем на Рыбзаводе.

В 1946 году он переехал в город Киров. К этому времени он уже был женат, и имел двоих детей. Поступил на работу станочником, одновременно окончил 10-й класс вечерней школы и годичные курсы экономистов, стал бухгалтером, поработал на торфоразработках.

В 1944 году его выслали из Кирова в Кировскую область, где он работал на фосфоритном руднике.

Постоянные репрессии не сломили Альберта Петровича, он по-прежнему остался патриотом России.

О нечто подобном писал поэт Михаил Львов:

Жизнь бьет меня приемом старым,

Без перерыва столько дней,

Но с каждым яростным ударом

Я только делаюсь сильнее.

В 1956 году наступил известный период «оттепели» и А. П. Аман возвратился в Ленинград, где продолжил работу. Здесь ему выдали удостоверение жертвы политических репрессий, вручили медаль «За оборону Ленинграда».

С 1982 года он на заслуженном отдыхе. Ушла из жизни жена. Но Альберт Петрович не одинок, находит отраду в своих двух дочерях, внуке, двух внучках, правнучке и правнучке.

Л. Рахалов

«Недаром Ладога родная Дорогой жизни названа»

Амплий Евгеньевич ШИПОВ

Амплий Евгеньевич Шипов — один из участников Дороги жизни, ее ветеран, участник Великой Отечественной войны, инвалид 2-й группы.

Он — один из тех, на чьи плечи легло немало трудностей и невзгод, горя и потерь, кто делал все возможное, а подчас и невозможное, но он все это вынес и не сломался.

И А. Шипов жертвовал собой, отдавая себя без остатка, он верил в победу над врагом, и эта вера придавала ему силы для преодоления поистине нечеловеческих трудностей.

Именно о таких писал поэт Михаил Львов:

*Чтоб стать мужчиной — мало им родиться,
чтоб стать железом — мало быть рудой:
Ты должен переплавиться. Разбиться!
И, как руда, пожертвовать собой.*

Он родился в 1924 году в крестьянской семье в Костромской области, в 1938 году вместе с родителями переезжает под Ленинград.

После окончания 7 классов, он работает токарем на Заводе подъемно-транспортного оборудования. В сентябре 1941 года Ленинград оказался в блокадном кольце.

В феврале 1942 года А. Шипов был призван в армию и в составе Второго отдельного рабочего батальона Управления перевозом Ленинградского фронта по льду Ладожского озера был переброшен в поселок Жихарево, затем в Кобону и в Косу.

И начались нелегкие будни бойца Дороги жизни.

Примерно в ста метрах от берега проходила железнодорожная ветка, по которой шли эшелоны с углем, боеприпасами, оборудованием и продуктами для осажденного Ленинграда. К ней подгонялись автомашины, и содержимое эшелонов срочно перегружалось на них, затем автомашины следовали в Ленинград по Ладожской трассе, а обратно возвращались, доставляя из блокадного города эвакуированных женщин, стариков, детей, ценное оборудование.

«Тяжело и страшно было смотреть на этих эвакуированных, — вспоминает ветеран, — это были поголовно дистрофики, высохшие, похожие на скелеты. Очень жалко было детей».

Первое время наряду с продуктами рабочий батальон грузил из эшелонов уголь. Работали почти без сна, до полной разгрузки эшелона.

Работать приходилось под свист и разрывы бомб и снарядов, было немало потерь среди личного состава.

Жили в больших палатках, каждая с двухъярусными нарами на 30 человек. Питание было неважным, еды не хватало.

«Через некоторое время после разгрузок эшелонов с углем, — рассказывает А. Шипов, — наши ватники, шинели, вся остальная форма были черные от угля, а мы стали похожи на негров.

Спать приходилось мало, воды не было, кругом лед, а кипятить лед в воду было некогда, так как очень хотелось спать. Бывало, только уснешь, снова подъем, так как опять

пришел новый эшелон, а шли они беспрепятственно. Единственной радостью было тепло, ибо в палатке стояла печь — бочка, а угля у нас было достаточно. Спали прямо на досках нар, но, когда наступало время отдыха, были рады и такой постели, так как от усталости валились на нары и засыпали, еще не коснувшись их.

Приходилось грузить торпеды, мины, конные повозки и многое другое. Были случаи обморожения, особенно среди прибывающих эвакуированных. Неподалеку от палаток располагался лазарет, где раненым и обмороженным оказывалась первая помощь.

Пришла весна после суровой зимы, весьма поздняя, ибо в апреле еще работала Ледовая дорога. От снарядов и бомб, а также быстрого течения воды местами появлялись полыньи, их покрывали настилами, но были случаи, когда машины проваливались и тонули.

Когда весна вступила в свои права, растаял лед, солдаты впервые по настоящему помылись, обрели должный вид.

Теперь погрузка из эшелонов шла на корабли и баржи. Очень правдиво описывается этот период в той же песне о Ладоге:

*Пусть ветер Ладоги поведает народу,
Как летом баржу за баржой
Грузили мы и в шторм, и в непогоду,
Забыв про отдых и покой.*

Одновременно с разгрузкой батальон строил пирсы для швартовки кораблей и барж под погрузку.

К лету батальон разместился в землянках по 6 человек в каждой (с двухъярусными нарами).

После прорыва блокады А. Шипов был с группой однополчан переведен на военный завод № 45, производивший авиамоторы, работал там токарем до конца 1945 года. Потом было возвращение в Ленинград, учеба в техникуме, военная служба и мирный труд.

А. Шипов — имеет около двух десятков правительственных наград, он — член Объединения ветеранов Дороги жизни, удостоен рядом нагрудных знаков — «Участник Дороги жизни» и других.

Л. Рахалов.

Дорога жизни. Осиновец. Разгрузка баржи с мукой. 1942 г.

Боец последнего года призыва

Владимир Алексеевич ФЕОФАНОВ

Последний год призыва — 1927-й. Это значит, что юноши вступившие в свое совершеннолетие до окончания Великой Отечественной войны, подлежали мобилизации в действующую армию. Долгие годы вопрос о признании данной категории ветеранов участниками войны был весьма спорным, и в настоящее время, несмотря на ряд принятых решений, проблема положительного и полного разрешения все-таки еще не получила. Сейчас бойцам последнего призыва 81 год, за плечами каждого из них — долгая и трудная жизнь, и наш рассказ — об одном из таких бойцов Владимире Алексеевиче Феофанове. Он родился 14 января 1927 года в Ленинграде. Отец — Феофанов Алексей Иовиевич, рабочий судостроительного завода, мать — Евдокия Михайловна, работница предприятия «Монетный двор».

К началу войны семья Феофановых проживала на Пионерской улице и состояла из 4 человек: мать, старший брат Василий, Владимир, закончивший 6-й класс и младшая сестренка Вера 6 лет. Отец умер в конце 30-х годов.

Василий был призван в армию, в боях под Сталинградом потерял правую руку и был демобилизован. Мать Евдокия Михайловна и двое несовершеннолетних детей оказались в блокадном кольце.

Началась трагедия осады. Люди гибли тысячами. Пискаревское кладбище, где нашли вечный покой более 450 тысяч ленинградцев, считается самым крупным захоронением в мире. В феврале 1942 года умерла

соседка Феофановых, оставив пятилетнего сынишку Виктора. После того как похоронная команда вынесла его мать, он оказался один. Вернувшись с работы, Евдокия Михайловна нашла его сидящим на полу и решила, что там, где двое детей найдется место и третьему. Но все вместе они были недолго. Евдокия Михайловна умерла, и трое детей остались одни.

Володя, которому в январе исполнилось 15 лет, взял на себя всю заботу о младших. Стоял в очередях,

чтобы отоварить карточки, носил из Невы воду, собирал все, что годилось на топливо. Дети ничем ему не могли помочь, они были слишком малы.

Счастливым случай свел его с сотрудницами столовой. Они иногда подбрасывали ему комочек теста, замаскированный угольной пылью, который дети все втроем съедали. Эти же женщины помогли еще и в других делах. Спустя какое-то время Володя почувствовал, что силы у него на исходе и долго он не протянет. И тогда они подсказали ему, что на стадионе имени Ленина собирают детей для отправки в эвакуацию. Володя на саночках отвез туда сестру, а на следующий день и Виктора. Оба ребенка были спасены.

Эти же добрые люди сказали ему, что с Финляндского вокзала на Дорогу жизни отправляется поезд с рабочими. Ему удалось с ними уехать. Женщины прятали его под скамейкой. Сотрудники, обслуживающие ледяную магистраль, приняли истощенного подростка и оставили его у себя. Когда он немного окреп, его зачислили трудармейцем в

в погрузочно-разгрузочный батальон Лесо-перевалочной базы Ленгорисполкома, где он прослужил до декабря 1943 года.

3 июня 1943 года Володе на Ладоге председателем Ленгорисполкома Попковым П. С. была вручена медаль «За оборону Ленинграда».

В декабре 1943 года он был отправлен на учебу в ФЗО №6 города Ленинграда и в декабре 1944 года окончил его, получив профессию плотника, работать по которой ему не пришлось, так как в том же декабре, за месяц до своего совершеннолетия, он был призван в действующую армию. До конца войны Владимир Алексеевич в составе своей части выполнял воинский долг на тех участках, куда командование посылало его подразделение. За участие в Великой Отечественной войне Феофанов был награжден медалью «За Победу над Германией».

С окончанием войны служба в армии для него, как и для многих его сверстников, не окончилась. Пять послевоенных лет он охранял границы нашего государства. Демобилизован в июле 1950 года в чине младшего сержанта.

Его трудовая жизнь началась на заводе «Линотип» («Полиграфмаш»), где он получил специальность фрезеровщика. Позже работал на крупных оборонных предприятиях. Последние 25 лет — в НПО «Аврора». В свою деятельность Владимир Алексеевич вносил

не только мастерство, но и творчество. Трудовая книжка содержит перечень внесенных им рационализаторских предложений и сведений о внедрении их в производство.

Он был членом Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (ВОИР). Его трудовой путь отмечен почетными знаками, грамотами и другими поощрениями.

На пенсию Владимир Алексеевич Феофанов вышел в 1995 году; его жена Лидия Дмитриевна имеет звание «Труженик тыла». Много лет она работала учителем в школе. Они воспитали хорошего, заботливого сына, порядочного человека и талантливого инженера Алексея Владимировича Феофанова. Двое внуков получили высшее образование и находятся в самом начале жизненного пути. Великая Отечественная война стала историей, но память о ней не гаснет. Владимиру Алексеевичу забыть ее не позволяют не только личные воспоминания, но и юбилейные награды послевоенных лет, среди которых полученный в марте 1985 года орден Отечественной войны 2-й степени. Вот так в годы войны складывалась жизнь наших восемнадцатилетних мальчишек 1927 года рождения. А достойны ли они носить высокое звание участника Великой Отечественной войны — судите сами.

А. А. Самохвалова

Мария Шеметова, ДДЮТ, 7 класс, школа №179

Блокадный Ленинград

*Я в мыслях перенес себя
На много лет назад,
И сразу встал передо мной
Блокадный Ленинград.*

*Без света, без воды, тепла,
Покрытый снежной мглой,
В тисках блокадного кольца
Жил город мой, герой.*

*Сто двадцать пять блокадных грамм
— Паек блокадных дней,
Мука со жмыхом пополам
И кипяточек к ней.*

*Стоит у булочной народ,
Подвоза хлеба ждет,
А метроном секунды бьет
— Жизнь в городе идет.*

*К Неве протоптана тропа
И через спуск крутой
Плетутся люди не спеша
За невскою водой.*

*Прервалась связь с Большой землей,
Не ходят поезда
Застыл автобус и трамвай,
Повисли провода.*

*Тревожный слышен вой сирен,
Гостинный двор в огне,
И вновь на Невском артобстрел
Свист бомбы в вышине*

*Аэростаты над Невой,
Зениток дробный стук,
Идет жестокий где-то бой,
Доносит ветер звук.*

*По тротуарам, чуть дыша,
Голодной той зимой
Везут умерших на санях,
Накрытых простыней.*

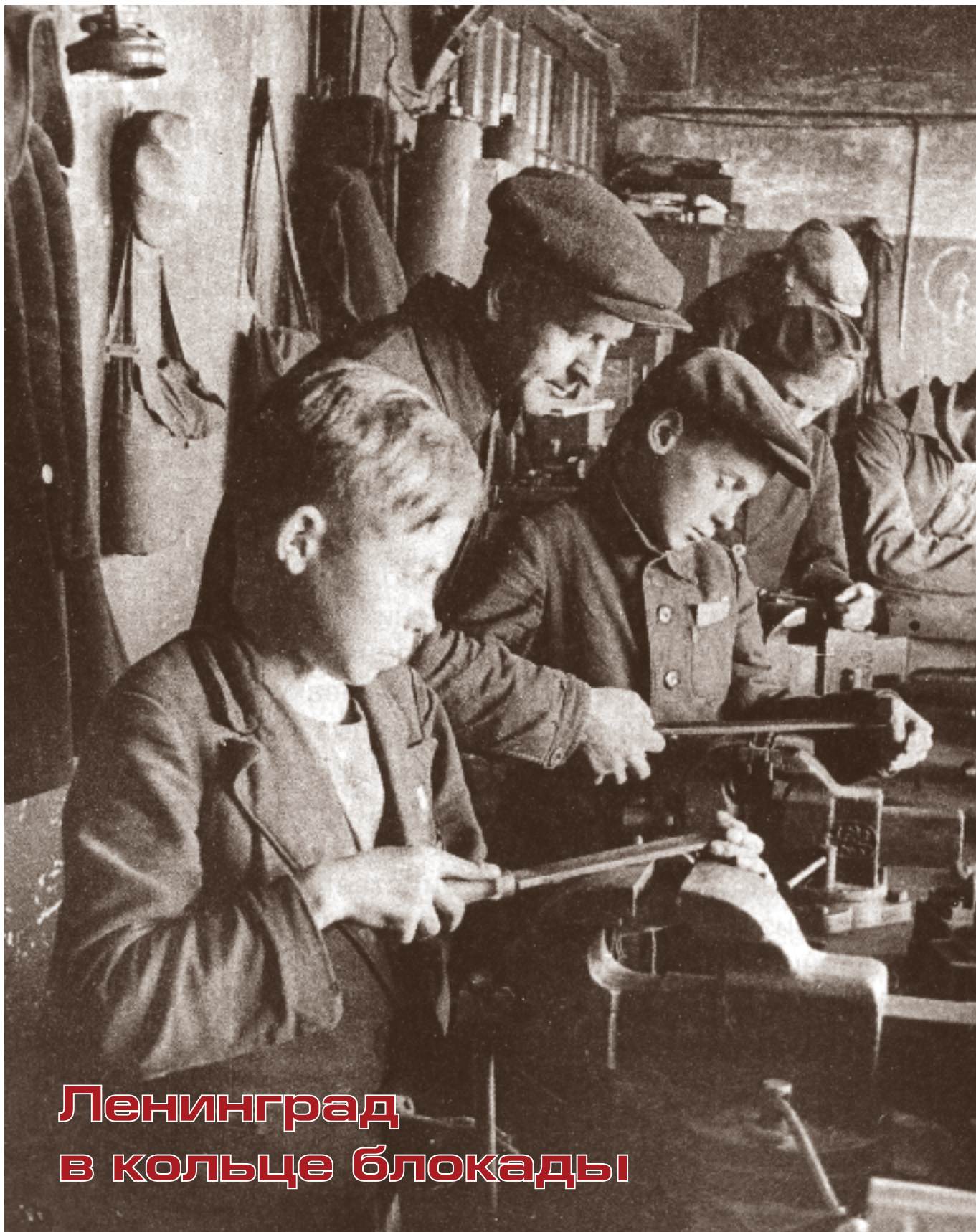
*По двое суток из цехов
Не уходил народ,
И танки уходили в бой
Из Кировских ворот.*

*И так все девять сотен дней
Жил город фронтовой,
Боролся, жил и побеждал,
И жертвовал собой*

*Неразделим здесь фронт и тыл,
Три года под огнем,
И каждый здесь героем был,
В победу верил он.*

*Огонь и голод, холод, мрак
Нам позабыть нельзя,
Мы не забудем никогда
Блокаду ту, друзья*

Л. Рахалов

**Ленинград
в кольце блокады**

Память сердца

Дети блокадного города

Музыка и слова Соломыкиной Н. Я.

Вст:

Припев:

Очень трудно о том вспоминать,
Слёзы мы не в силах сдержать.
Спеть хотим вам о годах войны,
Спеть о детях блокадной поры.

Припев: Разве можно это понять,
Как могли детей убивать?
Погибали от пуль и от голода
Дети блокадного города.

Только вечный ужас и страх
Был всё время в детских глазах,
И шептали уста матерей:
«Пощадите же наших детей!»

Припев.

Им бы в куклы ещё поиграть,
Мяч футбольный по полю гонять,
А пришлось встать на место отцов
И снаряды точить для бойцов.

Припев.

А могли бы прославить страну,
Строить шахты, летать на Луну,
Стать учёными или врачами...
Но фашисты ту нить оборвали.

Припев.

Если б не было этой войны,
Их бы детские сбылись мечты.
Только память осталась о нём,
О несбывшемся детстве своём.

Припев.

Мария Яковлевна ЛЯПИНА

Я родилась в 1921 году в деревне Псковской области в крестьянской семье. Семья была многодетная, 5 братьев и 2 сестры. Три брата были партизанами, два брата участвовали в Великой Отечественной войне, один из них погиб. Родители погибли во время войны. В 1937 году закончила 7 класс школы, приехала к сестре в Ленинград, где поступила учиться в ФЗУ. После окончания ФЗУ работала на заводе «Комсомольская правда» фрезеровщицей. В начале войны работала на заводе, жила в Озерках.

Во время войны приходилось работать по 12 часов. Рыли противотанковые рвы у Политехнического института и окопы в пригородах. Во время тревоги дежурили на крышах, гасили «зажигалки», наблюдали за сигналами диверсантов и об этом сообщали в заводской штаб. На работу из Озерков на Выборгскую набережную приходилось ходить пешком.

Самым трудным месяцем был ноябрь 1941 года. Продуктовые карточки отоваривались с перебоями, а за хлебом приходилось стоять в очереди с раннего утра. Продуктовые карточки в ноябре не отоваривали.

В декабре месяце от голода умерла старшая сестра, я тоже слегла, на работу ходить больше не могла. Помогли соседи, взяли к себе в дом, ухаживали за мной, и поставили меня на ноги. С декабря месяца карточки ста-

ли отоваривать регулярно и было организовано дополнительное питание (каша пшенная с хлопковым маслом).

Работала в бригаде по очистке дворов, убирали покойников из домов (частных) и чистили окопы от снега. Наш район часто подвергался обстрелам и бомбежкам, так как в Озерках был аэродром.

В апреле 1942 года приняли бойцом в военизированную пожарную охрану. Сутки дежурили, если не участвовали в тушении пожаров, на вторые сутки работали на подсобных ра-

ботах: собирали покойников по квартирам, разгружали дрова, чистили дворы в городе.

Летом работали в подсобном хозяйстве по выращиванию овощей.

После войны работала в автопарке и принимала участие в восстановлении города.

Награждена: орденом Отечественной войны 2-й степени; медалями «За оборону Ленинграда», «Медаль Жукова»; Юбилейными медалями «30 лет Победы в Великой Отечественной войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной войне», «60 лет Победы в Великой Отечественной войне», памятной медалью в честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады, медаль «Фронтовик 1941–1945», медаль «В память 300-летия Санкт-Петербурга».

«Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет»

Ольга Алексеевна ЛОМОВСКАЯ

Здесь просто умирать, а жить не просто.

Сергей Наровчатов

Ольга Алексеевна Ломовская пережила в блокадном Ленинграде, как и многие другие, настоящий ад: голод, холод, отсутствие света, воды, артобстрелы и бомбежки, пожары, рушившиеся дома, болезни и смерти. Но она прошла через все эти муки, выстояла, не сломалась.

Родилась Ольга Алексеевна в 1922 году в Подмосковье, а семилетним ребенком переехала в Ленинград, где пошла на учебу в 1-й класс. После окончания 8 классов работала чертежницей, позднее конструктором 3-й категории в конструкторском бюро завода «Судомех», где и застала ее война.

В июле 1941 года она на Лужском рубеже в районе города Кингисеппа — рыла окопы в условиях бомбежки и обстрела вражеской авиацией.

По возвращении в Ленинград Ольгу направили в район Старой Деревни на разборку деревянных домов. Это был тяжелый физический труд, естественно не для женщины, но она вынесла и это.

В феврале 1942 года она поступила на работу в Типографию им. Володарского в качестве ученицы линотиписта, а через два месяца работала самостоятельно линотиписткой (работала на линотипе — печатающей машине).

Неоднократно Ольга Ломовская обращалась в райвоенкомат с просьбой об отправке

на фронт, но ей разъяснили, что блокадный Ленинград — это тоже фронт, а типография по своему значению — военный объект.

В типографии работали без выходных, в две смены: вечернюю и ночную.

Здесь печаталась газета «Ленинградская правда», которая выходила ежедневно.

Даже когда в типографию попала бомба, печатание газеты было перенесено в находившуюся поблизости маленькую типографию, но «Ленинградская правда» выходила без

перебоев.

В ней печатались сводки информбюро, освещалась жизнь в городе и в стране, газета вселяла в людей уверенность в нашу победу.

В типографии также печаталась газета «Краснознаменный Балтийский флот», позднее «Вечерний Ленинград», а с матриц — доставляемая самолетом газета «Правда».

Когда повышалась норма выдачи хлеба, работники типографии узнавали первыми, ибо это печаталось в газете.

Типография помещалась на Фонтанке, около БДТ, а жила Ольга Ломовская вместе с подругой на Подольской улице, около Витебского вокзала. Добирались домой с работы трудно, особенно в темные осенние ночи после вечерней смены, оканчивающейся в 12 часов ночи. Да еще надо было зайти в булочную, к которой она была прикреплена, выку-

пить по карточке хлеб, а дома затопить печку «буржуйку», немного согреться горячим кипятком с хлебом, ибо в квартире было холодно. Затем — короткий тревожный сон и снова подъем, следование на работу, на очередную смену. Бывало иногда в подъезде, на лестнице она натыкалась на труп, но страха не было, так как много людей умирали от истощения, дистрофии, цинги, обморожения.

За две недели она обучилась профессии сандружинницы, бывала в госпитале, находившимся на Лазаретном переулке.

В моменты бомбежки приходилось на крыше типографии тушить бомбы-«зажигалки».

Некоторое время она была на казарменном положении, ибо в типографии, где работало около 30 машин, было тепло. Питание было неважное, иногда перепали «хряпа», суп с лебедой, соевое молоко, изредка ходила за водой во двор школы на Подольской улице.

Ольга Алексеевна Ломовская награждена орденом Отечественной войны, медалью «За оборону Ленинграда» и рядом других медалей.

После войны Ольга вышла замуж, но сегодня она вдова, имеет дочь, внука-корабеля, доктора наук, правнука-первоклассника, живет со своей сестрой.

Л. Рахалов

Школьники со взрослыми на строительстве оборонительных сооружений. 1941 г.

Воспоминания о тяжелых годах детства

Лариса Николаевна и Владимир Николаевич СЕРГЕЕВЫ

Я родилась 3 апреля 1939 года в Ленинграде.

Мне было 2 года, когда началась война. О блокаде и голоде, холоде и смерти я помню по рассказам мамы и старшей сестры Людмилы Николаевны Хаминой, которая живет сейчас в Севастополе (стр. 54).

В это время мы жили по адресу: набережная реки Пряжки, д. 34-б, имели комнату в коммунальной квартире. Как и все ленинградцы, привыкали к обстрелам, бомбежкам и голоду. Однажды при артобстреле в квартиру влетел снаряд, пробив стену, разорвался в соседнем флигеле дома. Сестра при этом была контужена. При попадании фугасной бомбы в наш дом мы были в бомбоубежище. Это было в начале войны. Потом мы все чаще оставались в квартире и слушали, какие районы бомбят сильнее.

Боялись за отца, так как он находился на казарменном положении в Артиллерийском училище и мы не знали, жив ли он.

С каждым днем все больше хотелось кушать. Запасов продуктов никаких не было. Были лишь те крохи, что давали по карточкам. Когда нас навещал отец, то он оставлял нам свой сэкономленный паек. Если бы не он, мы бы умерли от голода.

Была проблема с водой. Замерз водопровод. Воду брали из реки Пряжка. Баррикады перегораживали улицы. Надо было перелезть через ограждения, переступить, бывало, через мертвое тело на лестничной клетке и донести хоть немного воды домой. Страш-

*Сергеевы Лариса и Владимир
9 мая 2005 г. у БКЗ «Октябрьский»*

но было первый раз увидеть мертвого. А потом... Везде трупы. Сандружинники не успевали убирать их. В Канонерском переулке трупы были сложены как дрова. Жуткая картина. С соседями по коммуналке делились, чем могли, это был и помидорный рассол, и хвоя, и столярный клей, картофельные очистки... Как мы выжили? Мама не любила говорить об этом. Но главное это помощь отца.

Дорога жизни через Ладогу вселила надежду на спасение. Детей предлагали эвакуировать с детским домом. Иждивенцам грозили урезать паек. Надо было решиться на отъезд. Мама тянула до последнего. Главное — не покидать Ленинград! Но пришлось подчиниться распоряжению. И 29 июля 1942 года мы эвакуировались по Ладожскому озеру на катере. На борт катера было взято людей больше всего возможного. В основном старики и дети.

Мы с сестрой сидели под какой-то скамейкой. Немецкие самолеты летали совсем низко и обстреливали из пушек. Катер уцелел чудом, и мы тоже.

А дальше была дорога на Урал (а привезли нас в Сибирь, в Кемеровскую область). Ехали в телячьих вагонах. Народу было очень много. Спали в два яруса. Бок о бок — дистрофики с кровавыми поносами, полумертвецы. На каждой остановке дежурные по станции выносили мертвых, а остальные, живые, ехали дальше.

До станции Яя Анжеро-Судженского района мы ехали более месяца. Отец, инва-

Сестры Людмила и Лариса

лид 2-й группы, по состоянию здоровья был эвакуирован с семьей. Дорогу перенес очень тяжело.

В Яе нас, ленинградцев, расселили в семьи местных жителей. Относились к эвакуированным по-разному. О блокаде Ленинграда знали мало, в то время почти ничего.

Весной 1943 года нам дали делянку земли, и родители посадили овощи. Стало легче. Родители работали, сестра пошла в школу, а я в детский сад.

Май 1945 года принес победу и вместе с ней надежду на возвращение в родной город. Победа! Как много было слез, радости и объятий.

В июне 1945 года мы вернулись в родной Ленинград, но комната наша оказалась занята семьей погибшего военнослужащего. Мы жили у чужих людей, пока родители не отремонтировали комнату в большой коммунальной квартире на улице Войтика (Витебская), дом 25. Как хорошо дома. В квартире всего-то 16 человек, из них 6 детей. Нам весело с сестрой!

А вот отец все тяготы жизни не перенес, его сердце остановилось в ночь на Рождество Христова 7 января 1948 года. Ему было 38 лет. Хоронили его в жуткий мороз на Красеньком кладбище.

Мой муж, Владимир Николаевич, родился 21 января 1938 года в Кронштадте, в семье военнослужащего.

В начале войны он жил у бабушки в маленьком деревянном домике, у перекрестка проспектов Газа и Нарвского. С небольшим заплечным мешочком он с мамой бегал в бомбоубежище, которое находилось в подвале монастыря.

Затем жильцов из деревянных домов переселили. Вова стал жить на проспекте Газа, дом 21, в большой комнате на 6-м, последнем, этаже. Начался не только голод, но и холод.

В квартире у Володи был друг — соседский мальчик. Они хорошо играли вместе. Вдруг мальчик перестал не только играть, но и вставать с кровати. Володе говорили, что он спит, потом на этой кровати оказалась женщина, но лежала головой в другую сторону. И мальчика, соседа, и его мать позже похоронили на Пискаревском кладбище.

Однажды ночью на дом, где жили Вова с матерью, упала зажигательная бомба, все жильцы в панике с узлами бросились во двор. Была ночь, хорошо видно было пламя под окном. Все на этот раз обошлось, бомбу сбросили вниз. В другую ночь мощный взрыв сбросил его с кровати, а выйдя во двор на следующий день, увидели, что нет части дома, выходящей на Курляндскую улицу. Дом свалился во двор, образуя большую неровную гору, где копошились люди.

Иногда из Кронштадта к ним приходил отец, он делился своим пайком. Однажды принес кусок конины. Во время обстрела была ранена лошадь, запряженная в телегу, и голодные люди, невзирая на обстрел, растерзали ее на части. Вова помнил, что долго ели они эту конину, смешивая с чем-нибудь еще.

Обогревали комнату «буржуйкой», но она требовала много дров и давала мало тепла. Чтобы согреться, переехали в комнату 12 м² с печным отоплением. Там уже жила одна

женщина, но она не вставала с постели. Вова с матерью и с бабушкой поселились к ней. В тесноте, да не в обиде. Стало много теплее.

Весной 1942 года они с матерью эвакуировались. Как ехал по Ладоге, не помнил, а вот дорога в товарных вагонах, набитых беженцами, запомнилась надолго. Главный страх — остаться одному, без матери (женщины на остановках пытались раздобыть воду, еду и прочее).

До конца войны они с мамой были в городе Касилове Рязанской области, бабушка, прожив все голодное и тревожное время в блокадном городе, выжила, была награж-

дена медалью «За оборону Ленинграда». А тетя погибла при артобстреле в 1942 году — похоронена на Волковском кладбище. Отец, пройдя всю войну, будучи раненым, умер в госпитале в Рязани, похоронен на братском кладбище.

Володя пошел по стопам отца. Кончил военно-морское училище. Служил в «Лице», Североморске-7, на атомной подводной лодке. Потом — военным представителем на предприятии оборонной промышленности до 1992 года. Ветеран «особого риска».

Умер 26 июня 2007 года, похоронен на Красненьком кладбище.

Пусть над нашими головами будет мирное небо

Нина Ивановна ИВАНОВА

Про блокаду я могу рассказать из своих воспоминаний и со слов моей мамы.

Я родилась в Калининской области в 1936 году, а в 1940 году мы приехали в Ленинград. Отец рано ушел из жизни, мама осталась вдовой в сорок три года. Нас у нее было пятеро, две моих сестры умерли еще до войны, а старшей сестре в 1942 году исполнилось 18 лет, и ей пришла повестка, призывали на фронт.

Когда началась война, мне было пять лет. Трудное мне выпало детство. В блокаду, когда призвали сестру, у мамы осталась я и моя 4-летняя сестра. Я часто болела, чудом осталась жива. Нам с сестрой давали по 125 граммов хлеба, а маме 250. Она делилась с нами своим пайком. Нужно было ходить в школу, а ноги опухали. Мама одну везла на санках, другую сажала за спину, придерживая рукой,

так и доставляла нас, а потом встречала.

В школе было очень холодно, даже чернила замерзали. Детство в блокадном городе — это тяжелое испытание, без мамы мы бы не выжили. Мы часто ее вспоминаем, спасибо маме за то, что воспитала нас без папы, пусть будет ей земля пухом.

Я окончила 7 классов школы, учеба мне давалась тяжело. В 16 лет устроилась работать

на «Светлану», где и работала до самой пенсии. Сейчас я ветеран труда, инвалид II группы. Живу с мужем и сыном. Горько и тяжело вспоминать прошедшее блокадное время. Но помню и радость дня Победы. Дай Бог, чтоб подобное никогда не повторилось, эта проклятая война унесла слишком много жизней. Пусть над нашими головами всегда будет мирное небо.

Память сердца

«Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом паспорта»

Зинаида Григорьевна ЯКИМЕНКО

Моя девичья фамилия Бересток, родилась я в 1930 году на Украине в городе Сумы.

В 1932 году мои родители приехали работать на Охтинский химический комбинат. Так я оказалась в городе Ленинграде. Жили на Пороховых в бараках, а в 1940 году нам дали комнату в 5-комнатной квартире на Заневском проспекте, дом 13, квартира 18.

Мой отец работал слесарем на заводе, мама — официанткой в заводской столовой. Когда началась война, мне было 11 лет. В первые дни войны было принято решение о вывозе детей из города. Нас посадили в поезд, в товарные вагоны, и отвезли, за город Лугу, но через 4 дня всех детей срочно вернули в город. Когда приехали, мы не узнали свой город, и вообще все вокруг изменилось: окна в домах были заклеены бумагой, во дворе вырыты окопы, проходы между домами были перегорожены, во дворе стояли два прожектора, и вокруг хлопотали молодые девушки в военных гимнастерках.

Мы, подростки, тоже не хотели остаться в стороне и решили помогать взрослым. Организовали небольшой отряд и стали ухаживать за пожилыми людьми: приносили им воду, помогали спускаться в бомбоубежище во время обстрелов. Также мы дежурили на чердаке во время ночных бомбежек, сбрасывали «зажигалки» с крыш или гасили их в бочке с песком или водой. Щипцы, которыми хватали «зажигалки», были метал-

лические тяжелые, но мы справлялись, так как всегда рядом были взрослые.

Наш дом находится на правом берегу Невы, между Большеохтинским и Финляндским железнодорожными мостами. Во время ночных бомбежек этих мостов наш дом качался, как березка в открытом поле. Вначале было страшно, но потом привыкли.

Пришла осень, дети пошли учиться в школу, но зима была холодная, голодная, и занятия отменили. Зимой 1942 года не стало

моего отца. Чтобы его похоронить, мама отдала мою хлебную карточку, и целый месяц мы жили на мамину карточку. Мама в это время работала санитаркой в госпитале на улице Стахановцев, что бы не оставлять меня одну в квартире, она попросила разрешение брать меня с собой на работу. Ей разрешили, и я стала помогать: ухаживала за ранеными бойцами, писала письма от их имени, читала книги, убирала судна, стирала старые бинты, гладила их и скручивала, так как перевязочного материала в городе не хватало. Вместе с учительницей музыки Татьяной Аксентьевной, мы организовали кружок и выступали в госпитале.

Когда пришла весна 1942 года, нас, школьников, 20 человек, отправили в деревню Манушкино на сельскохозяйственные работы от завода имени И. В. Сталина. Было в двух километрах от линии фронта. А в деревне был аэродром, и поэтому деревню очень часто обстреливали. Поселили нас на скотном дворе, так как животных там уже не было. Спали мы на деревянных нарах, обедали в столовой.

Пока на грядках делать было нечего мы собирали по всем полям и лесам траву: лебеду и крапиву. Все это отправляли в заводскую столовую и варили щи для рабочих. А вот когда зазеленели грядки на полях, мы стали заниматься прополкой, а потом и уборкой. Нам давали определенную норму, мы с ней справлялись и даже перевыполняли. Если кто не справлялся, мы все дружно помогали. Когда ложились спать, то казалось, что утром мы уже не поднимемся. Но наступало утро, и мы снова шли на работу и выполняли норму. Так было всю осень. Начинался учебный год, надо было учиться.

13 декабря 1943 года в исполкоме Калининского района всем ученикам, работавшим в подсобном хозяйстве, были вручены медали «За оборону Ленинграда». Так правительство страны отметило наш вклад в победу.

Я закончила торговый техникум, работала два года в магазине, но потом перешла в Институт электронной промышленности старшим лаборантом. После 1991 года работала там же уборщицей офисов, и только в январе 2007 года я рассталась с трудовой деятельностью. Живу я с дочкой, зятем и внучкой.

Учащиеся начальной школы с учителем на уборке моркови. 1942 г.

Война! Что может быть хуже?

109

Татьяна Васильевна БУКИНА

Война — это когда в один миг можешь стать сиротой, без мамы, родных, любимых, без крыши над головой, без хлеба, без одежды, без рук, ног...

В сентябре началась блокада города. Мне 14 лет. Бесконечные тревоги. Мы с мамой в группе самозащиты при домохозяйстве. Мама — медсестра, я — связная. Я бегала по темным лестницам, открывала чердаки, дежурила на крыше, тушила «зажигалки». Видела, как горел Госнардом. Мы жили около моста Свободы.

Затем наступил голод. В штаб перестали ходить. Пережили блокаду благодаря печному отоплению.

Весной все живые скалывали лед на проспекте. Лед, снег не убирали всю зиму.

Мама начала работать на Воинова, 41, и я с ней, так как мама была на казарменном положении, а в доме никого. Откормили. Помню каши. Я была в библиотеке общественницей. На следующее лето отправили на огороды.

Сегодня это даже страшно вспоминать

Сусанна Михайловна КЛАВ

Когда началась война, мне было 5 лет, а брату Анатолию 3,5 года. Отец, Васильев Михаил Алексеевич, сразу ушел на фронт защищать Родину. Он был моряком и служил на Балтийском флоте. В сентябре 1942 года погиб смертью храбрых.

Мы с братом ходили в детский сад, а наша мама, Клавдия Васильевна, работала в госпитале. Зима 1941/1942 года была очень холодная. Воды, парового отопления не было. За водой ходили на Неву с бидончиками, так как в ведре воду было не принести — тяжело. Голодные и холодные, все это переживали как могли. Всю деревянную мебель израсходовали на топливо, чтобы согреться и приготовить пищу.

Страшно вспоминать, как пережили. Мать была ранена в ногу, но от больницы отказалась из-за нас — не с кем было оставить. Однажды во время сильного обстрела и бомбежки нам

нужно было идти в бомбоубежище. Рядом взорвалась бомба и нас, засыпало землей. Когда нас оттуда извлекли, у меня правый глаз был видоизменен и не видел. Так я с 6 лет осталась без глаза. После окончания войны мы обращались к врачам, но они помочь не смогли.

В августе 1942 года по приказу Ленгорисполкома тех, у кого было 2 детей, эвакуировали в Башкирскую АССР. При переправе через Ладожское озеро великим чудом остались живы. Был сильный обстрел с фашистских самолетов. 7 ноября 1944 года нелегально вернулись оттуда. Ехали месяц в товарном вагоне. Прибыли в Гатчину. В Ленинград въезда еще не было. Добрые люди помогли, и мы там прожили еще год, а потом уже прибыли домой. Получили жилплощадь в Смольнинском районе, где прожили до 1962 года. Затем нас переселили в Калининский район, где мы проживаем до сих пор.

Память сердца

Маргарита Александровна ПАРПУРА

Я в девичестве носила фамилию Огородникова, родилась 31 мая 1933 года и жила в поселке Парголово ул. Озерная, дом 1.

Мне было 8 лет, когда началась война, и папу моего, Александра Васильевича, как участника Финской войны, сразу взяли на фронт, как и четверых соседей (которые погибли сразу в первые дни войны).

За нашим домом в поле стояли зенитки, которые защищали небо от налета самолетов на Ленинград. Взрослые вырыли около дома землянку, в которую прятались при каждом сигнале тревоги, спали в одежде. От разорвавшихся снарядов летели осколки, и маме осколком оцарапало ухо, она интуитивно наклонила голову.

С 1 сентября я пошла в школу (тогда в 1-й класс брали в 8 лет). Но проучилась только около трех месяцев. Было очень холодно, очень хотелось есть, да и ходить было опасно. Мама работала на Шуваловской торфоразработке (это за Шуваловским парком). Она ходила пешком через день туда и обратно по 4 км. Отоваривать карточки мы ходили в магазин по тропинке, и иногда приходилось перешагивать через замерзшие трупы.

Хлеба давали очень мало, я даже не знала, сколько граммов. Пока была картошка, сушили очистки, а потом очистки размачивали и делали лепешки.

Один раз мама что-то выменяла на подсолнечное масло, и я, его поев, отравилась, вероятно оно было чем-то разбавлено. Потом

масло стала употреблять уже только в зрелом возрасте.

Весной у нас было больше преимуществ, чем у горожан. Стала появляться крапива, лебеда, щавель. А в августе 1942 года нас с мамой эвакуировали через Ладожское озеро. Перевозили в трюме баржи, немцы бомбили, баржу качало из стороны в сторону, и мне было очень плохо.

На Большой земле нам выдали паек: хлеб, стуженное молоко и погрузили в теплушки. Развозили нас в разные союзные республики. Люди набросились на еду, и от переедания были смертные случаи.

Нас отвезли в Ижевск (это Удмуртская АССР), а затем в село Вавеж. В 1942 году я опять пошла в 1-й класс, но первый месяц школа не работала. Все ходили в поля собирать колоски, чтобы не пропало зерно, хлеб нужен был всей стране.

В школе не хватало тетрадей, и мы писали на газетах между строчек. Все лето 1943 и 1944 года каждый день ходили за ягодами и грибами и на болото за щавелем. Все это сдавали в пункты приема для консервирования для госпиталей. Выдавали нам талоны за сданные килограммы, которые потом отоваривали мылом и солью.

В сентябре 1944 года мы по вызову от тети вернулись обратно домой и дождались долгожданной Победы.

Мне повезло, папа остался жив, но после окончания войны его оставили восстанавливать города Германии до 1947 года.

Зинаида Родионовна КЛЯУ

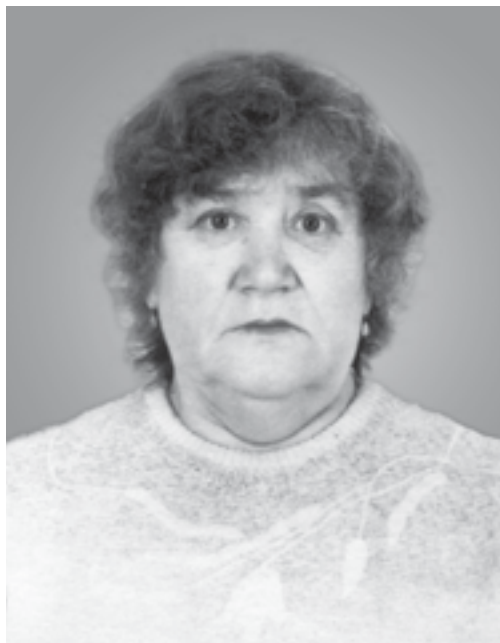
Зинаида Родионовна Кляу с Брюсовской улицы родилась и всю жизнь прожила на Пискаревке. «В блокаду мы пешком под стол ходили, а детская память — такая цепкая, что все помнишь, — говорит она. — Глаза закрываешь — и стоит перед тобой все твоё блокадное детство.

Нас у мамы было четверо. А выжила я одна. Мы тогда жили в бараках прямо у Богословского кладбища, на бывшей Благовещенской улице. Сейчас она называется Сибирской.

Чего мы только не ели. Взрослые поймут кошку, сварят, а нам, детям, говорят, что это кролик. А мы-то видим по зубам, что не кролик... Становится плохо, но ешь. А что делать? Еще мама долго удивлялась: нам, ее детям, было два-три года, а мы понимали — война. И не пищали, не баловались. Тихие такие были дети.

Война закончилась, бывшие враги — пленные немцы — строили неподалеку от нас дома на Герасимовской улице. Они ходили по нашим домам, подзывали детишек: «Киндер, киндер». Потрескавшимися руками вытаскивали из рублищ самодельные игрушки и дарили нам. Наши родители давали им картошку или мыло, а немцы шептали: «Данкешон» — и тихо уходили.

Отголосков войны мы наслушались за наше детство «будь здоров». Уже в мирное время, но еще до школы, шли как-то с мамой по Пискаревской железной дороге. И вдруг мама как заорет: «Ложись!» — и лицом меня в землю. А потом грохот, нас землей завалило — это, оказывается, была бомба.

В первый класс я пошла в 146-ю школу — там, где сейчас Дом детского и юношеского творчества. Это было событие! У меня появилась холщовая сумка через плечо, а это что-нибудь да значило... К тому моменту мы уже переехали ближе к Пискаревскому кладбищу. Там завели коров, козу, кур. Поэтому и забот кроме учебы было навалом. Придешь из школы — и бегом на шоссе Революции. Туда мы сдавали налоги — 300 литров молока в год, яиц — сколько десятков — не перечать.

Детям поручали самую легкую работу.

Там, где сейчас улица Верности и проспект Науки, находилась деревня Бобино. Лес, а за ним — аэродром. Туда все дети сгоняли коров, а я с козой туда бегала. И как-то раз потерялась моя коза. Мама меня за это чуть не поколотила. А оказалось, коза забрела на территорию аэродрома и освоилась там! Военные ее доили, потчевались молочком. Вскоре нас приняли в пионеры. На проспекте Непокоренных, 74, и там, где сейчас Муниципальный совет, на месте 52-го дома по Пискаревке, были совхозные конторы. Летом мы работали в полях, а в эти дома приходили за зарплатой. На свои первые заработанные копейки я побежала покупать шикарное... оцинкованное ведро! Не для себя, конечно, для мамы.

Много еще можно рассказывать. Но, мне кажется, у всех блокадников детство одинаковое. Я вот сейчас прошу своих внуков: «Учитесь, дети, пока время спокойное. У нас ничего не было и детства не было. А у вас — есть все возможности, не упускайте их!»

Записала Ольга Виноградова

В том, блокадном Ленинграде было много добра и внимания друг к другу

Серафима Борисовна БУХАРКИНА

Война началась 22 июня, а 30-го мне исполнилось девять лет.

Моя мама, как и все взрослые, работала на оборону города и была на казарменном положении. Нам, детям, оставшимся в блокадном городе, приходилось выживать кто как сможет. Доставать топливо, чтоб растопить «буржуйку», привезти на саночках воду с Невы и поднять этот несчастный 2-литровый бидон на последний этаж, не расплескав, прятаться от бесконечных обстрелов и бомбежек.

Во дворе нас было трое — не уехавших из города детей. Я и два брата Федоровы из 48-й квартиры. Мы дежурили на крыше, следили за тем, чтоб не начался пожар от зажигательных бомб. Нас научили, как обращаться с «зажигалками», выдали железные щипцы и лопаты. Было страшно находиться на крыше во время налетов, дождем сыпались ос-

ковки от зенитных снарядов. Приходилось стоять в очереди за хлебом, иногда не получив его. Однажды, когда я уже отходила от окошечка выдачи в булочной, у меня вырвали из рук хлеб вместе с продовольственными карточками. Не помню, как добралась домой, очнулась я в кровати, а рядом стояли мои друзья — братья Федоровы и вливали мне в рот кипяток, приправленный крошками хлеба из их пайка. Оказалось, что я два дня пролежала без памяти в холодной комнате. Заметив, что я не появляюсь, братья

пришли проведать меня. Они думали, что я умерла, но заметили дыхание.

Тогда растопили «буржуйку», согрели воду, от своих пайков оторвали по щепотке хлеба и размешали в кипятке. Благодаря двум друзьям детства, я обрела второе рождение. А на следующий день маму отпустили с завода проведать меня.

Олег Тряпицын,
ДДЮТ,
9 кл., шк. № 145

Чтобы наши потомки никогда не испытали того, что выпало на нашу долю

Вера Константиновна ЯКОВЛЕВА

Я родилась в ноябре 1936 года в Ленинграде. Мама работала маляром на Пролетарском заводе, папа плотником. Мы жили в двухэтажном деревянном доме в Володарском (Невском) районе.

Летом 1941 года родители отправили меня с детским садом на дачу в Окуловку. Мама приехала за мной, как только объявили о начале войны. Она застала детей уже подготовленными к эвакуации. Меня она сразу не узнала — отправляла дочь с косичками и бантами, а подошла я в коротких штанишках на ляпочках, коротко стриженная под машинку. Подумала, что это чей-то сын, соскучившийся по маме, подошел и обнял незнакомую тетю. Потом узнала меня и расплакалась.

В Ленинград мы ехали три дня вместо трех часов. Папа некоторое время оставался дома — по состоянию здоровья его освободили от воинской обязанности. Вскоре его вызвали в военкомат. Мы с мамой пошли на сборный пункт, я запомнила железную ограду: по одну сторону стояли мужчины — будущие солдаты, по другую — женщины с детьми за руку. Женщины бегали вдоль ограды, кричали имена своих близких. Тем, кого находили, просовывали через прутья ограды свертки, говорили недосказанные слова. Мама тоже звала отца, но мы его так и не встретили, уже никогда.

Папе было 33 года, маме — 31 год. Достигнув преклонного возраста, я хорошо пони-

маю, что творилось у них на душе. Когда смотрю фильм «Летят журавли» и вижу сцену, как Самойлова ищет Баталова, всегда встает перед глазами картина, как мы с мамой бегали и искали отца. В сентябре 1941 года он погиб в Невской Дубровке. Сейчас там мемориал с высеченными на мраморных плитах именами, на одной из них увековечено имя моего отца. Мама не увидела этого. Прожив все 900 дней блокады, работая на заводе, она умерла в 1980 году, не дожив до предоставления блокадникам льгот. После войны мы несколько раз ездили в Дубровку

поклониться папе. Тогда это была огромная братская могила, просто зеленый холм. Позже установили бронзового солдата охранять покой павших и совсем недавно сделали мемориал.

В День Победы к мемориалу приезжают люди со всего бывшего Союза — узбеки, туркмены, белорусы, украинцы. Очень трогательно смотреть на встречи однополчан. Поклониться отцу, деду, брату, дяде издали приезжают и поодиночке. Такие люди обычно сидят в сторонке и радуются, если подойдешь к ним и заговоришь. Вместе поминаем своих близких.

Мама отказалась от эвакуации, работала на заводе, меня водила в детский сад на Глазурную улицу. Наступил голод.

На рабочую карточку давали талоны на табак и водку. Мама меняла их на еду у военных из расположенной рядом с домом воин-

ской части. И несмотря на это, мы все время были голодными.

В поисках пищи мама ходила на помойку воинской части. Когда удавалось найти картофельные очистки, она жарила из них оладьи на олифе, которой разводили масляные краски. До сих пор помню запах корочки, это был праздник, к сожалению, выпадавший не часто.

Я постоянно ныла и просила хлеба, съедала мамин паек. Мама стала пухнуть от голода. Однажды, встав утром с постели, мама увидела, что волосы с той стороны, на которой она лежала, остались на подушке, пришлось стричься наголо. И наступил день, когда мама утром не встала. Я испугалась, начала плакать. Мама попросила позвать соседку, тетю Катю. Когда она пришла, мама попросила ее определить меня куда-нибудь после ее смерти. Теперь я понимаю, что речь шла о детском доме.

Тетя Катя была удивительной женщиной, матерью-героиней. Она казалась мне старушкой, у нее было 8 или 9 детей, старшие сражались на фронте, четверо или пятеро младших оставались с ней.

Тетя Катя ушла, но вскоре вернулась со стаканом горячего молока и чем-то еще. Помогла ей сесть и подкрепиться. Маме стало лучше.

Тетя Катя приходила снова, что-то приносила. Мама поправилась и снова стала ходить на работу. Многие сейчас даже не могут представить, как могла многодетная мать отрывать от себя и своих детей часть пайка и приносить всего-навсего соседке, спасая ее от смерти. Но тогда люди были бескорыстнее и сердобольнее.

Мама всегда была ей благодарна, после войны мы часто встречались. Но тогда до победы было еще очень далеко. Мы голодали, спали в одежде — из-за холода и чтобы сразу бежать в укрытие при тревоге. Помню фланелевую шапку с длинными-длинными уша-

ми, которые можно было завязывать вокруг шеи.

В баню ходили редко. Мама рассказывала, что начальство воинской части иногда разрешало жителям близлежащих домов в определенное время прийти в их баню. Мылись мы все вместе — мужчины и женщины с детьми, не обращая внимания друг на друга. Грелись, заодно стирали.

Несмотря на блокаду, в детском саду устраивались праздники. В один из них нам дали конфеты — круглые бомбошки, обсыпанные кофе. Две штучки я положила в кармашек передника и принесла их маме. Мама заплакала, а я растерялась — эти конфеты были благодарностью за ее хлеб, который я съела.

В январе 1943 года наш дом пошел на слом для отопления. Город, центр, был уже почти пустым. Нас и всех жильцов дома переселили в центр на Большую и Малую Подъяческие, рядом с Никольским собором. Здесь уже не было помойки от воинской части, лебеды, бани. Квартира была большая, полупустая, водопровод не работал и одну из комнат превратили в туалет.

Мама по-прежнему работала на заводе, часто оставалась там ночевать, а меня перевела на круглые сутки в детский сад на улицу Глинки.

В 1944 году я пошла в школу. Большую часть времени мы с учителями находились в бомбоубежище.

В блокаду я переболела цингой, поэтому у меня не было многих зубов и мне поставили сразу 4 моста.

Наконец пришел день Победы. Люди вышли на проспект Майорова — от Варшавского вокзала на Дворцовую площадь шли воины, со скатанными шинелями вокруг тупловища в пилотках, кирзовых сапогах. Многие шли просто в обмотках вокруг ноги.

День был теплый и солнечный. Мы с мамой стояли и смотрели на победителей. Им

бросали цветы, неизвестно откуда взявшись. Мама не верила в смерть папы и своих братьев. Все смотрела, смотрела, надеясь увидеть кого-то из них. Солдаты и офицеры шли по несколько человек в ряд. Для меня, ребенка, все одинаковые.

Чуда не произошло, никого из своих мы не увидели. Во время блокады в нашей семье в Ленинграде погибло восемь самых близких родственников. Некоторые лежат на Пискаревском кладбище. Родной брат мамы покоится в водах Ладоги — его машина ушла под лед на Дороге жизни. Папа в Невской Дубровке. Еще четверо близких родственников погибли на фронте.

Несмотря на много лет, прошедших после войны, я помню, каким лакомством был блокадный кусочек хлеба или дуранды, которую с трудом грызли детские зубы. Я никогда не выбрасываю остатки еды, тем более

хлеб. Представляю, каким лакомством все, недоеденное сегодня, было бы в блокадные дни. Тем, что не могу съесть — подкармливаю птиц и бездомных собак.

После войны мы еще долго жили по карточкам и ели не столько, сколько хотелось.

Время шло, жизнь налаживалась. Я закончила техникум. По распределению поехала в Минск, там прожила два с половиной года. Об этом городе, людях — остались самые светлые воспоминания. Вернувшись, вышла замуж, родила сына. А он подарил нам внука.

Жизнь продолжается. Очень хочется, чтобы наши потомки никогда не испытывали того, что выпало на нашу долю.

Несмотря на войну, жизненные трудности, болезни и потери, иногда думаю: «А когда же прошли прожитые годы? Жить очень хочется».

Дети играют на одной из улиц Ленинграда

Тамара Алексеевна ЯКОВЛЕВА

Лето я всегда проводила у бабушки и дедушки в Мартышкине. Дом стоял на высоком месте, там, где шоссе пересекается с железной дорогой. Из окон были видны залив и Кронштадт, а в хорошую погоду — Исаакиевский собор.

Место называлось Мыза Олина — до революции земля находилась в собственности Великой княгини Ольги, а мой дедушка был смотрителем царских дач.

В яркое, солнечное воскресенье 22 июня объявили о начале войны. Я оставалась в Мартышкино, пока в конце августа дедушка не сказал: «Утром, внученька, я отвезу тебя в Ленинград». Но утром немцы вышли к Финскому заливу и заняли Старый и Новый Петергоф, Володарскую, Стрельну.

Наступила морозная зима, дни мы проводили в доме, при обстрелах прятались в землянке. Иногда я выходила на крыльцо, слушала шум ветра. Немцы были рядом, ветер доносил звуки выстрелов и чужую речь. Иногда приходила соседка Дарья, у которой умерла вся семья. Она просила бабушку налить ей кипяточку, на край блюда мазала горчицу — больше угостить было нечем.

Мой дедушка был глубоко верующим, в углу висело много икон и лампадка. Однажды после обстрела мы вернулись в дом и увидели, что снаряд попал прямо в этот угол. Тогда дедушка снял шапку, заплакал и сказал: «Бога нет».

Я очень боялась, просила отвезти меня в Ленинград. Моя тетя работала в Ораниенбауме на ответственной должности, она уст-

роила меня в убежище, находившееся под церковью Святого Михаила. Ораниенбаум не бомбили — Кронштадт не допускал.

Недавно я побывала в этой церкви, удивительно красивой после реставрации, поставила большую свечу за свое спасение. Странно было вспоминать, что здесь, внизу, под алтарем, я спала.

Тетя Маруся попросила своего знакомого, Евгения Евгеньевича, отвезти меня в Ленинград на грузо-

вике. Машина ехала по льду, который уже начал таять, в Кронштадт. Кругом были воронки, полыньи, разбитые машины. Немцы нас не обстреливали, из Кронштадта мы добрались в Лисий Нос, затем в Ленинград.

Стояла темная, холодная ночь, на улицах ни огонька и ни одного человека. Когда добрались до Васильевского острова, Евгений Евгеньевич повел меня на 6-ю линию, где жила моя семья. Было очень страшно, в темноте мы едва дошли до квартиры. Долго стучали в дверь, никто не отвечал, я плакала. Потом, как из-под земли, раздался мамин голос:

— Кто там?

— Мам, открой, это я, Тамара, — сказала я. Она не открыла, ответила:

— Тамара в Ораниенбауме, мне это снится.

После долгих просьб она наконец открыла, в дверях я увидела незнакомую старуху с коптилкой — это и была моя мама.

— Зачем ты приехала? — спросила она.

Евгений Евгеньевич исчез, я даже не успела его поблагодарить. В комнате на диване лежал папа — дистрофик, он даже не улыбнулся мне. А мой любимый семилетний

братик Вова, без зубов, но с улыбкой, обрадовался мне: «Тамалка приехала!»

Я начала жить в блокадном Ленинграде. Мама 4 дня варила студень из кожи барабана, я и сейчас ощущаю вкус этой «еды».

Мы с Вовой лежали на кровати под грудой теплой одежды, иногда на письменном столе появлялся маленький мышонок, братишка его очень жалел. А однажды мышонок не пришел — умер от голода.

Весной мы стали выходить на улицу. Я видела, как по Черной речке плывут трупы, завернутые в простыни и перевязанные веревками.

Мама была хорошей хозяйкой, запасливой. Любила, чтобы дома всегда были самые необходимые продукты: мука, сахар. Это спасло нам жизнь.

Иногда мама просила нас собрать в садике напротив дома траву мокрицу, чтобы из нее с отрубями сделать лепешку.

Летом мы решили уехать по Дороге жизни на Урал, к дяде. Мы с братом собрали любимые игрушки и пошли на Средний проспект — продавать их. Велосипед увели сразу, Вова грустно смотрел ему вслед.

Подошла тетка, державшая надкусанный кусок черного хлеба. Она взяла мою куклу с закрывающимися глазами, сунула себе подмышку, откусила хлеб и протянула кусок мне. Я долго видела белые косы куклы, болтавшиеся у нее под мышкой.

По Ладожскому озеру мы перебрались на другой берег — материк. Мы спаслись, попрощавшись с любимым городом.

«Остались одни». Никита Илясов, ДДЮТ, 7 класс, реабилитационный центр при школе №633

Пусть это никогда не повторится

Галина Александровна ВАЛДАЙ

Когда началась война, мне было около 8 лет, а моему брату 7,5 месяца.

Помню первый день войны: папа пришел с работы рано и стал собираться в Армию, говорил, что ненадолго. Мы с мамой поехали в деревню за Лугу, там жили наши родственники — бабушка и сестры мамы; думали, что там мы переживем войну. Но недели через две начались налеты немецкой авиации. Помню первый бой над нами в небе, треск пулеметов, а мы прятались под крышу амбара, как от дождя. Позже бомбили аэродром и центр в 1,5 километра от нашей деревни. Через два дня был приказ всем жителям эвакуироваться в лес.

В лесу мы прожили недели 1,5, а потом, видя наших отступающих солдат, мама решила вернуться в Ленинград. Мы долго шли до шоссе, потом упросили военных довезти нас до Луги и сели в поезд. Все вагоны поезда были замаскированы большими ветками деревьев. Во время движения нас бомбили, поезд останавливался, мы выбегали из вагонов и прятались, где было возможно. Приехали в Ленинград ночью, здесь еще была тишина. Помню первую бомбежку — бомба упала во двор, посыпались стекла. А потом бомбежки были каждый день, как по расписанию. Мы отнесли кроватку брата в бомбоубежище, чтобы он мог спать там. Мама, зная, когда будет очередная бомбежка, готовила, во что завернуть брата, и сажала его на это одеяло. И как только завывала сирена, он ложился сам, чтобы его завернули и несли в бомбоубежище.

Рядом с нашей комнатой жила моя тетя — сестра мамы. Когда начались холода, мы стали жить в ее комнате, а там еще жила другая наша тетя с двумя сыновьями, всего 7 человек. Топили «буржуйку», жгли все, что можно было, — стулья, книги. На «буржуйке» всегда стояли два чугунных утюга, вечером, перед сном, мы снимали нижнее белье и проглаживали швы, потому что было много вшей — от голода, холода, невозможности мыться, у всех была цинга, у мамы выпали

зубы, у меня были болячки на суставах, от которых и сейчас еще есть следы. Мой маленький братишка не расставался с ковшиком, в котором мама готовила ему похлебку из 125 граммов хлеба, разделенных на три части и залитых кипятком. Она его кормила, а он, видя, что похлебка кончается, уже начинал плакать. А я молчала, но когда закрывала глаза, передо мной стояла сковорода с жареной картошкой. 29 апреля 1942 года мама отдала брата в ясли, чтобы пойти работать, он пробыл там три дня, у него открылся понос и он умер. Ему было 1,5 года. Мама работала на Адмиралтейском заводе, токарем, точила головки к снарядам. В конце декабря 1943 года, возвращаясь домой с работы, она попала под обстрел на Гороховой улице и была ранена в кисть левой руки. Руку ей ампутировали, и она получила инвалидность 3-й группы — трудовое увечье. Папа погиб в январе 1945 года. Умерла тетя, мать двоих сыновей, которые жили с нами в одной комнате, а старшего эвакуировали, у него была цинга — рана на ноге до кости, он уже не мог ходить.

В сентябре 1941 года я пошла в школу, но ходила недолго, да мы почти и не учились, а просто нас там кормили, но вскоре школа закрылась. И я пошла опять в 1-й класс в 1942 году, уже в другую школу — 321-ю, на Социалистической улице. Но я заболела плевритом и была отправлена в больницу Рауфхуса. Там мне давали дополнительное питание — стакана соевого молока и булочку, так как у меня была дистрофия. Еще помню, что мне гнали глистов. Глисты были потому, что (это я теперь так думаю) мы ели «черный творог» — это горелая земля сладкая из Бадаевских складов. Мама покупала ее на рынке. Мама продала свое новое демисезонное пальто за 2 килограмма пшена — это было счастье. Ну а летом 1942 года мы ходили на Волковское кладбище, где похоронили брата, и собирали лебеду, варили и ели, пока не сведет скулы. В Обводном канале я ловила руками колюшку, но не для того, чтобы съесть, а просто, чтобы было живое существо, ведь ни кошек, ни собак тогда не было, их съели. Но, так как рыбок кормить было нечем, то я их отпускала.

Помню, как шла из школы к Обводному (во 2-м классе я ходила уже в другую школу), неожиданно начался обстрел, а мы с девочка-

ми идем, и вокруг нас что-то посыпалось, мы посмотрели, а это осколки снарядов. Бог уберег нас. Помню, на углу Боровой и Глазовой стоял большой дом, однажды, идя в школу утром, увидела, что его разбомбили, стояли развалины горячие, тлеющие, до сих пор не люблю запах дыма, костров.

Но сохранились и хорошие воспоминания. Когда приближался новый, 1944 год, в декабре 1943-го, я мечтала о елке и, конечно, не надеялась, что она у нас будет. Мама была в больнице после ранения, а я жила у тети. И вот однажды, буквально накануне Нового года, вхожу в квартиру и чувствую запах хвои. Решила, что мне это кажется, но, когда зажгла коптилку, то увидела в прихожей красавицу елку, даже с шишками, моя тетя где-то раздобыла ее. Радости моей не было границ.

Моя тетя работала дворником. Зимой она убирала и вывозила снег на фанере, к которой была привязана веревка. Вывозила его на Обводный канал. Я вспоминаю ее теперь, когда вижу на наших улицах месиво из снега и кучи снега вдоль тротуаров.

Помню себя сидящей на скамеечке у «буржуйки» и слушающей радио — нашу любимую черную тарелку. Голоса Левитана, Марии Петровой.

Дарья Григорьева, ДДЮТ, 5 класс, школа №72

Спасительная доброта

Галина Александровна БОЛОТОВА

В начале июня 1941 года мама отвезла нас с братом в деревню Быково, Новгородской области, к дедушке с бабушкой. Через неделю она поссорилась с папой и забрала нас обратно в Ленинград. Этим она спасла нас от неминуемой гибели, потому что уже через два месяца в деревне были фашистские каратели.

Жителей деревни, у кого родные были коммунистами или служили в Красной армии, согнали в один дом — наш дом — после выпустили только женщин, а мужчин заживо сожгли в доме. Женщин же угнали в Латвию, где моя бабушка, Федосеева Анисья Савельевна, работала всю войну, до освобождения Латвии Красной армией.

В Ленинграде мы жили на Дребезговой улице, рядом с Охтинским кладбищем. Когда начали эвакуировать детей, мама прятала нас, и ей это удавалось, потому что она не работала.

Самым страшным был 1942 год — сначала умерла бабушка — мама моей мамы, а потом и сама мамочка. Остались мы с братом, который был на 6 лет старше. Вынести маму и бабушку нам не хватало сил, они лежали там же, где были мы. Брат уходил каждый день на улицу, чтобы раздобыть съестного, а я уже не могла ходить. Брат сажал меня на окно, чтобы — если он не вернется — кто-нибудь смог меня увидеть. Брат раскапывал снег, находя под ним траву, приносил воду и варил траву, иногда ему перепали хлебные крошки. У нас началась дистрофия и голодный понос. Мыться было нечем, поэтому расплодился вши.

Брату помогли вынести маму и бабушку, он свез их на Охтинское кладбище.

Как-то вечером пришла женщина, Полина Сергеевна Кремлева. Она жила на нашей улице и видела меня на окне. Она узнала все, что с нами произошло, и в такое страшное, голодное время взяла нас двоих к себе — грязных, голодных и вшивых. Это был подвиг. Вскоре дома на Дребезговой улице стали ломать на

дрова, и нас переселили на Моховую улицу, дали трехкомнатную квартиру. В комнатах стены были белыми ото льда, бегали крысы. Мы жили на кухне, спали на плите. Топили мебелью, которая была в квартире, и книгами. С наступлением лета брат ловил на реке рыбку колюшку.

Ходили мы босиком, надеть было нечего, мама Полина шила нам обувь из ватников — называлось это бурками. Мы бегали на Марсово поле, ели траву, объедали кусты. Позже нам дали землю для огорода, но мы были слабыми для работы, меня качало от ветра.

Хорошо помню, как по Литейному проспекту пустили трамвай. Это было такое чудо, что увиденная картинка навсегда у меня перед глазами.

Когда все закончилось и в Ленинграде уже работали пленные немцы — помогали отстраивать разбомбленные дома, а на нашей улице рыли канавы для газовых труб, я носила кусочки хлеба и тайком от охраны кидала немцам. Они улыбались, кивали головой и говорили: kinder, kinder...

Тамара Владимировна ИКОННИКОВА

Я родилась 3 февраля 1934 года в Ленинграде. Осень 1941 года мне вспоминается тем, как мы с мамой на крыше дома и чердаке тушили «зажигалки» и стояли у входных ворот на дежурстве. Мимо нас проносили аэростаты для воздушного заграждения от фашистских самолетов. Теперь я понимаю, что в нашем городе было все предусмотрено, чтобы сохранить исторические памятники города. К 1942 году в нашей семье было пять человек, в живых же остались только я и мама. Отец погиб на фронте под Ленинградом, бабушка — в марте 1942 года, младшая сестра — в апреле. Город постоянно бомбили, не было сил спускаться в бомбоубежище. За скудной пайкой хлеба я ходила в далекую булочную, за долей соевого молока — в молочную кухню, за водой приходилось по обледеневшим ступеням спускаться к проруби на реке Фонтанке. Дома еду из дуранды и горсти маиса разогревали на большом утюге, который грели, сжигая листки из книг; когда становилось темно, зажигали копилку. Радио мы не включали.

Однажды на углу Лермонтовского проспекта на один день открыли баню — это был настоящий праздник, на котором истощенные, грязные люди получили утешение.

В апреле 1942 года мама совсем слегла от голода и холода. Соседи на саночках отвезли нас к Финляндскому вокзалу, а после по Дороге жизни переправили на материк. Обрато в Ленинград мы вернулись через два года, а в мае 1945 года радостно встретили Победу. Это был необыкновенный день, ликование людей не было предела!

Постепенно восстановилась мирная жизнь, я окончила Ленинградский энергетический техникум, по распределению попала

во Всесоюзный научно-исследовательский институт постоянного тока. В 1956 году по путевке комсомола поехала в Норильск и работала в энергослужбе при строительстве железобетонного завода, была избрана комсомольским секретарем Медьстроя, выпустила 65 номеров газеты «Крючок». Часть номеров газеты хранится в музее Красноярска. После я стала членом Горкома комсомола Норильска, за работу награждена почетными грамотами.

В 1959 году я вернулась в Ленинград, где в должности старшего инженера продолжала научные исследования на электродинамической модели до 1989 года в НИИПТе.

Галина Ивановна СУСЛОВА

Начало войны застало меня в пригороде Ленинграда, поселке Сиверское, куда выезжал на лето детский сад. Через 20 дней в лесу уже были диверсанты, всех детей погрузили в поезд и повезли в город. По пути нас несколько раз высаживали из вагонов и прятали в кустах — на наш поезд были воздушные налеты.

Нас привезли в садик, мама забрала меня домой. Больше наш садик не работал. Я все время находилась дома одна или ходила с мамой на работу, ведь там можно было покушать на талоны, которые ей выдавали. Потом маме выдали карточку служащего, а мне детскую.

Мы жили на берегу Невы, напротив Смольного собора. Над водой висели аэростаты, а ночью светили прожектора. Окна в домах заклеили бумажными лентами, в лампах горел тусклый синий свет. Воду мы брали из Невы, топили газетами и собирали по берегу щепки.

Мама работала курьером на Заводе мореходных инструментов. Она посылала меня с запиской и карточками в булочную. Когда в пайку входил довесок, я очень радовалась, съела его по пути, а маме говорила, что это все.

Почти всегда получалось, что мы брали хлеб на день вперед — очень хотелось кушать. На плите мы пекли лепешки из лебеды, а из крапивы варили щи.

Когда мы с мамой слышали голос Левитана, объявлявший воздушную тревогу, мы

уходили в бомбоубежище, а если не было сил спуститься, приходила сандружинница, и все равно приходилось идти в убежище.

Помню, как горели Бадаевские склады, долго полыхало зарево. После пожара мы собирали на пепелище соевый творог, сахар и какие-то крупы.

На улице Тарасовой в дом попала бомба, и у нас, на улице Гусева, взрывной волной выбило все три окна в нашей угловой комнате. Нам с мамой пришлось переехать жить на кухню, а спать на плите, на которую мы стелили матрасы. В то время на кухне уже жила тетя Таля. Она умирала от голода — ее муж и сын были на казар-

менном положении, домой приходили редко. Они оставили ей мешок сухарей, перед смертью она их все съела. Мы ее похоронили на Охтинском кладбище, а потом у нее за диваном нашли узелок с макаронами. Почти все мы с двоюродным братом съели сырыми.

На втором этаже в нашем доме жила моя тетя с двумя дочерьми. Одной было, как мне, 8 лет, а другой 14 лет. Однажды я пришла, чтоб угостить их маленьким сухариком, но увидела ужасную картину. Младшая лежала на кровати, а старшая сидела на полу и обнимала холодную печку. Угощать было некого, девочки уже умерли.

Мы их помыли, завернули в пикейные одеяла и отвезли на Охтинское кладбище. Их мама, тетя Оля, пережила своих дочерей и мужа, который погиб в первые дни войны.

Потеряв близких, она уехала к сестре на Урал, где умерла, не дождавшись конца войны.

В конце ноября 1942 года меня эвакуировали в Алтайский край. Вывозили меня с детьми из трех детских садиков. Мы были слабыми и истощенными, как маленькие старушки, с серо-земляной кожей и пушком на лице. Вывозили нас через Ладожское озеро, а потом в теплушках по железной дороге. На поезде ехали очень долго, зато в дороге нас хорошо кормили. Давали много риса, хлеба и даже кусковой шоколад.

Мы приехали в Барнаул, потом на машинах нас отвезли в село Алтайское, где нас, ленинградских детей, встречали все жители. Каждый хотел чем-нибудь угостить. Для нас накрыли большой стол, выставили много картошки в мундире, соль, много хлеба и бидон молока.

Когда меня эвакуировали, мама перешла на казарменное положение и по нескольку дней не выходила с завода. Она с честью выдержала все испытания войны и была на-

граждена медалью «За оборону Ленинграда» и медалью «За доблестный труд».

Мама посылала мне упаковочную бумагу, ведь я пошла в 1-й класс, а тетрадей не было. А еще она присылала мне в письмах по 3 рубля, а я на них покупала на рынке мороженое молоко.

Когда я болела, а это случалось часто, очень хотелось домой, к маме, но я понимала, что это невозможно.

В августе 1945 года нас повезли обратно в Ленинград, а девочек, у которых все родственники погибли, определили в детский дом. А к одной девочке, Асе Шадаевой, приезжал с фронта отец, и мы все звали его папой.

Вот так война вмешалась в мою детскую беззаботную жизнь. Она лишила детства меня, да и множество других детей. Сейчас мне 75 лет. Прожитая жизнь вспоминается вся, но годы войны особенно запечатлелись в памяти. Ведь мне только исполнилось 8 лет, когда началась война.

Оля Тормашева, 6 кл., школа № 128

Нэлли Викторовна ФЕДОРОВА

Всю жизнь, 72 года, я прожила в Ленинграде—Санкт-Петербурге. С 1936 по 1947 годы — на 18-й линии Васильевского острова, до 1967 года у Большеохтинского кладбища, а по сегодняшний день живу на проспекте Верности. Я очень люблю свой город.

С шести лет я росла круглой сиротой. Мама умерла в 1938 году, а в 1943 году папа погиб, защищая Ленинград. Моя бабушка, Анна Алексеевна, заменила мне и папу, и маму.

В сентябре 1941 года мне было 5 лет. До шести лет я сосала соску, а когда начиналась тревога, прятала ее, потому что мне говорили: «Гитлер идет за соской». Началась голодовка, паек сокращали пять раз. Люди пытались утолить голод клеем, вазелином, глицерином, варили кожаные ремни.

После уничтожения Бадаевских складов земля пропиталась сахаром, а потом подмерзло. Люди ломали отбивали куски земли, потом вымачивали в воде и этим поили детей. Вместе с бабушкой мы добывали такой сахар.

Новой бедой стала цинга — у моих родственников выпадали зубы, от костей на руках и ногах отделялась плоть, все кровоточило. Страшно было смотреть, когда люди снимали сапоги, придя с улицы.

На моих глазах умер сосед — добрый дядя Ваня. А тетя Маша перестала кормить моего друга Юру, он день и ночь кричал, просил есть, у него изменилась форма рук, ног, головы, а потом он умер... Карточки Юры не спасли тетю Машу, она тоже умерла. А наша семья пока держалась.

Бабушка работала около Мечниковской больницы, однажды ей подарили мешок картофельных очисток. Всей семьей мы отделяли от кожуры глазки, а потом их посадили на пустыре около кладбища.

Хлеб бабушка резала кубиками и подсушивала на сковородке над керосинкой, чтобы казалось больше. А мы с дедом сидели вокруг и глотали слюнки. Один раз дедушка не выдержал, схватил с горячей сковороды горсть сухариков и стал есть. Бабушка огрела его деревян-

ной ложкой, и мы с дедушкой заплакали. Ему было жалко эти сухарики, а мне деда.

В нашей семье он умер первым — заболел дизентерией и умер. Его не смогли похоронить — завернули в простынь, во время обстрела оставили на станции, а потом не нашли.

В городе погребения ждали горы трупов. Кладбища и подъезды к ним были завалены мерзлыми трупами, которые на грузовиках свозили со всего города. Рыть промерзшую землю не хватало сил, команды МПВО взрывали землю и в воронках хоронили десятки, а иногда и сотни тел, особенно торопились весной, боясь эпидемии.

Страшная история, о которой неприятно рассказывать, произошла со мной зимой 1941 года. Все ушли — кто на работу, кто на рынок — продавать вещи, кто искать дрова, а я осталась. Чем заняться? Стала проверять всю большую квартиру и дошла до черного хода. Увидела большой крючок, откинула его и оказалась на улице — в подворотне. На

ступеньках сидел дяденька, он увидел меня и спросил: «Девочка, хочешь конфету?» Я сразу ответила: «Хочу!». Он сказал, чтоб шла с ним, а я сказала, что мне нужно надеть пальто и шапку. Пальто нашла сразу, а шапку не нашла. На глаза попался летний красный берет, который надевала, выступая вечерами с «концертами» перед родственниками, его и надела. Дверь не закрыла, выбежала за конфетами. Мне было пять лет, я, как взрослая, пошла с дядей за ручку. Он что-то говорил, но я его не слушала, предвкушая удовольствие от конфеты. Мы дошли до конца длинного дома, там стояла машина, мы пошли дальше. Когда мы заворачивали за угол, с другого конца дома вышел мой дядя, увидел красный берет, а дома обнаружил, что дверь открыта, а меня нет. Он сразу все понял, догнал нас и выхватил меня из рук дяденьки. Этот берет я долго хранила, он спас меня.

В 1943 году я уже училась в первом классе. Помню, нашу учительницу Ольгу Никаноровну мы звали Макароновной — все ближе к пище. А во втором классе на открытом уроке учительница дала задачу по математике, что-то про расстояния в километрах, и никто не смог ответить. Повисла тишина, а я всех выручила — подняла руку и сказала: «Я умею решать задачи на еду и конфеты!» Дядечка-инспектор, который мне казался стариком, заулыбался и тут же начал придумывать задачу, вместо километров в условии появились рубли и конфеты, не успел он договорить до конца, как я дала ответ. В уме решила задачу в три действия! Обстановка разрядилась, все засмеялись, учительница поставила мне «5». Тогда я и захотела стать учителем математики.

В 1–2 классе (1943–1944 годы) моим самым большим желанием было иметь цветные карандаши, куклу, а позднее — коньки. Карандаши бабушка по штучке подобрала на рынке — красный, зеленый. Куклу пришлось шить из старых чулок, а коньки... с трудом нашли канадки, вот я начала заниматься спортом.

Я закончила школу, а затем ЛГПИ имени Герцена, стала сурдопедагогом, учителем математики, в школах, в ПТУ проработала 40 лет, из них 15 лет была администратором. Я воспитала и выучила около 34 тысяч человек и сама родила двух дочерей, у меня есть внучка.

В школе я всего не рассказывала, но детям всегда читала:

*Мы, дети, войны блокады,
Благодарим за этот день,
Мы вспоминаем голод,
горе,
Работать нам всегда не лень.*

*Стояли у станков тогда мы,
Сейчас мы тоже любим труд,
Работать, думать всегда можем,
Пойдем туда, куда зовут.*

*Мы боль чужую осязаем,
Свою же прячем от всех глаз,
Спасибо за заботу эту,
Благодарим мы много раз.*

*И если труд наш пригодится,
Мы встанем в строй, как на парад,
Мы будем вместе все трудиться,
(Работе каждый из нас рад!)*

Н. Федорова

Детство, опаленное войной

Нонна Васильевна КНЯЗЮК

*Есть в памяти мгновения войны,
что молниями светятся до смерти.*

Сергей Поделков

В июне 1939 года в одном из домов по улице Подрезова Петроградской стороны города Ленинграда родилась девочка по имени Нонна, будущий ветеран Великой Отечественной войны, житель блокадного Ленинграда Князюк Нонна Васильевна.

Когда началась война Нонне было два года, после прорыва блокады — четыре, а после Победы в Великой Отечественной войне — шесть лет. С учетом ее возраста она многого не понимала. Но статистикой доказано что дети, попадая в экстремальные условия жизни, очень быстро взрослеют. Так было и с ней, ибо навсегда врезались в ее память некоторые моменты блокадной жизни.

Вспомнилось ей постоянное чувство голода, так как ей все время очень хотелось кушать, помнит она какие-то лепешки из горькой травы, очень вкусную еду, которую взрослые называли «дуранда», но это было редко.

Помнит она и холод, ей казалось, что она уже никогда не сможет отогреться.

Сохранилась в детской памяти смерть дедушки в блокаду. Остался в памяти постоянный страх, ожидание чего-то страшного. Бабушка иногда наказывала ее и старшего двоюродного брата за непослушание, а наказание заключалось в том, что их сажали за стол спиной к окну, и они боялись что в окно влетит снаряд.

С чувством грусти вспоминает Нонна свой детский садик.

От постоянного недоедания и холода Нонна заболела дистрофией, а после войны у нее до десяти лет все время болела голова.

В 1943 году, после прорыва блокады города, железнодорожники за короткий срок построили Дорогу Победы — железнодорожную ветвь Поляны — Шлиссельбург, соединявшую Ленинград с Большой землей. Прицепив к санитарному эшелону с ранеными бойцами вагон с детьми, их пытались вывезти из Ленинграда. В

пути следования эшелон бомбили вражеские самолеты. Погибло много раненых и детей, поезд был сильно поврежден. Оставшихся в живых детей, в том числе Нонну и ее семилетнего брата возвратили обратно в Ленинград.

Нонна была единственным ребенком в семье. Отца она не помнит, ибо он рано оставил семью, а ее воспитывали мама и бабушка. Следует отметить что они воспитали ее патриотом своей Родины, привили ей трудовые навыки, любовь к книге, хорошо подготовили ее к самостоятельной жизни.

И совершенно не случайно, что Нонна Князюк научилась не бояться трудностей, умело преодолевать их. Анализируя прожитый ею отрезок жизни, можно с уверенностью сказать, что все, чего она достигла в жизни, она достигла своим трудом.

Семья, состоящая из матери, бабушки, Нонны и ее двоюродного брата, жила в коммунальной квартире на пятом этаже в мансарде дома. Условия для проживания были неважные, постоянно протекала крыша и в квартире была сырость.

Мама и бабушка работали на заводе «Светлана», выполнявшем военные заказы для фронта.

Однажды, когда мама возвращалась с работы, неподалеку разорвался снаряд и взрывной волной ее контузило и покалечило. С тех пор она стала инвалидом I группы, передвигалась с трудом, волоча ногу.

После окончания войны Нонна училась в 49-й школе Петроградского района, окончила 10 классов, затем окончила Электровакуумный техникум и одновременно курсы кройки и шитья, и курсы вязания, увлеклась спортом, получила 1-й разряд по гимнастике.

В 1957 году Нонна по комсомольской путевке была направлена на целину в Казахстан. Там познакомилась со своим будущим мужем, мастером спорта по слалому.

После целины Нонна участвовала в соревнованиях по гимнастике и затем вернулась в Ленинград.

Ее будущий супруг после целины отслужил службу в армии и также приехал в Ленинград. В 1962 году они поженились, а в 1964 году у них родился сын.

Возвратившись с целины, Нонна Васильевна на заработанные там деньги купила отрез материала и сшила сама себе пальто, а матери и бабушке купила подарки.

Всю свою сознательную жизнь Нонна Васильевна посвятила труду, работая технологом по производству радиодеталей. Сейчас она на заслуженном отдыхе, инвалид II группы, так как пребывание в блокадном городе для нее не прошло бесследно. Пенсионером стал и ее супруг, ранее работавший разработчиком в НИИ телевидения.

Беспокойная натура Нонны Васильевны, ее оптимизм, неисчерпаемая энергия, упорство в достижении цели способствовали ее участию во многих сферах жизни страны.

Она активно участвовала в общественной жизни, в художественной самодеятельности (танцы), много лет была дружинницей.

Оформляя себе пенсию в собесе и увидев большую очередь, предложила свою помощь и так и проработала в нем безвозмездно двенадцать лет.

С 1989 года она член общественной организации «Дети 900 дней», с 1991 года — член общества «Жители блокадного Ленинграда» и Совета ветеранов ЖЭУ-27, с 2005 — его активист, с 2007 года — секретарь Совета ветеранов.

В ее трудовой книжке немало поощрений за труд и за участие в общественной жизни, кроме того, она — ветеран труда, имеет шесть правительственных наград.

Вместе с мужем находят они отраду в сыне и трех внуках.

Вот уже 65 лет прошло со дня снятия блокады Ленинграда, но те страшные блокадные годы, которые ей пришлось пережить, часто вновь возникают в ее памяти, и с грустью вспоминает она прошлое.

Л. Рахалов

Евгений Михайлович ПЕТРОВ

Всю блокаду мы прожили в Ленинграде, в общежитии корабелки (ЛКИ) на проспекте Максима Горького, д. 5.

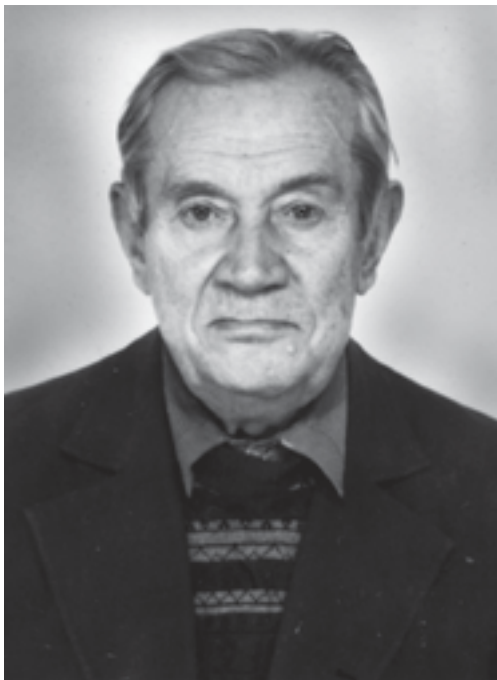
До войны в этом доме проживало до 800 человек — студенты, преподаватели и обслуживающий персонал. В здании был и гараж, где мой папа работал шофером. В подвале были котельная, бункер для угля, прачечная, подсобные помещения и даже жилые комнаты. В начале войны подвал переделали под бомбоубежище.

В парке Ленина, находившемся перед домом, уже шли учения для добровольцев по метанию гранат и методам штыкового боя.

Началась блокада Ленинграда, были уничтожены Бадаевские склады, появились карточки на продовольствие. Кроме ночных налетов начались обстрелы города дальнобойной артиллерией. По радио все чаще звучали объявления воздушной тревоги.

Из угольного бункера вывезли весь годовой запас угля, дом остался без тепла. Вода замерзла в трубах, но в подвале она была. Когда при очередном налете в дом попала «зажигалка» и начался пожар, пожарные взяли воду из водомер и остановили огонь. Но после этого лестница превратилась в непроходимый ледяной каток. В другой раз в здание попал снаряд, но никто не пострадал.

Отец продолжал работать шофером, но в конце года его забрали в армию. А мама уже работала в доме, замещая все должности — от

дворника до коменданта, по мере выбывания этих работников из строя.

В парадной дома сидел вахтер, но его сменщик не пришел, и на вахту встала мама. Так продолжалось три дня, я замещал ее только на время обеда. Смена не пришла, и дом остался без охраны. На ночь мама стала запиравать на замок парадную и еще комнату на входе в дом.

Городской транспорт постепенно встал, занесенный снегом, в конце года начались занятия в школах. Занятия проходили

в неотапливаемых помещениях. В декабре учителя перестали приходить на работу, а мы на учебу. Детям и иждивенцам давали по 125 граммов хлеба на день. За буханку хлеба можно было выменять рояль. В городе съели всех собак и кошек, но появилось много крыс — они питались трупами.

Студентов в нашем доме косила голодная смерть. Трупы из дома выносили в гараж, туда же сносили и погибших рядом с нашим домом. Милиция строго следила за уборкой погибших, периодически приезжала грузовая машина забрать тела на кладбище.

Чтобы выжить, мы ели столярный клей, сыромятные ремни, лебеду, дуранду, шроты. В начале 1942 года всех оставшихся в живых эвакуировали на Большую землю. В нашем доме мы остались одни.

С утра мама уходила на Васильевский остров, ломала деревянные дома на топливо для Балтийского завода, а я искал топливо для нашей «буржуйки».

В 1942 году я пошел в другую школу, а уже в следующем году нас отправили на работу в совхоз «Пискаревка». Там мы жили в бараках и работали в поле. Наш военрук устроил нам соревнования по бегу на 1 километр. Как и все друзья, я не отказался, пробежал дистанцию за 3 минуты 45 секунд, но на следующий день с трудом вышел на работу.

Однажды мы наблюдали воздушный бой. Один самолет загорелся и, оставляя дымный след, упал в лес и взорвался. Никто из нас не побежал смотреть, куда упал самолет, все продолжали работать.

В городе эпидемий не было, но в нашем классе все болели, и однажды я пришел один. Преподаватель спросил меня, я рассказал о свойствах водорода, получил «отлично», и уроки в этот день закончились.

На Ситном рынке уже можно было купить кошку за 260–300 рублей. Это был лучший защитник от мышей и крыс на продовольственных базах и в магазинах

До сих пор пугаюсь гула самолета

Галина Леонидовна КУВЫКИНА

Когда началась война мне было 4 года. Помню с маминых слов, что домой пришел отец, а я не подходила к нему, потому что не узнала в военной форме. Он ушел добровольцем на фронт и не вернулся.

Во время войны мама работала в Усачевских банях на колке дров. Приходилось пользоваться кувалдой и клином, колоды были очень толстыми. Наверное, благодаря маминной работе мы и выжили: она приносила немного поленьев и топилла плиту на кухне. Много людей приходило к нам обогреться.

Бани эти работали всю войну, в определенные дни мылись военные, которые уго-

щали меня — кто куском сахара, кто луковицей. С помощью дирекции бани мама устроила меня в детсад, находившийся на Театральной улице.

Хорошо помню, как мы ходили гулять в сад рядом с Никольской церковью. Он весь был в капустных грядках, а рядом висели аэростаты. С детьми я ходила в госпиталь, через проходную нас не пропускали, мы пролезали под воротами, а в госпитале нас подкармливали. Потом наш детсад водили в столовую с усиленным питанием.

Я помню бомбежки. Хотя прошло много лет, до сих пор не могу без волнения слышать звук самолета.

Мы верили в нашу победу

Валентина Аркадьевна ОВСЯННИКОВА

В июне 1941 года я находилась в пионерском лагере в поселке Толмачево. Когда началась война, вожатые уверяли нас, что она скоро закончится победой Советского Союза. И мы верили.

Через некоторое время по территории нашего лагеря прошла военная часть. Вид солдат поразил нас — они были крайне усталые, голодные, без оружия и очень подавленные. Как раз было время обеда, мы выносили им еду из столовой и много воды. Они все принимали со смущением.

Вскоре за нами приехали родители.

Перед началом войны моя семья жила в общежитии завода «Красный Октябрь», на котором работал отец. Когда замкнулось кольцо блокады и начались бомбежки, мы переехали в поселок Парголово, где жили раньше.

Отец ушел на Ленинградский фронт и погиб под Синявиным. Началась страшная, холодная и голодная зима. Занятия в школе продолжались до декабря, детей становилось все меньше. Хотя мы сидели укутанные, в ушанках и в валенках, это не спасало от холода. Руки не держали карандаш, а писать пером не было возможности, потому что замерзли чернила. В голове шумело, строки сливались, мы не могли ничего запомнить, кажется, просто замирали за партами. Занятия прекратились до следующего, 1942–1943 учебного года.

Дом заметно пустел. В семье Субач умерли родители, дочку Галю отправили в детдом. У Мартыновых отец был на фронте, трое детей умерли в один день, а их мать потеряла

рассудок — я слышала безумный хохот женщины, когда ее увозили. У Румянцевых умерли родители, их дети — две сестры и два брата — ушли на фронт, братья погибли. У Федотовых бабушка и дочь умерли, а двое детей куда-то уехали.

На коммунальной кухне поместили десять человек беженцев из приграничной территории с Финляндией. Сначала умерли старики, затем дети, потом матери.

В мою детскую память навсегда врезалась страшная картина: человек уже умер, а маленькие серые паразиты еще ползали по его лицу.

Мама обменяла всю мебель и вещи на жмыхи и картофельные очистки у Парголовских старожилков. Голод и холод усиливались. Тогда мою старшую сестру и брата решили отправить к родственникам в Кострому. Но добраться до места удалось только сестре. Совершенно ослабевший брат умер в пути.

Я осталась одна, маму редко отпускали с предприятия. Ходила в магазин за своей пайкой хлеба, который разламывала на кусочки и старалась подольше держать за щекой. По дороге я видела, как падали и умирали люди. А у меня дома было тихо и холодно.

В нескольких соседних домах разместились для доукомплектования воинская часть. Пожилые солдаты, вспоминая своих детей, иногда приносили мне из своего пайка крохотные кусочки сахара и хлеба. Из пустой консервной банки они сделали мне ведро, чтобы я могла ходить за водой не только на ближайшее озеро, но и к колодцу.

Когда приходила мама, часовой не пропускал ее, говоря, что в доме нет гражданского на-

селения, только одна девочка. Приходили за мной, чтобы убедиться, что это моя мама.

Приближалась весна, а с нею тепло и первые всходы растений.

Начались работы на полях пригородного совхоза, а затем и выезды школы с поселением в совхозе «Бугры».

Возраст и болезни уносят память, да и не обо всем можно написать. Но я твердо знаю, что не было страха смерти или какой-то паники. Была крепкая вера, что все это временно. И там, за кольцом вражеской блокады, есть наша большая и добрая страна, которая не бросит, не оставит нас в беде.

Блокада на двоих

Лидия Николаевна ГРИПОСТ

Я родилась в Ленинграде 24 февраля 1935 года.

Мы с сестрой Герасимовой Еленой Николаевной двойняшки. 22 июня 1941 года нам было 6 лет и 4 месяца.

Жили мы в Озерках. Папа офицер. Помню, как он вернулся с Финской войны. Я стояла на верхней площадке лестницы, а папа внизу у двери.

Началась война, самолеты гудят в небе. Помню, сколько было радости, когда мама нашла больше половины белого черствого батона за кухонным столом. Мама ходила пешком несколько раз на Бадаевские склады, принесла как-то раз квашеную капусту.

Озерки бомбили и обстреливали. В небе летало много наших самолетов и дирижаблей. Один раз очень сильно бомбили, все гремело и сверкало прямо над нашим домом.

Мы болели корью. Нас одели и спустили вниз. Сидели у самой двери. Маме два раза приносили повестки на эвакуацию (они обе сохранились), второй раз ее просто обязали — двое детей, семья военнослужащего. Это было в июле 1942 года.

Мы ехали с папой на грузовике с вещами до эвакуационного пункта. А на следующую ночь нас грузили на баржи. Баржи отплыли, и началось страшное. Нас начали бомбить, все грохотало, самолеты ревели, бомбы падали в воду. Нас подняли из трюма на корму. Волны накрывали нас, все кричали и плакали. В нашу баржу бомба не попала.

Дальше мы уже ехали поездом, в теплушках, стояли в тупиках. Помню, что нас очень хорошо кормили в дороге. Мы выехали в июле, а в Горький добрались в конце августа. Пароходом плыли до Рыбинска. Потом в Ярославль. Дальше — Ростов Великий, Ярославской области. Это мамина родина, там жила ее родная сестра. Потом мы уехали в деревню Дуброва — мамин родной дом.

В Ленинград вернулись в 1946 году.

В пустом доме блокадного города

Валентина Михайловна НАЩЕКИНА

Шел 1941 год. В выходной день мы с мамой поехали навестить младшую сестру, которая с детсадом отдыхала на даче. Там мы и узнали о начале войны. Заведующая детсадом предложила нам забрать Раису, мою сестру. Дома мы узнали, что папа собирается идти добровольцем на фронт, и через неделю проводили его на пункт сбора.

До войны папа работал геологоразведчиком, а мама — портнихой на фабрике «Красное знамя» — шила одежду для солдат и моряков. Наша привычная жизнь круто переменялась с началом войны.

В магазинах появились очереди. Мама дала мне задание покупать папиросы, чтобы собрать посылку папе на фронт. Папиросы давали ограниченно, поэтому приходилось по несколько раз стоять в огромных очередях.

Позднее ввели карточки, продуктов в магазинах становилось все меньше и меньше. Началась эвакуация детей в ближайшие районы, нас сестрой направили в Володарский район. Там мы впервые, еще на станции узнали что такое бомбежка. Дети были напуганы, плакали и кричали от страха. Затем нас посадили на грузовые машины и отвезли в деревню. Когда закончилась проезжая дорога, мы потащили личные вещи на себе. На жерди вешали чемоданы и узлы и брали на плечи. В деревне нас разместили по пятнадцать человек в доме, нам хозяева предоставили чердак с соломой. Кормили плохо, на день привозили к дому бидон кислого молока,

пачку печенья и одну конфетку. Дети плакали хором, но хозяева ничем не могли помочь, а наших сопровождающих мы не видели целыми днями. Многие дети начали болеть от голода, те, кто были постарше — убежали. Мы писали родителям письма, обо всем рассказывая.

Мою сестру разместили отдельно — дети дошкольного возраста жили в бывшем барском доме где-то в лесу. Я искала этот дом, на почте мне объяснили, как к нему пройти. К сестре я

стала ходить каждый день, развлекала ее. На почте удалось узнать и то, что родители подняли шум, требуя вернуть детей. Вскоре за нами приехали.

Родители шли с криками, ища своих детей, а я, уже зная, что за нами едут, находилась рядом с сестрой и сама увидела маму в бегущей по полю толпе людей. Момент нашей встречи я запомнила на всю жизнь.

В поезде мама заболела дизентерией, и ее сняли, а нас повезли дальше. На вокзале нас встретила незнакомая женщина, которая все объяснила и отвезла домой. Мама приехала через несколько дней. В Ленинграде уже был настоящий голод, город бомбили. Возле нашего дома, находившегося у Тучкова моста, упала и не взорвалась бомба, но и от ее падения толчок был таким сильным, что я упала с табуретки.

Папа находился на Ленинградском фронте, он еще писал письма, прося отправить ему папирос. Я снова стояла в очередях, чтобы собрать ему посылку.

Норму выдачи продуктов постоянно сокращали, мы постепенно распродавали вещи. За швейную машинку «Зингер» нам дали одну буханку хлеба. Мы покупали и столярный клей из костей животных, и кожаные ремни. В городе наступил лютый голод, люди начали умирать. С каждым днем становилось все хуже и хуже, нас спасало то, что были рабочая карточка и две детские.

У мамы на предприятии ввели казарменное положение, и она уходила на неделю вместе с моей сестрой. Я оставалась одна со своей карточкой в пустой квартире. наших пожилых соседей, немцев по национальности, выслали в самом начале войны. Они были хорошими людьми, о них осталась хорошая память.

В магазин нужно было ходить каждый день, я прятала карточку, чтобы ее не выхватили. Зима стояла очень холодная и печурку, установленную в комнате, стало нечем топить. Я на ночь надевала свое любимое платье, думая, что умру или замерзну за ночь.

Однажды меня пришла навестить моя бабушка, я лежала под грудой теплых вещей и она меня не сразу заметила. Бабушка принесла мне лепешки и уголь, я была счастлива этому подарку, думаю он меня спас.

На улицах уже было много покойников, их грузили на машины и увозили на кладбище. Спускаясь по лестнице, приходилось перешагивать через мертвые тела почти на каждом этаже. В это же время умер и дедушка.

Детей, одних и вместе с родителями, целыми эшелонами вывозили в Сибирь. Вместе с ними эвакуировали и нас. К тому времени мы уже получили извещение, что папа погиб на фронте.

В пути мы отстали от эшелона, жили в деревне, добрые люди нас подкармливали. Потом мы перебрались в родные места нашей мамы, когда окрепли, стали работать. Я пошла в школу.

Когда кончилась война, родственники прислали нам вызов, мы вернулись. Я стала работать на той же фабрике «Красное знамя», где работала моя мама.

Кононова, ДДЮТ, 5 класс, школа №72

Война и блокада принесли в мою жизнь много одиночества

Людмила Гавриловна ПОПЛАВСКАЯ

Когда началась война, мне было 11 лет. В нашей семье было 5 человек — папа, мама, брат Коля, сестра Антонина и я.

Брат учился в Артиллерийском училище на Литейном проспекте. Курс выпустили досрочно и отправили на фронт. 11 сентября 1941 года брат погиб в Полтавской области.

Папа сначала служил в войсках МПВО, потом его отправили на фронт. Он погиб 10 сентября 1942 года на Невской Дубровке.

Перед началом войны в отпуск к нам приехала мамина родная сестра с мужем. Тетя Аня заболела воспалением легких, перешедшим в гангрену легких. Когда началась война, ее муж вынужден был уехать к месту проживания, его мобилизовали и отправили на фронт. В больнице, где лежала тетя, организовали госпиталь, а ее передали нам. Мы остались вчетвером — мама, тетя, сестра и я.

Началась блокада, обстрелы и бомбежки. Самая сильная в день, когда сгорели Бадаевские склады. Мы жили на пятом этаже, мама вывела меня на лестницу, обнимала и прижимала к себе. Казалось, что от грохота дом раскачивается. Было очень страшно, меня всю трясло, зубы стучали.

Началась страшная блокадная жизнь. На четверых мы получали 500 граммов хлеба, делили их на две части, чтобы поесть два раза. Утром — с чашкой кипятка, а днем мама готовила какой-то «суп» — с ним съедали вторую половину. В булочную ходила сестра, мама еще умудрялась менять вещи то на

дуранду, то на плитку клея, из которой варили студень.

С пятого этажа мы переехали к знакомым в полуподвальную квартиру на нашей же улице. Тетя Аня еще не могла ходить, так было удобнее и для нее. Спали мы все вместе на полу.

Наступила зима. Кипятили воду и готовили мы на «буржуйке».

За водой мы ходили на Гороховую улицу, где от холода разорвало водопровод. Все, кто приходил, кружками набирали воду в

свои емкости. Во время таких походов иногда попадали под артобстрел, это было страшно. И еще приходилось видеть, как на машинах везли умерших.

В конце зимы за тетей Аней на полторке приехал муж. Не знаю, как и почему эта машина оказалась в Ленинграде. На ней меня с тетей Аней и еще несколькими людьми по Ладоге вывезли из города. Нас приняли в каком-то доме, уже стемнело, хозяйка вынимала ухватом из печи чугунок с картошкой. Наверное, увидев мой взгляд, она дала мне одну или две картофелины в мундире. А потом сказала, чтобы меня вывели в хлев по нужде. Боже, я запомнила на всю жизнь теплый хлев с его запахом, как тихо жевала корова!

Потом мы приехали на место, где началась моя жизнь в эвакуации. Муж тети после ранения и демобилизации работал в совхозе недалеко от города Боровичи. Все дети летом работали в поле. Но сперва, когда приехали, есть было нечего, ранней весной ходи-

ли выкапывать оставшуюся после зимы картошку. Из нее тетя пекла без масла лепешки на плите. Мне и сейчас нравится мороженая картошка.

В конце лета 1942 года приехала сестра и привезла маму. Я ее даже не узнала, мама стала дистрофиком, даже не могла ходить без посторонней помощи. Так мы и жили.

Я ходила в школу, сестру направили на курсы минеров, а после — на фронт.

В войну погибли все наши мужчины. После войны, в 1972 году, умерла мама, а в 1991 году — мой муж, тоже блокадник. Детей у меня нет, два близнеца умерли после рождения. Сестра умерла в 2005 году. Я живу совсем одна.

Я запомнила тот голод

Раиса Матвеевна ЖИЛЬЦОВА

Я родилась в Ленинграде в ноябре 1935 года. Когда началась война мне было пять лет, а брату четыре года. Мы остались втроем с мамой. Первый блокадный год был очень тяжелым. Когда начиналась бомбежка, мама хватала нас с братом и тащила в бомбоубежище. Но позже мы перестали — бомбили все чаще, а бегать по лестницам уже не было сил. Мы оставались в своей комнатке, забившись в дальний угол.

Помню, как постоянно хотелось есть. Под столом мы собирали каждую крошечку, а когда мама уходила за хлебом или водой, закрывая нас на ключ, мы с братом собирали гарь с примуса и все тащили в рот.

Мама нас закрывала для того, чтобы мы не выходили в коридор, в который выносили всех умерших.

Папа сражался на Ленинградском фронте, защищал Дорогу жизни и иногда ночью приходил домой, принося мешочек с сухарями, которые собирали его сослуживцы, зная, что у него в городе остались маленькие дети. Это нас очень спасало.

После пережитого чувство голода оставалось даже в 1945 году. Когда мне исполнилось 10 лет, я попросила маму: «Купи мне буханку хлеба, но только никому ни кусочка не давай от этой буханки».

9 мая, в День Победы, когда был грандиозный салют, помню, как я плакала, топала ногами и кричала, боясь, что снова началась война.

День Победы был любимым праздником моего отца, и для меня он является великим, хоть и со слезами на глазах.

Достойный пример отца-авиатора

Александр Федорович ГОЛОВЕНЧИЦ

Александр Федорович Головенчиц родился 28 июля 1937 года в Ленинграде в замечательной дружной семье. Мать — Мария Михайловна — фрезеровщица, отец — Федор Наумович — метеоролог, он стал для Саши на всю жизнь ярким примером отношения к людям и к работе.

Когда началась война, Федора Головенчица в первую же неделю призвали на фронт рядовым, а затем стал офицером-метеорологом при аэродроме. А уже после войны Федор Наумович до 1961 года служил в Ивановской области. Вышел в отставку в чине капитана.

Рассказы отца о войне глубоко врезались в память маленького Саши. Он стремился стать человеком, достойным своих родителей. Тем более что и мама его, до войны и в блокаду добросовестно трудилась на военном заводе. А Саша во время войны посещал детский сад. Голод настолько повлиял на психику 4-летнего ребенка, что он, как-то найдя замерзшего воробья, съел его сырым, вместе с перьями. Узнав об этом, Мария Михайловна ужаснулась.

Александр Федорович вспоминал, как хорошо был встречен Новьей, 1942 год с 14-летней двоюродной сестрой Таней, которую пригласили на праздничное представление в Большой кукольный театр на улице Некрасова. Новогодняя елка была красиво украшена игрушками. После кукольного представления детям предложили обед — тарелку супа, кот-

лету с куском хлеба и печеньем. Хлеб с котлетой Танюша отнесла родным, домой...

Саша с мамой жил на Литейном проспекте, в дом №11. А когда в их дом попала бомба и тот был разрушен, они переехали в дом №43 на том же проспекте. Позже мама с Александром уехали в эвакуацию на Алтай.

По окончании войны к кадровому военному Федору Наумовичу приезжает семья в Ивановскую область, где Александр и заканчивает десятилетку. Затем он служит радистом на флоте...

После демобилизации Федор Наумович вместе с семьей возвращается в Ленинград, где Саша работает на «Электросиле». Заканчивает Заочный политехнический институт и некоторое время работает там преподавателем. Затем друзья приглашают его трудиться с ними на «Арсенале». Как и отец, Александр Федорович был отличным специалистом. Его, конструктора высокой квалификации, так ценили на работе, что в пенсионном возрасте попросили снова прийти поработать. И он трудился там до 2005 года.

И в быту Александр Головенчиц был очень веселым человеком, заядлым театралом, увлекался туризмом, вовлекая в спорт молодежь. Отлично пел и играл на гитаре.

«Был» — потому что летом 2007 года Александра Федоровича не стало.

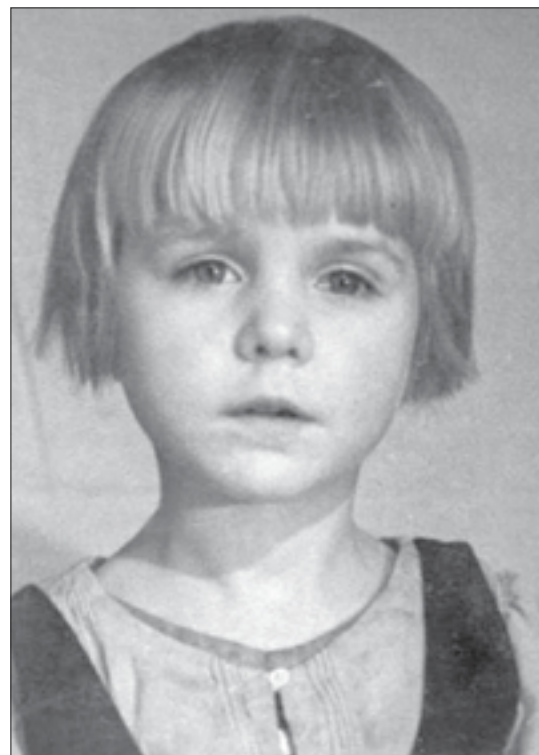
Л. Н. Третьякова

Помню, как выживали

Тамара Николаевна ГРОМОВА

В память о моей маме, Ивановой Марии Максимовны (1913–2002)

Мало что из блокады я помню,
было мне два и три года, когда все начиналось,
а сестренке моей только годик исполнялся.
Чувство голода я позабыла, так повелось.
Что же это? Забвение иль возрастное?
Или память не хочет удерживать злое?
Лишь отдельные помню картинки былого.
Отрывает сестренка кусочки обоев
и в кастрюльке для нас всех готовит обед.
Я ее осуждаю и предупреждаю,
что такого большого куска уже нет,
попадет ей от мамы, уж точно я знаю.
Так в блокаду проводим вдвоем на кроватях
друг от друга напротив. На ночь мама нас
забирает к себе в постель, книжки читает,
поет песни и телом своим согревает.
В сентябре мама ездила в поле у линии фронта
за капустой, там часто обстреливали.
Повезло ей, но многие гибли под пулями.
Мама целую кадку тогда засолила,
но в сарае украли у нас из нее два ведра.

Со дна только две банки литровые мама всего наскребла.
Так утратили мы то богатство большое.
Тут пришли попрощаться к нам дядя с женой.
Видя, как плох он, банку одну мама им отдала.
Вскоре дядя скончался — чахотка, и голод его доконали.
Жена, дети на Охте с трудом его похоронили.
Наступили для нас совсем черные дни.
Помню, с края стола мы сидим, зачарованно
наблюдаем, как мама нам хлебушек отрезает.
Свой кусочек сестра быстро съедает,
слюнит пальчик и крошечки им собирает.
Когда мама слегла, к ней приятельница пришла.
Предложила в услугу модельные туфли на хлеб поменять,
после этого с туфлями скрылась, но мама не стала искать.
Позже мама узнала, что эвакуировалась она срочно.
Помню, Риточка всем, кто войдет, стонет жалобно:
«Мама кушать нам не дает, мама кушать нам не дает...».
А зимой стали от истощения мы умирать.
Когда в горле у мамы совсем пересохло,
боль заставила ее встать, кружку взять

и ползти за водой к соседям,
но никто ей тогда не стал открывать.
Вдруг как молнией память ее пронзило —
рыбий жир должен быть!
Ведь сестра ей дала, когда сын наотрез отказался пить.
Отказалась и я, тогда мама решила его сохранить
и бутылку в холодный шкаф дальше засунула.
И тут сила откуда взялась?!
Она стала искать в старом хламе и наткнулась
на совсем позабытую банку литровую меда,
а потом уж нашла и бутылку искомую — 0,75.
Кулик А. В. к нам пришла и сказала: «Ребята, живем»
Помню, банку с бутылкой, мама ложечкой нам дает
и того и другого — кровь по жилам снова течет.
Постепенно из пепла мы вновь возродились.
Мама стала за хлебом ходить.

За рабочую карточку и обед с шоколадом
стала кровью своей платить — стала донором,
чтобы нас заодно и бойцов спасти.
Весной, летом уж травы пошли.
Травы так ели и супчик из них варили,
трудно только их было найти.
Огороды на многих газонах засеяли.
Затмение помню — одеялом закрыто окно.
Как-то мама закрыла, но плохо,
к ней с угрозой дежурные быстро пришли,
но, увидев нас и простив, сами исправили все.
Помню, как рады, что мама пришла — с ней хорошо,
сообщаем скорей: «Ах, как страшно бахал фашист».
Помню, вместе в кровати лежим, слышим, громко бречат.
«Крысы?! Думают, супчик оставили им, вот нахалы нашлись».
Иногда мама от спящих нас отгоняла крыс,
они смело гуляли, когда мы засыпали.
Чудно, необъяснимо, как же нас тогда не загрызли они?
«Папа Коля наш миленький? Любит ребят?» —
это к мамочке мы пристаем.
Мама сквозь сон: «Папа миленький, миленький... Любит, сопят...»
Пережив злую зиму вдвоем,
Мы серьезно уже в августе с ней заболели.
Я осталась жива, а сестру в больницу отправили.
Коклюш. Там она и умерла.
Помню кафельный желтый пол, очень высокий стол,
поднимают меня, вижу — Риточка так тиха и светла,
видно, ангел она.

*Мария Максимовна
и Николай Иванович
Ивановы. 1938 г.*

Позже тетя всем нам говорила, что булочку ей принесла,
 но она отказалась есть, видно, туда отходила.
 А потом, без сестры, я сама себя так развлекала.
 Мама суп дрожжевой добывала, родных посещала.
 Валя — крестная — с кухни служебной очистками нам помогала.
 Угостил меня кто-то кусочком дуранды.
 Мне казалось, что лучшего лакомства я никогда не едала.
 Помню, в пол-остановки напротив от нас от бомбежки
 музыкальная фабрика долго горела,
 так три дня от пожарища в нашей квартире стояла жара.
 Черный остов фабричный высокой башни.
 Ко второй зиме стали кончаться дрова,
 появилась «буржуйка» — в растопку вся мебель пошла.
 Чай на ней кипятили, суп, щи, кашу варили,
 от нее шло живительное тепло.
 На работу в апреле уж мама пошла.
 Она шила шинели тогда, ремонтировала сапоги.
 Помню, мама в детсадик меня приводила,
 Помню, в сквере у самой татарской мечети
 меня с группой детсада бомбежка застала.
 Я, испуганная, очень долго в кустах лежала.
 После этого я заикалась примерно с полгода.
 Мама мне говорить помогала по совету врача.
 Постепенно речь восстановилась — прошла та беда.
 Иностранные помню посылки. Их маме
 на работе по праздникам лишь выдавали.
 Они наше здоровье, спасибо тем, кто послал, поддержали.
 Еще помню встречу с отцом.
 Он заездом за мной в детский сад пришел.
 Вижу, что незнакомец высокий стоит,
 смотрит радостно, что-то там всем говорит.
 Я со страха хотела вернуться на ужин,
 вкусно пах винегрет, он, конечно, был нужен.
 Но заведующая мне путь преградила
 и, проворно одев, тут мужчине меня отдает.
 Он на руки меня подхватил и несет.
 От него табаком непривычно пахло.
 Я с опаской гляжу на него,
 но тут мама идет нам навстречу..
 Помню, утром с трудом просыпаюсь,
 мама радио громко включает —
 Левитан раскатистым басом День Победы провозглашает.
 Ликованье и радость по всей квартире:
 «Нет войны! Счастье, радость, спасение. Нет войны!»

Ну а вечером мама меня повела на салют Победы.
 Мы пораньше пришли, пробрались
 с ней упрямо к граниту Невы в первый ряд.
 Тут военные наши от сердца всего дорвались,
 они били из всех тех орудий, какие пришлось.
 Поминали они всех погибших солдат и друзей,
 всех безвременно рано ушедших родных, всех детей!
 Я напугана этим салютом так сильно была!
 Мама на руки быстро меня взяла,
 прижимая меня, утешая, скорей понеслась.
 С пониманием толпа перед нами тогда расступилась.
 Мы бежали, салюта Победы так не посмотрев:
 Нет!
 Мы бежали прочь от войны, от всех ее подлых бед!
 Много было поведано мне о блокаде.
 Я пишу лишь о том, что со мной лично было
 и что память моя и родных сохранила.

Вадим Васильевич ФЕТИСОВ

Я и моя сестра Тамара родились в Ленинграде на улице Чайковского в хорошей и дружной семье Фетисовых, мама Серафима Александровна и папа Василий Петрович.

Летом 1941 года мне было уже 6 лет. Моей сестре Тамаре исполнилось 13 лет (ее рассказ читайте на стр. 145).

Я помню, отец сказал про Германию: «Пусть нам покажут эту страну на карте — мы ее шапками закидаем». Но случилось так, как случилось.

На все лето отец снял для нас с сестрой дачу в поселке Пудость. Там я впервые увидел фашистский самолет. Он пролетел низко над поляной в конце поселка, на которой молодежь каталась на больших качелях. Самолеты летали редко, когда услышали в небе гул, все закричали: «Аэроплан!» А когда он улетел, все долго молчали — крест на борту значил, что это фашист. Вскоре отец забрал нас домой — враг уже подходил к городу.

Я не помню, как началась блокада. Позже мама много рассказывала мне о блокадных днях.

Взрослые оберегали нас и старались не пугать, но с наступлением холода и голода все изменилось.

Папа ходил на работу, иногда брал меня с собой. Зима еще не наступила, но город уже обстреливали и бомбили. Помню, на трамвае мы доехали до Финляндского вокзала. Возвращаясь, мы вышли на улицу Лебедева, но трамвай перед нами уже ушел. Мы видели, как он поднимался на мост и как в него попал снаряд. Весь первый вагон разбило взрывом. Домой мы возвращались пешком.

Сначала при бомбежках мы уходили в подвал, где было оборудовано бомбоубежище. У нас в комнате появилась «буржуйка», мы заклеили окна полосами газет крест-накрест и плотно их занавешивали, чтобы при бомбежке или обстреле разбитые стекла не могли разлететься по комнате. А во время бомбежки зажигали лампочки синего цвета. С улицы дом обходили дворники, они следили, чтобы не был

виден свет. Когда электричества не стало, мы жили со свечками. Дрова доставал папа. После бомбежек он ходил к разбитым домам и оттуда приносил разные деревянные обломки.

Однажды дом сильно трянуло, мы думали, что бомба попала в наш дом. Папа пошел посмотреть, оказалось, что бомба попала в дом 10 по улице Чайковского и разрушила еще три соседних дома.

Гулять меня не отпускали одного — были несчастные случаи. В доме отключили отопление, перестал работать водопровод. Мама сажала меня на санки, в ногах ставила большой медный чайник, и мы шли за водой на Неву, в сторону Литейного моста.

Зимой выпало много снега, на тротуарах лежали сугробы, для прохода были узкие тропинки. Чтобы люди не сталкивались в темноте, всем дали покрытые фосфором значки на булавках — их прикрепляли на левое плечо.

Сестра Тамара помогала бойцам МПВО. С одного дежурства ее принесли в обмороке от взрыва, а в ее одежде было много осколков стекла.

Этой же зимой произошло ужасное событие. В нашей коммуналке жила семья Кукушкиных, мужа сразу забрали в армию, а жена была управдомом, мама работала у нее. Когда в доме кто-то умирал, управдом должна была сдавать их карточки, а она ими пользовалась. Взрослые говорили, что ее арестовали, а куда делись другие ее родные, никто не знал.

Скоро папу забрали в армию. Он был где-то под Пулковом, иногда ему удавалось получить увольнительную. Он приходил домой, помогал во всем, а главное, приносил сэкономленную от военного пайка еду. Я запомнил тот солдатский хлеб. А ведь, принося свои продукты, он мог и умереть.

Помню весну 42-го года. Светило солнце, меня отпустили погулять — мне уже исполнилось 7 лет. Мы стояли с приятелем, и он сказал: «Хочешь, покажу фокус?» И пальцами вынул изо рта зуб, но даже крови не было! Это была цинга.

И вот эвакуация. Мама с сестрой собрали большие тюки, обернули их простынями, на которых химическим карандашом написали наши координаты. Мы уезжали с Финляндского вокзала 20 мая 1942 года. В пути до Ладожского озера нас кормили, по дороге из окна вагона я увидел воткнувшуюся в землю бомбу.

На Ладоге было много народа. Нас погрузили на катер и повезли на другую сторону Ладоги. Небо было чистое, мы видели воздушный бой в стороне от нашего катера.

Кажется, нас привезли в Кобону. Все было здорово организовано, я оценил это, уже будучи взрослым. Нас погрузили в «телячьи» вагоны, поезд гнали очень быстро, ведь недалеко были немцы. На редких остановках давали кипяток и какую-то еду, мама и сестра ходили с бидончиками ее получать.

Поезд шел до Уфы, мама решила выйти не доезжая, на станции Нурлат. Нас встречали местные жители, приехавшие даже издали на лошадях с телегами. Мы приглянулись Евдокии Никаноровне Фроловой, жительнице колхоза «Новый путь», расположенного в 33 километрах от станции. Она была настоящей русской женщиной, работающей и хорошей хозяйкой. Уже при нас забрали в армию двух ее сыновей, вскоре на обоих она получила похоронки.

Я пошел в школу, находившуюся в 5 километрах от колхоза, в селе Андреевка. Сестра Тамара уехала учиться в Нурлат.

Колхоз помогал маме — дал работу счетовода в правлении, огород и семена, помог все вспахать и посадить, а осенью собрать урожай.

Летом 1944 года папа забрал нас, мы вернулись в Ленинград. Мне было уже 9 лет, но я снова пошел в 1-й класс.

По улицам водили большие колонны пленных немцев, они восстанавливали разрушенные дома. Мальчишки да и взрослые первое время кидали в них всем, что под руку попадет, потом нам объяснили, что не надо этого делать.

На Рыночную улицу и в Соляной переулок было свезено очень много фашистской военной техники — пушки, танки, самолеты, минометы. Мальчишкам никто не запрещал залезать внутрь, крутить ручки. Рядом стояли таблички, сообщающие, с какого места привезена техника. На Соляном переулке стояла пушка, которая стреляла по городу с Пулковских высот. Она была такого калибра, что мы могли пролезть сквозь ствол пушки.

7 декабря 1979 года в газете «Смена» были напечатаны мамины воспоминания о блокаде. Мне думается, что и сегодня они будут интересны читателям.

Серافима Александровна ФЕТИСОВА

900 дней блокады? Нет! Это не только 900 дней, но и 900 ночей, потому что враг бомбил и обстреливал город не столько днем, сколько ночью.

Были ночи, когда мы, возвращаясь домой после отбоя тревоги, не успевали снимать с себя пальто, как опять налет, воздушная тревога, и мы снова шли в убежище. Не спали целые ночи и не снимали с себя одежду.

Дом наш был расположен недалеко от реки Невы, между мостами Литейным и Кировским. Враг стремился взорвать эти мосты, поэтому налеты на этот объект были частыми.

Уже с первых налетов-бомбежек все стекла в наших окнах были разбиты, водопровод поврежден, отопление не работало, электрического освещения тоже не было. Наступали темные вечера и ночи, а нам ни осветиться, ни обогреться было нечем. Иногда удавалось добыть лампадного масла, и вот, устроив дома на столе лампадку, мы могли хоть видеть друг друга. А с наступлением холодов мы не раздевались не только во время бомбежек, но и в течение всей зимы не снимали с себя одежду. Воду брали из Невы, зимой пробивали лед, делали прорубь и на саночках подвозили воду к дому.

Как-то зимой нам удалось добыть из разбомбленного дома ломаного кирпича, и мы сами сложили печурку-временку, добывали щепки или жгли собственную мебель и как-то обогревались. Но так как в окнах все стекла были выбиты, а окна заложены старыми

одеялами и всевозможным тряпьем, то тепла от печурки было только пока она топилась, и только сидя вокруг нее мы согревались и могли сварить себе те 40 граммов крупы, которые мы получали иногда в виде соевых бобов.

Рано утром, идя на работу или на Неву за водой, натыкались перед аркой дома на груды наваленных трупов. В нашем доме квартиры были большие — по 18–24 комнаты, и ежедневно умирало очень много людей. Так вот, оставшиеся в живых соседи выносили умерших и оставляли их на лестнице или под аркой,

так как сами не в силах были ничего другого сделать.

Голод, холод, бомбежки, обстрелы делали свое дело. Но мы, живые, у кого еще были силы, считали, что не имеем права опускать руки и оставаться в стороне от защиты города. И мы делали все, что от нас требовали и что сами находили нужным: дежурили на крыше дома, гасили зажигательные бомбы.

Я была комендантом бомбоубежища в своем доме. Бомбоубежище размещалось в подвале дома, где до войны было картофелехранилище. Райисполком помог нам создать там не только бомбо- но и газоубежище.

Помещение разделили на 4 отсека, в первом отсеке укрывалось до 150 человек взрослых, во втором отсеке укрывались матери с детьми — до 100 человек. Третий отсек — это санитарная комната. Исполком дал нам три санитарных сумки со всем необходимым для

первой помощи. В санитарной комнате мы поставили 3 кровати, застелили их чистым бельем и добыли 2 носилок. Четвертый отсек — это было газоубежище на 150 человек.

На случай газовой атаки окна и двери там закрывались герметическим способом, был поставлен газоочистительный аппарат с ручной обработкой, с ручным приводом. Аппарат обеспечивал подачу свежего воздуха на 6–8 часов.

Я посещала занятия, организованные при Исполкоме, по работе и обращению с этим аппаратом.

Укрывалось в бомбоубежище очень много народу, иногда до отказа, как из нашего дома, так и прохожие с улицы.

В нашем микрорайоне было много домов и людей, пострадавших от бомбежек.

Опишу два случая из особо трагических, когда под обломками оказались заживо погребенные люди.

13 октября 1941 года тонная бомба попала в стык домов, обломками засыпало дровяник, где укрывалось 16 человек. Это дом №16 по Рыночной улице (ныне Гангутская) дома №8 и 10 по Соляному переулку. Разобрать завал и добраться до погибших людей удалось только через полтора месяца.

А 6 ноября в дом №10 по улице Чайковского упала тонная разрывная бомба, разбив лицевой фасад дома, а воздушной волной повредила рядом стоящие дома №6, 8, 9, 11. Наш дом №3 дал трещину, вылетели рамы, сорвало с петель двери.

Удивительным теперь кажется, что при таком моральном состоянии тогда люди не вдавались в панику, успокаивали друг друга, приводили в чувство, оказывали сами первую помощь раненым и продолжали твердо верить в победу, даже, когда 27, 28 и 29 декабря мы не получали свою пайку хлеба. Видимо, были на то веские причины, что хлеб нам был задержан.

Стояли сильные морозы, а все эти три дня мы молча стояли в очереди, терпели все и ждали привоза хлеба. А 31 декабря нам выдали за все дни, что нам полагалось.

3 января 1942 года — это день большого счастья: нам увеличили паек хлеба; чужие люди целовались от радости. Мы ожили и в наших сердцах еще больше укрепилась вера в победу.

Но беда не приходит одна, она ведет за собой другую. Так было и с нами. В марте 1942 года к нам подобралась дизентерия.

Снег быстро таял, срочно нужно было убирать трупы на улицах. Этим занялись МПВО города и горздравотделы, приняли все меры по борьбе с этими новыми невзгодами. А мы, еле стоявшие на своих ногах, принялись за уборку дворов, лестниц и очистку помоек. Мы делали все, чтобы как-то ликвидировать очаг новой смертности.

В апреле 1942 года районным властям удалось восстановить баню в доме №1 по улице Чайковского. Она была повреждена во время бомбежек и не работала всю зиму. Удалось открыть, к нашей радости, раздевалку и один моечный зал.

Мылись там все: и мужчины, и женщины. В начале зала мылись мужчины, а в конце женщины. Я помню, как я с детьми вошла в зал и увидела, что моются мужчины, но не почувствовала никакого стыда. Никто не обращал ни на кого никакого внимания, каждый делал свое дело — мылся.

Это было трудным в то время и крупным мероприятием со стороны нашего правительства.

Этими заботами о нас, я думаю, правительство сохранило много человеческих жизней. А мы до последних дней работали, терпели, боролись и верили в победу.

7 декабря 1979 г.
Газета «Смена»

Тамара Васильевна ФЕТИСОВА

22 июня — мой день рождения, в тот страшный год мне исполнилось 13 лет. Первое слово, которое я услышала утром, было «война».

Все об этом говорили, кто-то плакал, кто-то уже провожал своих мужчин на фронт. Война казалась чем-то далеким, а оттого не слишком страшным, но это только казалось.

Мы жили на даче под Гатчиной. Через нашу деревню на фронт шли войска. В конце августа мы вернулись в Ленинград.

В городе уже полным ходом шла эвакуация женщин с детьми. Родители думали — уезжать или нет. Так подошли первые числа сентября, и стало ясно, что из города уже не выехать. Даже те женщины, которые с детьми сидели на Московском вокзале, вернулись по домам.

Вечером 8 сентября запылали Бадаевские склады и американские горки. Мы

жили на улице Чайковского, но даже у нас от зари было светло, как днем. После уничтожения складов стали уменьшаться нормы выдачи продуктов.

Схема была такая: объявляли по радио — на такой-то номер талона выдается столько-то граммов крупы. Все жители города были прикреплены к определенным магазинам и булочным, приходишь в свой магазин, а крупы уже нет или еще нет. Часто эти граммы крупы заменяли сухофруктами, чаем или чем-то еще. Приходилось

по многу часов выстаивать в очереди на 40-градусном морозе.

У нас не было света, стекол в окнах, но были бомбежки, разрушения и очень много мертвых.

В нашей квартире жили соседи — мать со взрослой дочерью Машей. Мать умерла в начале октября, и в течение всей зимы дочь прятала ее труп под кроватью, на которой спала. В последних числах каждого месяца Маша доставала труп из-под кровати, клала к себе в постель и спала с мертвой матерью до первых чисел следующего месяца. В это время по квартирам ходили определенные для этого люди и проверяли наличие живых. Маша получала две карточки и смогла выжить. Еще одна женщина в нашем доме поступала так же, до проверки унося умершего на чердак.

Зиму мы почти не мылись, первый раз в баню пошли в конце апреля. Нам выдали талончики и по маленькому кусочку мыла. В бане работало только одно отделение,

Вадим на руках у двоюродной сестры и Тамара

мужчины и женщины мылись и одевались вместе.

За зиму выпало очень много снега, в нем были нечистоты из-за неработавшей канализации. Во избежание эпидемии весной его начали убирать. Нам с подружкой пришлось вывозить снег со двора и от дома. На сколоченную на скорую руку 4-колесную телегу мы грузили снег, везли его и сбрасывали в Фонтанку. Вся улица была засыпана снегом, оставалась только узкая тропинка, по которой мы везли телегу. В один из таких рейсов мы попали под обстрел. Низко над головами пролетел снаряд и попал в правый угол Кофейного домика в Летнем саду, я получила контузию от взрыва.

Нам, подросткам, поручали ходить по квартирам, смотреть, нет ли умерших. Квартиры и комнаты все были открыты, запертые двери оставили только те, кто уехал в эвакуацию.

Страшно было все время, но особенно страшно стало, когда на несколько дней за-

*Мама Серафима Александровна
и папа Василий Петрович Фетисовы*

молчало радио и по нему даже слышались фразы на немецком. Это было, когда фашисты подошли совсем близко к городу и жители Московского района стали перебираться к нам в центр.

«Ленинград. Блокада... Вода». Екатерина Андрианова, ДДЮТ, 7 класс, лицей №95

У всех, кто в блокаду выжил, был добрый ангел-хранитель.

Майя Васильевна ШАБАРОВА

Я родилась в Ленинграде в марте 1936 года. Когда началась Великая Отечественная война 1941–1945 годов, мне было 5 лет и 3 месяца, а моей сестренке Тамаре Васильевне Акимовой было 3 года и 6 месяцев. Вот такими мы были накануне войны.

Сестренка ходила в ясли, а я в обычный детский сад, где нам прививали навыки всего необходимого в жизни.

Некоторые утверждают, что малыши пережившие военно-блокадные детство, не могут помнить события тех лет: «...распространяя ветеранский подход на малышей войны, их фактически обвиняют в том, что они не побросали свои соски, игрушки, не взяли в руки автоматы, не вступили в ополчение, не встали к станкам, не дежурили на крышах и не тушили «зажигалок», не патрулировали улицы, не были членами КБО, сандружинницами...»

Но моя память свидетельствует о том, что дети, пережившие стрессовые ситуации военно-блокадных лет, помнят те события, которые эмоционально врезались в память на уровне подсознания. Более того, они не проживают свой отпущенный век и уходят, получив патологию различной глубины. Так, Тамара Васильевна Акимова (моя сестра) ушла из жизни в результате многолетней тяжелой болезни почек в декабре 1999 года.

Мой отец Василий Афанасьевич Черняков работал на Ленинградском октябрьском паровозоремонтном заводе был коммунист-

том, парторгом завода, и в числе первых ушел добровольцем на фронт. Он погиб в 1942 году в ополчении на Синявинских болотах. Также погибли и его друзья.

Папин брат Иван Афанасьевич Черняков прошел всю войну от Ленинграда до Берлина. Вернулся весь седой, контуженный и через 3 года умер.

Его семья — жена Любовь (тетя Люба) и две дочери, Вера Ивановна, 15 лет и Надежда Ивановна, 13 лет остались в Ленинграде, где во время блокады умерла тетя Люба, а дочери, перенеся 900 дней блокады, потом тяжело болели до самой смерти.

В блокаду погибла и моя бабушка Прасковья Тимофеевна Солодова, попав под очередную артобстрел города Ленинграда. Много наших родственников захоронено в братских могилах Преображенского, Пискаревского и других кладбищ в военно-блокадное время.

Пусть земля им будет пухом!

Уходя на фронт, папа просил мою маму сберечь детей. Этот наказ мама пронесла через всю жизнь и выполнила.

Нас отправили в эвакуацию, но железную дорогу уже бомбили фашистские самолеты. В то время вагоны были не такие, как современные электрички, они скорее напоминали теплушки. Когда послышался гул самолетов, была дана команда оставить вагоны и бежать в укрытие. Мы бросились в лес и залегли. Это был подлесок с болотными кочками, стоял

Весна 1941 г. Томочка и Майечка

сильный грохот. Самолеты сбросили бомбы на состав и улетели, и вдруг наступила звенящая тишина. Я встала и увидела, что рядом

лежат мама, сестренка и по всему болоту лежат люди, а вагоны горят. Мама схватила нас за руки и мы побежали. Потом мама рассказывала, что, когда мы переползали под вагонами на станции, нам подали руки и затащили в вагон девушки. Они ехали на рытье окопов.

Так мы оказались в девичьей бригаде на окопах. Нас разместили на берегу небольшой речки (шириной 3–4 м). За речкой была деревня, а окопы рыли за деревней. Нам из листов фанеры соорудили домик, где можно было ночевать. Рано утром мама с девочками уходила рыть окопы, а я полностью отвечала за сестренку. Обед нам приносили из деревни.

Однажды утром, когда мы шли умываться на речку по деревянному мосту, Томочка (сестренке еще не было четырех лет) вдруг увидела в воде свое отражение. Она запустила в него мылом, а потом за мылом прыгнула с моста в воду. Плавать мы не умели. На мой крик кто-то прибежал и спас ее.

Но вскоре стали бомбить и здесь, и мы вернулись с девушками в Ленинград. Мама

Детский сад. 1940 г. Майечка приготавливает пищу на керосинке

**Василий Афанасьевич
Черняков до войны**

**Прасковья Тимофеевна
Солодова**

стала работать на военном (номерном) заводе в литейном цеху и из шихельницы выросла до мастера литейного цеха. Нас определили в детсад при заводе на круглосуточном режиме. Детсад был небольшой, но очень уютный. Персонал — две учительницы — мать и дочь — и няня, которые жили вместе с нами, детьми, и отдавали свое тепло, заботу, ласку нам. Вскоре после войны они умерли. Вот стихи бывшего блокадного школьника Анатолия Молчанова, который очень верно подметил:

*У всех, кто в блокаду выжил,
Был добрый ангел-хранитель,
Не с куц небесных, а ближе —
Земной ленинградский житель,
Под темным блокадным небом
Он горя не сторонился,
Делился теплом, и хлебом,
И жизнью своей делился.
Он был молодым и старым,
Знакомым и не знакомым,
И он помогал задаром —
По братским блокадным законам.
Но чаще был ангел мамой,
Святой ленинградской мамой,
Свой хлеб отдающей мамой,
Бессмертной блокадной мамой.
О, женщины дней блокады!
Достойной вас нет награды.
Вам каждой простой, сердечной,*

*Воздвигнуть памятник надо
И надпись высечь навечно:
Вы жизнь сберегли в Ленинграде.*

У мамы редко бывали выходные, но когда это случалось, она забирала нас домой. Мы с сестренкой очень любили и ждали, когда будем наедине с мамой в комнате, где углем будет истоплена круглая печь «буржуйка», а мы перед тем как лечь в обнимку с мамой на большую металлическую кровать, перед керосиновой лампой, сбросив платяице, лифчик, рубашку, чулочки просмотрели все внутренние швы своей одежды, чтобы не принести в постель платяную вошь. В тот период в городе были вши. Я помню, что чистоте в то время уделялось много внимания. Работали санпропускники.

Однажды нам сказали, чтобы мы быстрее одевались, за нами сейчас придет мама. Мы радостные, оделись и от нетерпения выбежали за территорию детсада на тротуар. Была снежная пурга. Ветер валил с ног. Мы испугались, обнялись и сели на тротуар. Снег валил хлопьями, и нас занесло снегом. Мама шла за нами и споткнулась о бугорок. Когда она раскопала его, то увидела нас. Очень долго мне припоминали это самоволие.

Как-то при очередной бомбежке на территорию детсада, которая была большой,

**Вера, Любовь и Надежда Черняковы
перед войной**

упала авиабомба и не взорвалась, а глубоко ушла в землю. Этот угол огородили проволокой и детям строго запретили туда ходить. Когда я смотрела на проволоку, то испытывала сильный страх.

В пятидесятые годы минеры стали освобождать Ленинград от неразорвавшихся снарядов, раскопали и эту авиабомбу. Она была длиной 10 метров и диаметром в середине 1,5–2 метра.

В военно-блокадное время я очень любила мучную кашу (заваруху) и дуранду (ею кормили скот). Но когда в мирные пятидесятые мы с сестренкой решили сварить мучную кашу и поесть, то поняли, что вкус голодного человека резко отличается от вкуса сытого. Эту кашу, некогда любимую, невозможно было есть даже со сливочным маслом, а дуранда вообще несъедобна.

В 1944 году я пошла в школу, и мы стали выступать в госпиталях. Я читала стихи раненым. Мы шили кисеты, мешки, рукавицы. Каждый был прикреплен к своему раненому, чтобы никого не пропустить и не обидеть. Особенно помнится красивый молодой парень с огромной шевелюрой черных волос без рук и ног (обрубок). Томочка долго плакала (уж больно ей было его жалко) и уговаривала маму взять его к нам в семью. Но это было невозможно. Вскоре всех раненых перевели на остров Валаам, и у нас связь с ними прекратилась.

В школе нам каждую неделю на большом экране показывали фильмы, а когда показали фильм о Зое Космодемьянской (я училась во 2-м классе), то после просмотра я отдала сумку с учебниками подружкам, сняла обувь и босиком по мокрому снегу (была сильная снежная слякоть) прошла от школы до дома, приблизительно 1,5 километра, проверила, могу ли я перенести муки Зои. Ночью

поднялась температура до 40°C. Я потеряла сознание. Диагноз — скарлатина. Месяц проболела, поправилась без осложнений.

Всегда и везде со мной была моя мама Екатерина Михайловна Макеева, великая труженица, человек с совестливым взглядом, сильной волей к жизни, большим умом, нестигаемым характером. Она могла вокруг себя организовать такую жизнь, чтобы всем было хорошо. Ее и сейчас вспоминают мои друзья и соседи.

Мама была удивительной женщиной, великой оптимисткой, доброй, отзывчивой на любые просьбы (купать детей, отмывать покойников, ухаживать за больными, и все это задаром, по велению души и из чувства сострадания), терпеливой и очень мудрой.

Мама Екатерина Михайловна Макеева

Перенесла много потерь, горя и разных трудностей, она не сломилась. Выростила троих детей,

обеспечила им всем высшее образование при поддержке государства. За эти качества и добрые дела маме была отпущена долгая жизнь. Родилась мама в декабре 1903 года, а умерла в ноябре 2002 года не дожив 12 дней до своего 99-летия. Я благодарна ей и всему моему окружению, что в свои 72 года, несмотря на болезни, еще бегу по жизни, а не иду.

Желаю всем, кто читает эти строки, счастья.

Дети и блокада

Алла Александровна САМОХВАЛОВА

*И тем блокадным днем кровавым
Мне желтый ивовый листок
Казался лишь осколком ржавым,
Вонзившимся у самых ног.*

*В том городе, огнем обвитом,
В два пальца сатана свистел.
Мне было страшно быть убитым...
Я жить и вырасти хотел.
Олег Шестинский*

Александр Исаевич Солженицын говорил, что человек не должен уходить, не оставив воспоминаний о пережитом. Мы, пожилые люди, многое пережили и многое помним. Великая Отечественная война и 900-дневная блокада Ленинграда — самые трагичные страницы нашей памяти. Историки, анализируя положение мирного населения в условиях военного времени, нередко называют детей «невинные мученики войны». К глубокому сожалению, они правы. Ведь дети беззащитны, и если старшие в меру своих сил и разумения что-то пытаются предпринять, то младшие могут только эмоционально реагировать на происходящее плачем, мольбами, просьбами... молчанием. Вот несколько детских судеб.

*Мой брат Шурик и его мама тетя Нина.
1939 г., Пушкин*

К началу войны у меня было два двоюродных братика: Шурик, 4 лет и Игорек, 1 года 4 месяцев.

С наступлением блокады Шурик часто оставался дома один. Его отец (мой дядя) Николай Иванович Самохвалов имел бронь, так как работал на оборонном предприятии и находился там на казарменном положении. Мать, тетя Нина, часто отлучалась из дома, чтобы отоварить карточки и достать что-нибудь из еды. Однажды в конце ноября Шурик голодный и замерзший, решил самостоятельно разжечь «буржуйку» и устроил пожар. Когда мама вернулась домой, то нашла его во дворе, завернутого в чье-то старое одеяло. Соседи спасли мальчика, но все жилье выгорело, так как водопровод не работал.

Некоторое время они жили у нас, а затем переехали к матери тети Нины на Крестовский остров. Мать вскоре умерла, а дядю Колю с бригадой рабочих завода отправили на лесозаготовки. Когда он вернулся — дом был пуст. Соседи рассказали, что Шурик умер, а его мама ушла и не вернулась. Наш маленький и забавный Шурик не дожил до 5 лет. Он похоронен на Пискаревском кладбище (могила №21).

Узнать что-либо о тете Ниночке не удастся и по сей день, как будто не было человека.

В январе 1942 года к нам переехал брат моей мамы дядя Костя с женой тетей Лизой и маленьким Игорьком. Днем ребенок как-то отвлекался от чувства голода, а по ночам просил: «Я бу ам» («бу» — хлеб или булка,

Игорек. 1942 г.

«ам» — кушать). Он со слезами повторял это много раз, как будто старался объяснить маме, а она его не понимала. Ничего не получив, он плакал горько и недоуменно. Потом перестал просить, видимо, всем своим крохотным существом осознав, что это бесполезно. Я до сих пор не могу без слез вспоминать его мольбы о хлебе, а став взрослой, поняла также всю глубину трагедии матери, когда ее дитя просит хлеба, а у нее его нет.

Дядя Костя умер в июне 1942 года и, так же как Шурик, покоится на Пискаревском кладбище. Игорь вырос. Жизнь его сложилась благополучно, но отца он не помнит, знает его только по фотографиям и рассказам. Страшную зиму 1941/1942 годов он тоже не помнит, но знает о ней все.

Страшных, незабываемых сцен в нашем городе было много. Я никогда не забуду, как

в феврале 1942 года мы с мамой шли домой из ее госпиталя, где ей дали увольнительную на сутки. И на месте нынешнего Торжковского рынка стояли несколько женщин, а около них был маленький мальчик. Мы подошли ближе. Он отчаянно кидался к каждой из женщин и умолял обменять кулечек сахара на хлеб. Его пытались убедить, что сахар калорийнее хлеба, но этим доводам он не внимал. Мы узнали, что его отец погиб на фронте, мать умерла от голода, сестра 14 лет слегла от истощения, ему самому было всего 7 лет, карточки у них украли, а было только 3 февраля. Я до сих пор не могу спокойно рассказывать об этой встрече. Чем мы могли ему помочь? Мама дала крошечную дольку шоколада, одна из женщин — обломочек дуранды. Хлеба ни у кого из нас не было. Смеркалось. Он ушел, а мы не расходились и смотрели ему вслед. Он шел, держа перед собою пакетик с сахаром. Черное пальтецо, маленькая пряменькая фигурка и поднятая головка с окаменевшим личиком. Он был воплощением обреченности и безысходного трагизма.

Одного этого ребенка было бы достаточно для вынесения обвинительного приговора нацистам на Нюрнбергском процессе.

В конце марта, когда стало пригревать солнышко, я выбралась навестить свою подружку Галю Баринovu, с которой мы вместе учились в школе №46 Приморского района. И застала горестную картину: в маленькой комнате, на кровати лежали обессиленные от истощения мама и два братика трех и семи лет. Папу убили на Ленинградском фронте. Тяжесть блокадного быта легла на плечи 10-летней девочки. Слава богу, ее мама, она сама и младший братик выжили, но семилетний Боренька умер. Подобные ситуации были почти в каждой ленинградской семье. В нашем доме жила семья Савиных, в которой был единственный сын Сашенька, друг моего детства, так же, как и я, учив-

шийся в школе 46. Умный, интеллигентный мальчик, он умер в марте 1942 года, не достигнув 12 лет и пережив с января того же года смерть отца и бабушки. Его мама прожила долгую одинокую жизнь с горькой памятью о погибшей семье.

Взрослые как могли старались сохранить нас детей. Словами благодарности и уважения хочется помянуть школьных учителей блокадной поры.

К прискорбию, моя первая учительница Евдокия Ивановна Волгушева умерла в феврале 1942 года и покоится в братской могиле Серафимовского кладбища. Помню опухшую от голода учительницу, которая пришла к нам в апреле. По заданию роно Петроградского района она обходила квартиры и выясняла, кто из детей жив и кто в каком нахо-

дится состоянии. Записывала в школу, в том числе записала и меня. Учебный год начался 2 мая 1942 года. И я со своими выжившими одноклассниками встретились в третьем классе школы №47.

Педагоги не только учили нас, они проводили с нами зарядку, информировали о положении на фронте, во время тревоги сопровождали в бомбоубежище, где продолжали занятия или что-либо рассказывали, чтобы отвлечь нас от чувства страха.

Учителя блокадного Ленинграда делали все, чтобы дети осажденного города выжили и выросли добрыми, порядочными людьми.

Мы выжили, прошли долгий трудовой путь и свято помним, кому мы обязаны жизнью, что пришлось пережить и всех, кто погиб, не дожив до 27 января 1944 года.

*2-й класс школы №46 Приморского района. Классный руководитель Евдокия Ивановна Волгушева
17 апреля 1941 г.*

Кукла спасла мне жизнь

Ирина Алексеевна ЗИМНЕВА

Когда началась война, мне было 2 года 8 месяцев. Мама работала на Кировском заводе, отец в первые же дни ушел на фронт, он был кадровым военным. А я оставалась с няней — молоденькой девушкой из деревни под Лугой (Воронино, Батецкого района). Вскоре маму перестали отпускать домой с завода каждый день и она стала приходить только на выходные. В один из таких дней она пришла и застала меня одну дома, зареванную, голодную. Оказывается, няня, узнав, что немцы подходят к Луге, убежала к себе домой, бросив меня. Мама определила меня в детский сад или в детский дом (уже не узнать, мама умерла давно), а в середине июля детей стали вывозить в эвакуацию. Говорили, что это на несколько дней, война скоро закончится, поэтому без вещей, только с куклой и маленькой сумочкой мама отправила меня вместе с другими детьми Дзержинского (мы жили на улице Пестеля до войны) или Кировского района (работала на Кировском заводе). На всякий случай надела мне на шейку медальон с адресом и сведениями обо мне. Давая куклу, мама наказала не выпускать ее из рук, никому не давать ее.

Потом, после войны, мама говорила, чтобы я берегла куклу, она спасла мне жизнь, когда наш эшелон разбомбило под городом Старая Русса. Особо на эту тему мама не говорила и просила, чтобы я об этом не рассказывала. В 1984 году мама умерла. А в 1985 году разре-

шили продавать дома в деревнях Новгородской и других областей. Моя семья очень хотела купить дом. Мама одного из учеников, Игоря Белогарова, сказала, что в деревне, где живет ее мама, продают дом. Мой муж поехал туда и сразу купил дом. Через некоторое время мы надумали построить баню и пригласили плотника, а он говорит:

— Можно я буду работать со своим другом Алексеем Осокиным?

Когда баня была готова, мы все собрались за столом и разговорились. Разговор зашел о войне, и Алексей рассказал как разбомбили эшелон на станции Лычково и

ему пришлось разбирать остатки вагонов и вывозить трупы на кладбище. Вот что он рассказал:

— Я разгребал остатки досок и железок из первого вагона. Вдруг я увидел под трупом детскую ручку, в которой была зажата красивая куколка. Я захотел забрать эту куклу и привезти своей сестре Тасе, которой в ту пору было 12 лет, а мне 14. Но куклу держала крепко детская ручка. Я позвал взрослых и под трупами мы откопали живую и невредимую малышку.

К этому времени всех выживших после бомбежки уже увезли, воспитатели развезли раненых, а малышку я увез к себе в деревню Белый Бор, где жила моя семья. Мама одна растила пять ребятишек (отца в 1937 году увезли на «черном вороне») и бабушка жила с нами. Когда немцы пришли в Белый бор, наш дом понравился им больше всех, нас выгнали из дома, и мама с бабушкой и всеми детьми

ушли в болота. Там от воспаления легких умерли двое своих детей. Когда мама дошла до расположения наших войск, по-моему, в деревне Молвотицы, там мама отдала девочку, потому что лишний рот ей был ни к чему.

Дальше не знаю, но каким-то образом маме сообщили, где я нахожусь, и мамин брат Жерихов Николай Васильевич, который был в то время заместителем наркома танковой промышленности, на самолете привез меня к маме в блокадный Ленинград. И мама сказала: «Умирать будем вместе, больше никуда, никому не отдам».

Тогда за столом я Леше Осокину и сказала, что мне тоже мама говорила, будто мне жизнь спасла кукла. Алексей ответил, что у него в Ленинграде живет дочь и когда он к ней поедет, то заедет к нам, так как хочет посмотреть куклу. А Старая Русса недалеко, всего 25 км от Лычкова. И другого эшелона здесь не бомбили.

Прошло полгода, вдруг звонит Алексей: «Я сейчас в Ленинграде, хочу посмотреть куклу». «Приезжай, я жду», — ответила я.

Алексей приехал и рассказал:

— У моей куклы есть особая примета, она очень красивая с закрывающимися глазками, а девочка ее не отдавала, и я вырвал куклу у нее из рук, при этом ручка у куклы надломилась. Девчонка при этом впервые за все время заплакала. Тогда я заматал ручку черной изолентой. По изоленте я ее и узнаю.

У моей Валечки (так зовут мою куклу) сломанная ручка заматана черной изолентой. Такой я помню свою Валечку всегда. Алексей сразу узнал мою куклу. Так я встретилась с человеком, который спас мне жизнь. Почти через 60 лет наши дома оказались на одной улице в деревне Ямник (10 км от Лычкова).

За два дня до эвакуации

Алексей уже умер, но с его сестрой Таисией, по-прежнему живущей в Белом Бору, мы поддерживаем добрые, почти родственные отношения.

После окончания школы я поступила в ЛГПИ им. Герцена и 42 года проработала в школе учителем физики. Была победителем конкурса «Учитель года» в 1995 году. Мне было присвоено звание «Учитель высшей категории». Мои ученики были победителями районных, городских и международных олимпиад, со многими учениками поддерживаем связь — встречаемся или перезваниваемся.

Когда в 1996 году я услышала по радио выступление Пожедаевой Л. В. о событиях в Лычкове, я пыталась дозвониться до студии, но не удалось. В 2000 году я познакомилась с Лидией Филипповной Жегуровой, и она заразила меня идеей увековечить память детей, погибших на станции Лычково. Когда встал вопрос о создании памятника детям, я поняла, что не могу остаться в стороне, и помогала лычковскому Совету ветеранов чем могла. Поэтому в памятнике есть и моя душа.

Мы жили под девизом «надо»!

Мария Васильевна АНТОНОВА

22 июня 1941 года мы находились на даче в Лисьем Носу. Мы с сестрой шли по улице со станции, когда из-за дома выбежала женщина и крикнула нам: «Девочки, война!» Мне было 12 лет, а сестре 14.

На следующий день начались сборы и отъезд в город. Поезда уходили переполненными, все спешили вернуться в город.

У родителей нас было четверо — три сестры и брат, я самая младшая.

В нашем доме, находившемся у Обводного канала, в подвале начали оборудовать бомбоубежище. Дети как могли помогали взрослым. Мы делали все, что нам говорили, носили на чердаки песок и воду. Отец был мобилизован на Ладожское озеро — на спасительную Дорогу жизни. Старшая сестра училась в медучилище, но в основном работала в госпиталях. Посылали их и разбирать завалы, и ломать деревянные дома на топливо. Средняя сестра подростком пошла работать на завод недалеко от дома. Ее домашней обязанностью было ходить в магазин и отоваривать наши продовольственные карточки.

Однажды в наш двор вбежал человек в плащ-палатке и каске, это был настоящий немец. Краснощекый, он озирался вокруг, смотрел на нас. У него на поясе висели гранаты, это был один из немецких десантников. За ним бежал наш солдат с автоматом, крича: «Руки вверх!» Мы с любопытством смотрели на происходящее. Оказалось, что фашист скрывался в подвале нашего дома.

В августе 1941 года мы увидели первые воздушные бои. Ребята весело выбегали во

двор и, глядя в небо, кричали: «Наш побеждает!». В небе ревели моторы, на землю сыпались осколки. Взрослые с ужасом загоняли нас в парадные. Первое ощущение опасности и понимания, что такое война, пришло от вида раскаленных осколков снарядов, со свистом и шипением сыпавшихся на землю. Но настоящее чувство страха пришло в начале сентября, когда была первая бомбежка. На город сбросили множество зажигательных бомб, стрелявших огненными осколками, как трасирующими пулями.

Горели Бадаевские склады, пожар был и рядом с ними — у Обводного канала в районе Лиговского проспекта. Небо стало черным от дыма. После те, кто постарше, бегали к разбомбленным складам за жженым сахаром и угощали нас. Его вкус навсегда остался в памяти.

Перестало хватать продуктов, опасность стала ощутимой.

Над городом разбрасывались вражеские листовки. Вначале содержание было такое: «Советские дамочки, не ройте ваши ямочки, придут наши таночки, заруют ваши ямочки» — это обращалось к женщинам, рывшим окопы вокруг города. А когда начался голод, содержание стало таким: «Чечевицы поедите, Ленинград отдадите». Затем в листовках утверждалось, что 25 октября Риббентроп на белом коне проедет по Дворцовой площади.

Мы собирали листовки и спускали их в люки. Сейчас жалею, что ни одной не сохранила, но тогда это не приходило в голову, да и опасно было их оставлять.

Налеты и бомбежки стали постоянными, все сильнее ощущался голод. Дети почти не выходили во двор гулять. Игры стали военными — воздушные и рукопашные бои и подобные им.

В ноябре уже начался настоящий голод, карточки почти не отоваривали. Моя средняя сестра Аня отвечала за отоваривание карточек, в 5 часов утра она ходила занимать очередь в магазин, находившийся на углу Лиговского и Обводного. Однажды меня послали проверить ее. Проходя мимо поликлиники, я увидела воз, заполненный покойниками. Они лежали, как дрова, ничем не прикрытые. Проходящие мимо люди приостанавливались, смотрели с ужасом в глаза. От увиденного я забыла про сестру и магазин, вернулась домой, ничего не понимая — наяву это или страшный сон. Это было начало трагедии. От голода и холода первыми умирали беженцы из пригородов Ленинграда. Их поселяли в школах, где уже не было отопления и света. Впоследствии возле школ выросли целые холмы покойников. Мы уже приняли эту действительность и перестали ее бояться.

Жизнь в городе постепенно замирала. Участились бомбежки и артобстрелы. В 50 метрах от нашего дома стояло зенитное ору-

дие, на него сбросили 500-килограммовую фугасную бомбу, затем было сброшено много «зажигалок», в нашем дворе они упали на деревянные сараи. Была просто картина ужаса — наш 3-этажный флигель раскачивался, как лодка, в окнах сплошное пламя, треск и грохот, а все это происходило ночью. Обе сестры металась по комнате, ища одежду, я же всегда спала одетая, даже с котомкой, где на всякий случай лежали необходимые вещи. Мы никогда не спускались в бомбоубежище. Мать уходила с противоголодом дежурить на чердак и крышу, а мы всегда стояли возле круглой печки, может быть, потому, что в срезах разбитых домов видели уцелевшие печки.

Мужчины, какие остались в доме, выбежали во двор и стали быстро сбрасывать «зажигалки» с сараев, ликвидируя большой пожар, ведь все хранили в сараях дрова.

От упавшей бомбы осталась огромная воронка. Весной в ней образовался небольшой пруд, а в лучшие времена воронка стала нам горкой для катания на санках и лыжах.

Наступила страшная зима 1941/1942 годов. В домах не было света и воды, топили мы только «буржуйку» в комнате, на ней же и готовили. К бомбежкам и обстрелам как-то привыкли, но привыкнуть к голоду не могли. Мы

уже научились определять звук немецких бомбардировщиков и были начеку еще до сирены по радио. Но вот смолкло и радио. Страшная тишина, темнота. И только наутро люди выходили посмотреть, что разрушено, кого не стало в живых, да еще получить в булочной те небольшие кусочки хлеба, теперь известно какого. Но и такому хлебу мы радовались. Помню, как мы жадно смотрели, как мать разрезала хлеб на дольки, чтобы поровну разделить на всех. Наш обед обычно состоял из тарелки дурандового супа — дуранду мы выменивали на вещи, — куда добавляли совсем немного, «для духа», крупы. Обязательно на столе был самовар с кипятком, так как по нескольку раз мы разбавляли гущу супа, подсаливали, делая из одной тарелки супа — три. Так делали все. Зато потом все ходили как старики, с водяными мешками под глазами.

К нам часто приходил мальчик лет шести из нашего дома, сын маминой подруги. Обычно он забирался на тумбочку, его тонкие ножки не доставали до пола и висели, как плети, ручки он складывал на колени, горбился, на худом лице его — только эти водяные мешки под глазами, превращавшие глаза в щелки. И этот маленький старичок вещал, что у них у каждого для супа по кастрюльке, чтобы можно было больше раз разбавлять суп кипятком.

За водой мы ходили на соседнюю улицу, где из люка бил фонтан. Канализация не работала, все нечистоты выливались прямо во дворе.

Народ вымирал. В нашей квартире умерло пять человек. На улицах лежали покойники. Люди еще передвигались и больше всего боялись упасть. Если человек падал, он уже не мог подняться и умирал. Поднять его ни у кого не было сил.

Наша семья пережила страшную зиму, меняя вещи на продукты. Так, за зеркальный шкаф мы выручили два килограмма муки. Находились люди, которые работали в пищеблоках, на складах. Они имели продукты и ме-

няли их на вещи и золото, обогащаясь таким образом.

Ближе к весне стало полегче. Как мы радовались, когда заговорило радио да еще объявили прибавку к норме хлеба. Стали объявлять выдачу продуктов по карточкам.

Весна пригревала, хотя бы не стало холода. Продовольственные карточки школьников прикрепили к школьным столовым. Начались занятия.

Я была в пятом классе, мы считались старшими. На нас лежала вся обслуга школы — персонала не было и его заменили старшими школьниками. Мы заготавливали дрова, на саночках тащили с лесопилки бревна, пилили их и кололи, топили печи.

Весной, чтобы не было эпидемии, все мы вышли на уборку города, скалывали замерзшие нечистоты. Отряды МПВО вытаскивали оттаивающие трупы из квартир и школ.

Открылись первые бани. Вот где обнажился ужас пережитого — люди оказались ходячими скелетами. Мужчины мылись вместе с женщинами, никто не обращал друг на друга внимания, все стремились отмыться.

Всю зиму люди по-настоящему не мылись, появилась вшивость. Это явление всегда сопровождает голодных людей. В школе я была санитаркой. Перед началом занятий всегда проходил осмотр одежды и головы. Иногда осматриваешь рубашку ученика — чистая, а в швах находится вошь. Конечно, это бедствие было, относились все с пониманием, принимали меры, проводили дезинфекцию.

Летом 1942 года на пришкольном участке мы разбивали грядки — ведрами носили землю и сажали овощи, в основном турнепс. Когда пропалывали грядки, если попадалась лебеда или крапива — складывали их в сумочки, специально сшитые для школьного пайка. Траву мы собирали везде, мимо не проходили, приносили домой, чтобы сварить из нее суп. Нам и в школе давали суп с мокрицей, лебедой и крапивой.

Город покрылся огородами. Грядки были у нас во дворе и на набережной Обводного канала. Семена нам не давали, давали рассаду и ростки картофеля в жилконторе. От таких ростков и рождалась одна-две картофелины, а рассада была только турнепса.

Все дни лета мы проводили в школе, кроме занятий проводилась подготовка по военному делу — нас учили тушить «зажигалки» и пожары, оказывать первую помощь раненым. Проводились соревнования между школами и районами. За активное участие в соревнованиях по ПВХО меня наградили грамотой, в которой были лозунг: «Ленинград — фронт. Каждый ленинградец — боец» и портреты Сталина и Жданова.

Бомбежки и обстрелы продолжались, но мы научились лавировать на улице, уже зная, с какой стороны больше стреляют. Появились обозначения на стенах зданий: «Эта сторона при артобстреле наиболее опасна». Но вот страх перед голодом остался в сознании на всю жизнь. Помню, как мой 7-летний брат возвращался домой из школы. Он переходил мост через Обводный канал, когда начался обстрел. Солдат крикнул ему: «Ложись». Брат, конечно, выполнил команду, но при этом разлил соевое молоко, которое ему выдали на паек в школе. Он пришел домой с таким ревом, и ревел больше из-за разлитого молока — то, что его могли ранить или убить, уходило на второй план.

Не помню, когда в доме снова появилось электричество, но до этого мы пользовались маленькой коптилкой — опускали фитилек

в баночку с маслом, мы называли ее «моргасиком». Вечером мы сидели вокруг моргасика, и каждый занимался своим делом. Домашние уроки тоже приходилось делать при свете коптилки. Но моргасик вспоминается с теплотой, он создавал уют.

Занятия в школе проходили и летом, и зимой. В зимнее время в классах стояли вешалки для теплой одежды. Парты были сдвинуты к стене, подальше от окон — на случай обстрела или бомбежки.

В 1943 году я вступила в комсомол. Решилась без всяких сомнений, иначе и не могло быть — каждый был патриотом.

В середине января 1943 года я пошла в школу, а когда вышла из дома на набережную, началась жуткая канонада. Со стороны Пулкова слышался адский грохот, все гудело, на темном небе мелькали огненные вспышки. Я вернулась в свой двор, но потом, поборов страх, пошла в школу, пробираясь вдоль стен. В классе мы не раздевались, сидели, прислушиваясь к канонаде, но занятия не прекращались. Сказали, что это наши войска пошли в наступление. Трудно представить, как ково было нашим солдатам в этом аду!

18 января 1943 года наши войска прорвали блокаду, радость была неопиcуемая! Появилась уверенность, что выжили. Но опасности еще подстерегали на каждом шагу, ожесточились обстрелы.

Летом 1943 года меня ранило в голову. Наверное, из-за обстрелов летом нас переводили с Обводного канала в другие школы. Я возвращалась из школы по Лиговскому проспек-

ту в районе Свечного переуллка, когда начался обстрел. Били шрапнелью, сначала слышался выстрел, свистел снаряд и взрывался в воздухе. Стреляли с интервалом в три минуты, и я двигалась перебежками между выстрелами, и так добралась почти до дома. Ударила шрапнель, я спряталась в соседнем доме и смело вышла, зная, что будет пауза. Но тут начался шквал — летели дальнобойные снаряды. Тупое давление на голову, в глазах потемнело, ощущение теплых струй крови по шее и лицу, сознания я не потеряла. Я вернулась в соседний дом и крикнула сидевшему во дворе старику: «Дедушка, меня ранило». Он испугался и убежал от меня. Тогда из другой парадной выбежал моряк, он прижал к моей голове носовой платок и отвел меня в поликлинику на другой стороне Обводного канала.

Обстрел продолжался, при каждом взрыве врач невольно вздрагивал. Мне повезло — череп не пробило, пять небольших осколков вытащили. Моряк расцеловал меня и сказал, что отомстит, что за мою кровь прольется десять кровей немцев! А через месяц пришло извещение, что он погиб.

Мне, конечно, выстригли волосы, голова была забинтована, и в школу я ходила в платке. Преподаватели, кто не знал, говорили в классе: «Марусенька, снимите платочек», и все ребята хором отвечали: «Она ранена».

К весне и лету 1943 года жизнь в городе становилась все более полнокровной. Стали работать кинотеатры, мы часто ходили во Дворец пионеров, где играли в различные игры, иногда даже были концерты. Помню, была у нас экскурсия в Музей-квартиру Пушкина. В его кабинете директор радио Чернявская читала нам «Медного всадника». Вдруг зазвучала сирена-тревога, погас свет, раздался выстрелы и взрывы. Когда погас свет, у Чернявской только слегка дрогнул голос, она продолжала читать. Мы замерли — стояла полная тишина, никто не двинулся с места, и было совсем не страшно. Впечатления

от этой встречи остались на всю жизнь. Всегда вспоминаю этот эпизод, проходя мимо Музея Пушкина.

Указ об утверждении медали «За оборону Ленинграда» вышел в конце 1942 года, ею наградили многих школьников. Меня наградили в декабре 1943 года в райсовете Фрунзенского района. Было очень торжественно, нас вызывали на сцену наравне со взрослыми и вручали медали. Я испытывала какое-то захватывающее чувство. Я, девчонка, впервые попавшая в такой большой зал, бегу по красной ковровой дорожке, да еще на сцену, под аплодисменты, после всего пережитого и той обстановки, в которой мы находились.

Считаю, что Ленинград выдержал блокаду за счет трудолюбия, чувства долга и ответственности. Мы жили под девизом «надо!». Надо, чтоб немец не вошел в Ленинград, — как это, немцы войдут в город?! К этому был внутренний страх, и каждый стремился внести свою лепту, работали взрослые и дети. Мама моя до войны была домохозяйкой — воспитывала четверых детей. После страшной зимы 1941/1942 года она работала дворником, а затем в артели — вязала необходимые изделия. Я помогала ей.

Волей судьбы наша семья осталась в живых. Все ее члены, кроме моего младшего брата, награждены медалью «За оборону Ленинграда». Мама была религиозной, и, хотя, я была комсомолкой, мы с соседкой под руководством мамы ходили на чердак и вокруг дома, читая молитвы. Без веры нельзя, и в глубине души она всегда у меня была.

1945 год — Победа!!! Окончание войны трудно описать, не хватит слез радости и слов выразить чувства, которые мы испытывали тогда да и сейчас. Все пережитое неизгладимо и в памяти останется на-все-гда! Сейчас, когда смотришь и слышишь хронику, слезы невольно наворачиваются на глаза. И думаешь — как это все мог пережить человек? А вот — смог же!

Валентина Федоровна БОЛОТНИКОВА

Я, коренная Ленинградка-петербурженка родилась 18 января 1931 года в Ленинграде. Вся наша семья — отец, рабочий на заводе «Севкабель», мама, кассир-продавец в магазине, и я единственная дочь жила на Васильевском острове в Гавани. Известия о начале войны я встретила в 12 часов выходя с детского утренника. Все ужасы блокады, а я находилась в городе все 900 дней, прожили как все: голод, холод, бомбежки, трупы людей на улицах — обо всем

этом уже написано и сказано много. Остановлюсь на некоторых личных воспоминаниях.

Как сейчас перед глазами стоит сидящая фигура умирающей на улице женщины с кусочком хлеба в руке. На моих глазах, на улице, при артобстреле оторвало ногу у другой женщины. Все это было и до сих пор не забывается.

Я училась в школе №16, но зимой 1941/1942 года мы не учились, так как лопнули все трубы отопления да и ученики были слабы. Но уже в следующем учебном году нас перевели в школу №6, где было печное отопление. У одной из наших учениц, Цветковой Тамары, в блокаду умерли родители, но она не захотела идти в детдом. Мы всем классом помогали ей по дому, а одна из учительниц оформила над ней опеку. Тамара выжила, имеет прекрасную семью, до сих пор приходит на наши встречи.

У меня в памяти и душе сохранились лица наших школьных преподавателей. Особенно запечатлелся облик директора школы

Валентины Анатольевны Ермаковой: всегда энергичная, подтянутая, небольшого роста, на ногах туфельки на высоком каблуке. Она похоронена на Смоленском кладбище, и я всегда захожу на ее могилку, когда посещаю могилу своих родителей.

С большой теплотой, любовью и благодарностью вспоминаю Анну Павловну — библиотекаря школы №6. Она была одинока и всю любовь, ласку души отдавала нам, многих сплотив вокруг себя. Мы же

были ее помощниками и в школе, и дома. Помогали ей по хозяйству, даже пилили дрова. Светлая ей память!

Во время войны я жила в семье моей крестной (родной сестры моей мамы). Моя мама была направлена на оборонные работы, а отец страдал болезнью желудка и умер в феврале 1943 года. У тети Симы был сын Леня, 1936 года рождения, а в апреле 1943 года родилась дочь Лариса. Муж тети воевал на Ленинградском фронте и иногда приезжал домой. Однажды он привез нам несколько свежих картофелин, и мы долго думали как нам их есть то ли прямо в шелухе, то ли отдельно. Сестричка Лариса спала в бельевой корзине, и мы опасались, как бы крысы не отъели ей нос. Муж тети Симы погиб в июне 1944 года. Лариса выросла, жизнь ее состоялась, и до сих пор мы с ней очень дружны.

На лето мама брала меня к себе в отряд, там было легче прокормиться, да и дары леса были большим подспорьем. Но и там были трагические случаи: одну из девочек на работе ранило, оторвав ногу.

Помню случай, когда связная повезла меня к маме в Шлиссельбург. Мы шли пешком по только что выстроенному железнодорожному мосту, который располагался высоко над Невой, расстояния между шпалами были неравномерными, а между ними пустота: чуть оступишься — и упадешь в Неву. Было очень страшно.

Когда возвращались обратно в Ленинград на пароме, то попали под немецкий артобстрел. Бог миловал — все остались живы.

В 1949 году я окончила школу с серебряной медалью, а в 1955 году закончила Горный институт. По распределению была направлена на работу в Северный Казахстан, затем работала во Всесоюзном геологическом институте инженером-геофизиком.

С детства и по сей день у меня осталась любовь к путешествиям, познанию страны, нашего города. Я очень люблю Петербург, езжу на экскурсии, просто хожу по городу, в музеи, на выставки. Я выражаю огромную благодарность нашему МО Пискаревка за организацию замечательных экскурсий.

Наше блокадное братство уникально. Мы уже больше 50 лет встречаемся нашим

блокадным классом. В 2002 году на нашу встречу мы пригласили журналистов газеты «Жизнь», и они написали о нас большую статью. На этих встречах царят шумные воспоминания, разговоры о детях, внуках, правнуках. Мы всегда поднимаем тост за наших мам, нас воспитавших и сберегших в военное блокадное лихолетье.

Последней из наших мам умерла моя мама — в 1998 году в возрасте почти 94. Когда мою маму хоронили на Смоленском кладбище, проститься с ней пришли мои блокадные подружки. Для меня это было огромным эмоциональным потрясением. Спасибо им.

На протяжении всей моей жизни у меня была и есть страсть и любовь к пению. Пою с раннего детства и до сих пор. Когда в 1988 году мы переехали в Калининский район, я посещала большой хор на улице Руставели, 13, но потом хор распался и выделилась группа сейчас состоит из 4-х человек (квартет). Репетируем в детском клубе «Непокоренные», принимаем участие в различных концертах. Сейчас на Гражданке кроме меня живут еще три мои блокадные подружки.

Нас было восемь

Рашид Ибрагимович АЛЕЕВ

В конце мая 1941 года, перед тем как поехать на дачу, родители справили мой день рождения. Я пригласил своих друзей, тех, что жили по соседству или учились со мной в одном классе. Мама и бабушка накрыли стол, приготовили много вкусных блюд, купили пирожные и лимонад. Было очень весело, мы читали стишки, пели песни, играли в жмурки и фанты.

Нас было восемь детей, от девяти до десяти лет, три девочки — Аннушка, Верунчик и Машенька и пятеро мальчиков Коля, Вася, Миша, Марик и я. Все мы веселились, радовались начавшимся летним каникулам, и никто даже представить не мог, что очень скоро наша жизнь станет адом. Что Вера, которая не хотела быть врачом, потому что очень боялась покойников, будет спать рядом с умершими родными, не обращая на них внимания, а Аня заживо сгорит в своем доме.

Я нарочно перечислил имена моих друзей, потому что хочу рассказать, как сложилась их судьба в эти тяжелые дни, так похожие на судьбы тысяч детей — жителей блокадного Ленинграда.

КОЛЯ

22 июня началась война. Очень скоро немецкая армия подошла к Ленинграду и плотным кольцом окружила город. Фашисты сразу стали бомбить и поджигать Бадаевские склады, где были сосредоточены основные запасы продовольствия. Зарево от пожара было видно далеко, и люди плакали, смотря на эту кар-

тину. Всем было страшно за себя и особенно за детей.

Мы пешком добирались до пепелища, собирали землю, пропитанную горелым сахаром, и дома пили чай. Сахар растворялся в кипятке, а земля оседала на дне стакана.

Наступил тяжелый голод. Нормы хлеба с каждым днем урезали и достигли 125 граммов на человека. Хлеб состоял из жмыха, отрубей, немножко добавлялось кукурузной муки и, наверно, речного песка — когда хлеб ели, он хрустел на зубах. Мать

отоваривала хлеб в магазине, выстояв большую очередь, и поровну делила между всем семейством. Нашу с братом долю она делила еще на четыре части и выдавала эти кусочки в определенные часы. Мы с братом все время смотрели на часы и как только время подходило, просили мать выдать положенную порцию...

Голод продолжал наступать. В городе исчезли все кошки и собаки — их съели люди.

У Кольки от голода умерли мать и сестренка. Они с дедом остались одни. Однажды, еле передвигаясь, дед пошел в магазин отovarивать карточки. Когда он стоял за хлебом, продавщица пожаловалась, что магазин одолели крысы И тут деду пришла в голову спасительная мысль: а что, если их отлавливать и есть. С разрешения администрации продмага он изготовил и начал ставить капканы, отваривал крыс и ел вместе с Колькой. Это спасло их от голодной смерти. Кольке дед говорил, что ловит птиц. Они немножко окрепли и при первой возможности, эвакуировались по Ладожскому озеру на Большую землю. После

войны я встретил Кольку. Он рассказал, что в эвакуации дедушка вскоре умер, а моего друга отправили в детский дом, где после войны его разыскал отец, вернувшийся с фронта. После школы Колька поступил в Ветеринарный институт и закончил его. «Вероятно, крысиное мясо привило мне любовь к животным», — грустно шутил он.

Историю про то, как благодаря крысяти-не дед спас его от голодной смерти, рассказала Кольке моя бабушка. Оказывается, с ней поделился дедушка. Колька, конечно, тоже догадывался, но предпочитал об этом не думать.

Ленинградцы, даже те, кто по состоянию здоровья не могли служить, просили военкомов, отправить их на фронт. Армия мужественно защищала наш город. Сколько его защитников погибло, особенно, на Невском пяточке, прорывая блокадное кольцо. Это святая земля. Теперь мы знаем, что в мире нет места, где земля столь же обильно пропитана кровью.

Наш сосед дядя Ваня, хромой, несколько раз ходил в военкомат, просился на фронт. Мы, дети, хохотали над ним и говорили: «Какой же ты, дядя Ваня, солдат, если ходишь, как утка?»

АННУШКА

Наступила тяжелая холодная зима, квартиры не отапливались, замерз водопровод, приходилось ходить за водой на Неву. Там кололи лед, на санках везли домой, топили лед у «буржуйки», так называли временные печки из железа, и полученную воду пили. Я тоже ходил с матерью и на саночках тащил кусочки льда. Нева спасала ленинградцев от жажды.

На Неву ходили мы все. Мать говорила: — Нужно ходить, пока ходишь — живешь.

Мы всей семьей жили в самой маленькой комнате. Ее было легче отапливать. Там стояла «буржуйка». Топили ее чем попало — мебелью, книгами, обгоревшими чурками, собранными в разбомбленных домах. Спали мы,

прижав к туловищу согнутые руки и ноги, как кошки калачиком, чтобы меньше терять тепла. После войны я еще долго не мог лежать, вытянув ноги.

В нашей комнате висела черная тарелка — радио. Передавали музыку, песни, последние известия о положении на фронтах. Ольга Берггольц читала свои стихи, а диктор Мария Петрова — сказки. Когда передачи прерывались, включали метроном. Радио заставляло нас жить, бороться за выживание, а звук метронома мы воспринимали как сердцебиение города. Стучит, значит, город живет и нам нужно жить. Низкий поклон работникам блокадного радио. Они помогали нам выжить. Светлая память Марии Петровой, она своими сказками заставляла нас на время забыть о голоде. Мы, дети, не пропускали ни одной ее передачи.

Когда по радио объявляли сигнал воздушной тревоги, мы спускались в бомбоубежище. Я всегда брал с собой бидончик с невской водой. Многие ленинградцы во время бомбежек оставались дома, считали, что, если бомба попадет в дом, бомбоубежище не поможет, ведь это всего-навсего подвал.

Однажды по сигналу «тревога» мы спустились в бомбоубежище. Началась бомбежка, все почувствовали сильный удар. Задрожали стены и потолок, и казалось, вот-вот все рухнет и придавит нас. Этого не случилось, бомба угодила в соседнее здание. Когда бомбежка закончилась и мы вышли на улицу, увидели, что от дома осталась только одна стена на втором этаже. В нише обнаружили два обгоревших трупа, прижавшихся друг к другу, — пожилого мужчины и девочки-подростка. Когда их сняли со стены, то на груди у мужчины обнаружили паспорт — его сберегла своим телом внучка — моя подружка Аннушка. Узнав об этом, я навзрыд заплакал, вспоминая, как она, белокурая, с голубыми глазами, сидела на моем последнем дне рождения и танцевала, приподняв ручками подол своего платья. Мне она очень нравилась.

Аннушка мечтала стать артисткой. Еще сегодня утром мы вместе гуляли в нашем дворе. Она лукаво улыбалась и смеялась, а я не предполагал, что через несколько часов ее не станет. Мать, увидев, как я переживаю, увела меня домой. Похоронили Аннушку с дедом в братских могилах.

МОЯ СЕМЬЯ

Выжили мы благодаря бабушке. Она пережила голод в Гражданскую войну и всегда делала запасы дешевых круп, сушила сухари из недоеденного хлеба, собирала и отдавала молочнице. Перед войной молочница заболела и накопился мешок сухарей, а еще грядка картошки, посаженная ею на даче, очень выручила нас. Все это помогло нам выжить. Нам давали по сухарику в день, мы их мочили и ели. Из картофельных очисток мать делала оладьи, до сих пор мне противен запах картофельных оладий.

Моя мать работала врачом в больнице, где медицинским работникам выдавали раз в день порцию баланды. Часть порции она приносила домой, и мы делили ее поровну между собой.

Мать устраивала соседей и знакомых в больницу, и это многим дало возможность выжить. Она говорила, что все болезни покинули ленинградцев, осталась одна — дистрофия. Постоянно хотелось есть, и однажды мы, дети, наелись трухи гнилого дерева — потом у всех началась рвота.

В моей памяти запечатлелся один случай. Произошло это зимой, в самый разгар голода. Мы с моим старшим братом гуляли вдоль набережной Фонтанки, шли в сторону Калинкина моста. Вдруг услышали гул. Обернувшись, увидели низко летящий немецкий самолет, видно было даже лицо немецкого летчика. Мы испугались. Ему ничего не стоило дать автоматную очередь, и нас бы не стало. Вместо этого он улыбнулся, помахал нам рукой и бросил на набережную не-

большой пакетик. Когда самолет улетел, мы подбежали к пакету, от удара о землю он развалился, и мы увидели четыре плитки шоколада. Плитки разломались, и кусочки шоколада рассыпались по земле. Мы собрали весь шоколад. Я хотел попробовать, но брат предупредил, что он может быть отравлен. Мы долго спорили, кому первым пробовать. Каждый хотел быть первым, чтобы уберечь брата от смерти. Наконец, мы кинули жребий — первым выпало пробовать старшему брату. Он проглотил кусочек шоколада. Я заплакал: мне было жалко его, что он может умереть, но время шло, а он умирать не собирался. Тогда я тоже попробовал кусочек. Мы собрали все крошки шоколада с земли и понесли домой. Это было большим подспорьем для нашей семьи и помогло нам выжить.

Есть на земле добрые люди — таким был тот молодой немецкий летчик. Видимо, ему стало жаль двух голодных детей.

Как хотелось бы с ним встретиться, от всего сердца поблагодарить и обнять его.

ВЕРОЧКА

Наступил Новый год. Мать сварила студень из столярного клея, сдобрив его лавровым листом, перцем и остатками сухого чеснока, а утром позвала свою подругу — соседку, мать Верочки. Вместо вина они выпили из хрустальных бокалов чай и закусили студнем.

— Какой вкусный студень, — сказала соседка. — Надо же, ты настоящая кулинарка. Из ничего приготовила такую вкуснятину. У меня сохранилась целая пачка клея. Как я не догадалась, сегодня же сварю студень.

Мать дала ей лавровый лист, перец и остатки чеснока и предупредила: «Клея клади немного и дай хорошенько застыть».

Вечером Верочка отправилась к своей тете, которая пообещала перешить ей пальто из своего старого. Они засиделись, воз-

вращаться было боязно, и Верочка осталась ночевать у тетки. Когда на следующий день она возвратилась домой, то пришла в ужас: отец, мать и братишка лежали на полу и корчились от боли. Выяснилось, что соседка сварила студень и, видимо, слишком много положила клея. Как раз с работы вернулся муж, и они, не дождавшись, пока студень застынет, выпили его горячим. Клей застыл у них внутри и вызвал кишечную непроходимость. Все трое умерли. Верочка осталась одна. Мать посоветовала никому не говорить о смерти родных и пользоваться их продовольственными карточками до тех пор, пока об этом не прознают в жилконторе. Умирало так много ленинградцев, что даже соседи уже не замечали, кто живой, а кто умер. Мать и Вера перенесли покойников в ванну — морозы стояли дикие. Верочка одна осталась в трехкомнатной квартире с покойниками в ванной — это ее не пугало, хотя до войны она боялась даже дохлой мыши. От голода у людей остается только инстинкт выживания.

Вера жалела свою тетю и подкармливала хлебом, который получала по карточкам, умерших родителей.

Так они перезимовали и выжили за счет этих карточек. Наступила весна. Вера открыла окно и, облокотившись на подоконник, смотрела на озаренную весенним солнцем улицу. Вдруг она почувствовала, что сзади кто-то стоит. Она машинально обернулась и увидела родную тетку с топором, готовую ее убить. Когда взоры их встретились, топор выпал у тетки из рук, она заплакала и убежала.

Вера, вся дрожа, прибежала к нам и все рассказала. Мать стала ее успокаивать, оставила у нас на ночь, а утром отвела в больницу, откуда Веру эвакуировали на Большую землю. Верочка выжила и после войны жила у тети вплоть до замужества. Она простила тетю, считая, что от голода та лишилась ума.

МАРИК

Наступила весна. Мы с Мариком, Васей и Петей пошли пешком на Марсово поле, чтобы собрать липовый лист, но, к нашему удивлению, все липы были голые, кто-то до нас их ободрал. Мы погуляли в Летнем саду и были опечалены: нигде в городе и даже в Летнем саду мы не увидели ни одной птицы. Они покинули голодный город.

Весной голодные ленинградцы с детьми вышли на улицы, чтобы очистить город от мусора, накопившегося за долгую зиму. Когда пустили первый трамвай, люди радовались этому событию, как празднику. Мы с Мариком и Верой тоже пошли на Невский, чтобы посмотреть на это диво. По радио из Филармонии передавали Ленинградскую героическую симфонию Шестаковича. Слушая ее, бабушка произнесла:

— Если зазвучала Филармония, значит, город жив и будет жить.

Но блокада продолжалась. Мне на всю жизнь запомнился день, когда мы с Мариком и моим старшим братом шли по Дворцовой площади. Начался обстрел. Объявили воздушную тревогу. Бежать было некуда, и мы легли на землю. Вдруг раздался взрыв, бомба попала в здание на углу Невского и улицы Гоголя, разрушив угол дома. После войны этот дом восстановили, но без угла. Взрывная волна прошла по Невскому и вышла на Дворцовую площадь, изранив осколками Александринскую колонну, но не повалив ее. Мы подняли голову и увидели бегущего в сторону Невского, морячка без головы. Он пробежал несколько десятков метров и упал.

Люди за хлебом занимали очередь вечером, чтобы уже в 6 часов утра получить свою пайку. Дедушка Марика оделся и пошел занимать очередь в магазин. Было уже темно, только полумесяц тускло освещал улицы. Дорога в магазин проходила около полуразрушенного дома. Вдруг дед почувствовал,

что ноги его отрываются от тротуара. С окна второго этажа на него накинули петлю и тянули вверх. Дед закричал, прося о помощи. На его счастье, по этой улице шел милиционер. Он подбежал и изо всех сил дернул дедушку за ноги. Вероятно, бандит был слаб, запутался в веревке и вместе с ней вывалился из окна и упал замертво на тротуар. Милиционер недавно прибыл с Большой земли, был полон сил. Ему удалось задержать сообщника.

При обыске у него обнаружили части человеческих тел. За людоедство он был расстрелян.

Дед пришел домой в тяжелом нервном потрясении, он весь дрожал и первое время ничего не мог объяснить Марику, до тех пор, пока внук не напоил его горячим чаем. После такого стресса дедушка вскоре помер. У Марика отец погиб на фронте в первые дни войны, а мать умерла еще в мирное время. Моя мать устроила его в ремесленное училище при заводе. После окончания их эвакуировали в Свердловск, где он работал на военном заводе. После войны он возвратился в Ленинград, закончил институт и стал директором этого завода.

ВАСЯ

Дорога жизни дала возможность немного увеличить норму питания. Кроме хлеба стали выдавать масло, американский шоколад, крупу, но этого все равно было недостаточно, голод продолжался. Весной мы с Васей и Петей в Юсуповском саду собирали крапиву, из которой матери варили щи, конечно, без мяса — просто на воде. Тогда это варево казалось нам очень вкусным.

Вася остался один: мать и бабушка умерли от голода. Еще до их смерти моя мать устроила Васю в больницу. Так он и не видел, как умерли его мать и бабушка. Через военкомат сообщили отцу в воинскую часть. С согласия военного начальства отец доста-

вил Васю в свою часть — так он стал сыном полка. Отец погиб в бою. На глазах у сына он пал от шальной пули. После войны Вася закончил военное училище и стал кадровым офицером, как его отец.

МАШЕНЬКА

Трагически сложилась судьба Машеньки. Они с бабушкой оформили документы на эвакуацию, и на следующий день должны были уехать на Большую землю. Рано утром, затемно, пошли в магазин отоварить карточки. Больше их никто не видел. Говорили, что их убили, отняли карточки и, вероятно, съели. Будто дворничиха опознала бабушку по найденной на помойке голове с вырезанными щеками. Тело Машеньки так и не нашли. Каннибализм в блокаду пресекался очень строго, за это расстреливали без суда. Поэтому это было редкостью, но отдельные случаи имели место.

ПЕТЯ

Наконец Ладога очистилась ото льда, началась эвакуация истощенного населения. Под покровом ночи нас на баржах перевозили на Большую землю. Мы должны были ехать на одной барже с семьей Пети, но они отстали, и их погрузили на другую баржу. Начался обстрел немецкими самолетами. Бомба попала в баржу, где ехала семья моего друга Пети — все они погибли. Так что ленинградцы похоронены не только в братских могилах, но и в пучине Ладожского озера. Светлая им память. Так сложилась судьба моих друзей, еще недавно мечтавших о счастливом будущем. Они не могли представить, какие муки ада им предстоит испытать.

Несмотря на нечеловеческие трагедии, которые пережили ленинградцы, город выжил. Даже голодные, они продолжали трудиться на фабриках и заводах города, ковали оружие для победы над врагом.

Вот так мы жили трудной, но интересной жизнью

Анна Федоровна ВАСИЛЬЕВА

Мне шел десятый год, когда началась война. В воскресное июньское утро наша семья — мама, папа и я — поехали за город. Не дойдя до трамвайной остановки, увидели толпу народа возле уличного репродуктора. Остановились и мы. Что говорили по радио, я, пожалуй, и не слушала, но когда заиграла музыка, народ стал расходиться, а мы вернулись домой.

Как-то очень быстро организовали эвакуацию детей из города. Учащихся 249-й школы Октябрьского района, где я училась, отправили в Ярославскую область. Привезли нас в деревянный дом, где на полу было разложено сено, закрытое белыми простынями. На него нас и уложили спать. А вскоре за мной приехала мама.

В Ленинграде на улицах стало больше военных. Папа жил не дома и приходил к нам в серой шинели с противоголоном, как в гости. Потом появились продуктовые и хлебные карточки. Участились обстрелы и бомбежки, а потом все говорили непонятное мне слово: «Блокада». Папа мой, Федор Петрович, был столяром-краснодеревщиком, служил в войсках МПВО. Мама, Мария Дмитриевна, по профессии скульптор-формовщик, стала работать прачкой в госпитале. Запасов продуктов у нас не было, и наступило самое жуткое, голодное время. В квартире ни света, ни тепла. К тому же в соседнее здание попала бомба и взрывной волной у нас выбило все стекла. Окна забили фанерой, занавесили одеялами, но это мало помогало. На улице был силь-

ный мороз. Природа будто испытывала людей на прочность.

Папа и мама домой приходили очень редко — были на казарменном положении. А когда навещали, приносили то что-нибудь съедобное.

Так, я помню жидкость, пахнущую горохом. Ее мама принесла из госпиталя в солдатском котелке. И еще стоят в памяти моей две коричневатые плитки столярного клея, принесенные папой. Из них сварили студень — с перцем и лавровым листом. Он хорошо за-

стывал и по цвету был как настоящий, но голода почти не утолял.

Вскоре я от слабости уже не могла вставать. Все время лежала в постели, во всем теплом и даже в валенках, под ватным одеялом, и слушала радио. Особенно любила литературные передачи. Утром — детские рассказы и сказки, которые читала замечательная артистка Мария Григорьевна Петрова, а вечером слушала чтение романов в исполнении Чернявской, голос которой мне очень нравился. Эти артистки не только привили мне любовь к литературе, но и помогли выжить. Ведь я жила ожиданием продолжения начатых исполнителями литературных, произведений.

Первым в нашей семье умер папа. Бабушка Александра Ивановна, болеющая воспалением легких, заставила меня подняться с кровати и делать уборку в комнате, ходить на улицу за досками, щепочками, которые мне удавалось достать около разрушенных домов.

Отправляла за снегом для самовара. Горячая вода согревала и силы поддерживала.

В самом начале мая 1942 года начались занятия в школах. Уже в наши дни в городском архиве я прочитала небольшую заметку в газете «Ленинградская Правда» от 5 мая блокадного 1942-го: «...Накануне все школьники побывали в банях, прошли медицинский осмотр. В младших классах будет по три урока, в старших — четыре-пять. ... В ближайшие дни начнутся работы на огородах. В это важное дело будут вовлечены все школьники».

Да, занятия были, но, к примеру, наша учительница Мария Августовна после завтрака выводила нас в хорошую погоду на улицу, усаживала всех на ступеньки школы и читала книгу. Не помню, художественную литературу или учебную, но потом просила пересказывать содержание. А мы слушали, отвечали на вопросы и с нетерпением ждали обеда. Не знаю, в школу сдавали всю детскую продовольственную карточку или только отдельные талоны, но дома, во время ужина, бабушка давала мне кусочек хлеба в долг. На следующий день «долг» я возвращала, а для себя опять ничего не приносила. В конце концов приучили меня приносить себе на ужин не только кусочек хлеба, но и немного каши от школьного обеда.

В школе были установлены обязательные дежурства в столовой. Мне как-то поручили нарубить два тазика хряпы — так называли зеленые листья капусты. Выполнив поручение, я получила за это целую тарелку черных макарон!

Вместе со всеми работал наш класс и на огородах. Нам выделили грядки за оградой Никольской церкви. Там мы пропалывали, а затем убирали морковь. Во время воздушной тревоги снимали свои пионерские галстуки и бежали прятаться в церковь.

В мае 1942 года умерла мама, в той больнице, где работала. В сентябре того же года

умерла и бабушка. Мы с моей тетушкой остались вдвоем. Она старше меня всего на двенадцать лет, но была строгая и требовала выполнения указаний или поручений по дому.

Все школьники тогда были участниками художественной самодеятельности. Мы выступали в госпиталях в воинских частях, в проводимых смотрах.

С приходом зимы учиться стало труднее. В нашей школе устроили госпиталь, а нас перевели в другую, ту, что находилась на площади Тургенева. Ходить в нее от улицы Декабристов, где мы жили, было дальше. Кто-то меня научил не ходить близко около домов, а когда услышу звук летящего снаряда, падать в снег. За время пути падать приходилось несколько раз. В классах было холодно, в чернильницах-невыливайках замерзали чернила. Писать приходилось карандашами. И чаще мы просто слушали то, что рассказывала нам учительница.

Была у нас и тимуровская команда. Созданию ее помогло непредвиденное обстоятельство. Мы готовились к смотру-конкурсу художественной самодеятельности. Мария Николаевна, наш руководитель, назначила день генеральной репетиции, а он совпал с днем, когда мы с Нюрочкой должны были пилить дрова. А я тогда танцевала шуточную финскую польку в роли мальчика в паре с девочкой. И чтобы не сорвать репетицию, все участники нашего кружка пошли из школы ко мне домой, распилили все дрова и уложили их как надо. После чего и решили создать тимуровскую команду, огонек которой сохранился в моем сердце до преклонного возраста.

В 1943 году во Дворце пионеров была организована встреча с Папаниным для участников игры по проведению северного пути к Северному полюсу. Так вот, мне повезло оказаться рядом с главным папанинцем.

В числе нескольких учеников нашей школы попала я в сводный хор Дворца пионеров.

На одном из выступлений на какой-то торжественной встрече, всем нам повязали шелковые галстуки. Вот так мы жили, трудной, но интересной жизнью. Ведь наши, такие скромные дела кому-то облегчали жизнь. Раненым бойцам в госпиталях, солдатам и матросам в воинских частях поднимали настроение, укрепляли их веру в Победу, ну а нас они подкармливали.

Облегчение в жизни ленинградцев наступило с прорывом блокады. Уже был электрический свет, по улицам ходили трамваи и даже работали кинотеатры.

Понадобился еще год упорного труда рабочих на заводах и фабриках, обеспечивающих ленинградский фронт всем необходимым, для того чтобы пробить брешь изнутри.

Как-то на заводе «Металлист», где работала моя Нюрочка, выполняли срочное военное задание и ей надо было там оставаться круглосуточно. Она запретила мне топить печку, разжигать примус и сказала, чтобы вечером я приходила к ней на завод ужинать. Как раз стояли ленинградские белые ночи и было не очень страшно. Одна жила я недели две. Когда руководство цеха узнало, что тетушка одна растит меня, ее освободили от сверхурочных работ. Она стала приходить домой пораньше. Так мы с ней и дожили до Нового года.

А в наступившем новом году после семи дней страшной канонады 27 января 1944 года ленинградцы услышали по радио долгожданное сообщение о полном снятии вражеской блокады. Что тогда происходило на улицах освобожденного города, по-настоящему представляют только те, кто там был. Словами не объяснить. Это надо пережить самому.

После Победы в связи с трудным материальным положением мне пришлось уйти из школы по окончании пятого класса. Вторая тетушка, Татьяна Дмитриевна, вернувшаяся из эвакуации, устроила меня в профтехшколу обувщиков. Там нас кормили по нормам рабочей карточки. Я закончила ее на одни пятерки. Потом недолго работала на фабрике «Обувь».

В 1954 году вышла замуж. С мужем Валентином Ивановичем мы вместе уже пятьдесят четвертый год. У нас трое детей: Ирина, Юрий, Иван. Внучка Наталия и правнучка Мариночка.

С 1969 года я работаю на заводе радиотехнического оборудования. Когда пришло время уходить на заслуженный отдых, меня оставили на заводе и доверили мне подбор материала для создания музея боевой и трудовой славы. Из-за начавшейся перестройки это задание было не выполнено. Но встречи ветеранов войны и труда, жителей блокадного Ленинграда, малолетних узников немецких концлагерей в честь памятных и торжественных дат, совместно с руководством завода и с помощью активистов у нас проводятся до настоящего времени. А собранный материал мы используем для создания стендов, посвященных всем познавшим и на себе испытавшим ужасы и тяготы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

На этом же заводе со мной вместе работают замечательные люди, ветераны труда, блокадники. Хочется напомнить, что на нашем предприятии знак «Жителю блокадного Ленинграда» получили:

к 9 мая 1989 года	— 155 человек
к 7 июля 1989 года	— 68 человек
к январю 1990 года	— 69 человек
впоследствии	— 147 человек.

И сегодня нам предложили написать свои воспоминания о прожитых блокадных днях в книгу «Память сердца».

На обед... воробей

Ольга Васильевна НОВИКОВА

Когда началась война, мне было всего три года, поэтому очень трудно отделить мои воспоминания от рассказов бабушки и мамы...

Началась эвакуация. Отец с Кировским заводом уехал в Челябинск. Мама со мной осталась, потому что заболел дедушка. Когда он умер, а это было зимой, мама с бабушкой завернули его в простыню и повезли на детских саночках на сборный пункт. Позднее дали документ о том, что захоронен он на Красненьком кладбище.

Мы трое, оставшиеся в живых, переселились в самую маленькую комнату, где стояла печка-«буржуйка», возле которой и проходила вся наша жизнь. Не помню теперь, болела я или ослабла от голода — еды, кроме пайки хлеба, у нас не было, все хорошие вещи были проданы

и проедены. Тогда-то и принесла мама убитого или замерзшего воробья и сварила из него «суп»..

Весной и летом ели крапиву, лебеду. На заднем дворе нашего дома жильцы вскопали огороды. Уж не знаю, где брали семена, но сеяли морковь, лук, сажали картофель. Самое удивительное, что изголодавшиеся люди ничего не воровали друг у друга.

Отлично помню, как мама устроила большой праздник в честь снятия блокады. В тот день выдали на карточки белый хлеб. Откуда-то мама достала, а может быть, тоже выдали, бобы какао. На кухне натопили старую, кирпичной кладки плиту, и когда она остыла немного, все трое — мама, бабушка и я, подложив одеяло, сели на нее. И впервые за долгие тяжкие дни пили настоящее какао с сахаром и ели булку.

Война меня застала на даче в яслях

Нина Владимировна БОЛОГОВА

...Меня война застала на даче, куда были вывезены ясельки. Едва услышав о ней, мама сразу же приехала за мной. О продовольственных карточках тогда не было еще и речи.

Когда они появились и что на них давали, я сказать не могу, но отлично помню, как мы с братом, а он был еще младше меня, терпеливо ждали маму с пайкой хлеба и, быстро съев свой кусочек, аккуратно подбирали каждую крошечку. Мама долго не решалась выезжать, все надеялась на чудо. Но в августе 1942 года ей не выдали продоволь-

ственные карточки, и это вынудило ее подчиниться распоряжению ленинградского правительства.

В моей памяти сохранились какие-то обрывки из того страшного события. Наверно, больше по рассказам да на основании документов. Знаю, что переправляли нас по Ладоге на катере, что впереди идущий катер был прямым попаданием бомбы потоплен немцами. А нам повезло. Жили мы на Большой земле в городе Сим Челябинской области, и спасло нас только то, что мама променяла на еду все взятые с собою вещи...

До сих пор помню вкус дуранды

Галина Михайловна ТИХОНОВА

Когда сгорели Бадаевские склады с продуктами, отец принес нам целую противогазную сумку сладкой земли, которую мы съели. До сих пор помню вкус дуранды и чечевичной каши.

Зимой мы с сестрой большую часть времени проводили в постели.

Мама нагревала утюги, которые долго сохраняли тепло. Иногда ей удавалось забежать домой, проведать нас и покормить.

Сестренка, она была на шесть лет старше меня, знала очень много сказок и рассказывала их мне. В самое трудное время, зимой 1942 года, Лиля умерла от голода. Помню, как мама со свечой в руке сидела рядом с ней, а потом вынесла ее на кухню. На другой день, уходя на работу, сказала, что сестра спит, и будить запретила.

Вскоре пришлось мне в пустой квартире находиться в одиночестве. Жили мы на первом этаже, и, когда начинался обстрел или бомбежка, я открывала форточку и кричала от страха. И кто-нибудь, чаще всего дворник, вытаскивал меня из окна и уводил в бомбоубежище, а мама после работы забирала домой. Ночью, когда мамы не было дома, становилось еще страшней. Во время обстрелов или бомбежек я закрывала голову подушкой, чтобы не слышать воя самолетов и разрывов падающих бомб и снарядов.

А когда устанавливалась тишина, боялась заснуть, потому что начинали бегать крысы...

Только летом я стала ходить в детский садик. Так как мама работала сутками или по двенадцать часов, то, бывало, нянечки забирали меня с собой.

Однажды мама пришла за мной очень поздно, посадила на спину и понесла домой. В это время начали стрелять зенитки. Что-то шлепалось об асфальт — наверно, осколки. Двигались мы в сплошной темноте. Добрались до дома, а ночевать почти негде: где-то рядом попала бомба и у нас в квартире вылетели

все оконные рамы. Мама занавесила окно одеялом. Так мы переночевали до утра.

Запомнилось мне еще, как в детском садике отмечали Новый, 1943 год. Наши воспитатели в такое трудное время устроили нам веселую елку как смогли, нарядили нас в карнавальные костюмы. Одна из них принесла из дома свой меховой воротник из лисы с головкой, лапками и хвостом, одела его на меня, и я была лисичкой. Прошел праздник, дни проходили за днями. Но однажды я услышала веселый смех и оживленный разговор нянечек с воспитателями. Они со слезами на глазах говорили о прорыве блокады. Мне было тогда непонятно, почему люди одновременно плакали и смеялись. Но раз все радуются, значит, стало хорошо.

Виктор Николаевич ГОРОХОВ

17 июня 1941 года мне исполнилось 7 лет, а 22-го — началась Великая Отечественная война.

С тех пор прошло почти полвека, но в памяти моей кое-что осталось, ибо большое горе, как и большая радость, не забывается. ...Конец 1941 и начало 1942 года я пролежал в постели и, как вспоминает мать, которая в это время болела цингой, даже во сне просил хлеба и приговаривал: «Мама, это мой хлебец».

Отец, по состоянию здоровья не призванный в армию, умер. Его, туберкулезного, добивал голод. Когда он скончался, мы на саночках свезли его в морг на Звенигородскую улицу, в бывшие конюшни царских казарм. Там довелось мне увидеть страшное зрелище: умерших, зашитых в белые простыни, укладывали в штабеля, как бревна...

После смерти отца все его вещи мать меняла на продукты — дуранду, овес, хлеб. Этим мы и подкармливались.

Когда началась массовая эвакуация из Ленинграда по ледовой Дороге жизни, меня тоже хотели отправить на Большую землю. Мать трижды одевала и вновь раздевала меня. И на третий раз, когда машина уже стояла у дома, она сказала: «Не ходите к нам — пускай мой ребенок умрет дома. Я буду знать,

что это случилось здесь, при мне». И больше к нам не приходили.

А мама как могла старалась спасти меня. За работу на железной дороге, где трудились по 12 часов без выходных, ей выдавали дополнительный паек, так называемый «Стахановский», этим питанием она делилась со мной.

Большую роль в спасении нашей жизни сыграли дрова и уголь. Голод плюс холод — вот общая причина смерти людей того периода...

Летом мы собирали лебеду, крапиву, ромашку. Из этих трав мама варила похлебку и делала травяные котлеты. Ели мы котлеты и из картофельной шелухи.

Тогда же мама пристроила меня в столовую на рационное питание — на месяц. А ее в это время откомандировали в Карелию на лесозаготовки, и две недели я находился совсем один, хотя было мне только 9 лет. Жизнь начала улучшаться, когда полностью сняли блокаду. Но долго еще снились нам 900 дней и ночей и 125 граммов хлеба. Из-за этой проклятой войны я не смог вовремя пойти в школу. В первый класс пошел только в 1943 году — таких переростков у нас было 10 человек.

Война спутала все мечты и планы, подорвала здоровье. И сейчас, на старости лет, все это ощущаешь...

Все твердо верили в Победу и своим трудом приближали ее

Нина Устиновна ГАПАНЮК

В 1942 году, в восемнадцатилетнем возрасте, я состояла на штатной должности по вольному найму в частях действующей армии бронетанковых и механизированных войск Ленинградского фронта.

В период блокады Ленинграда была направлена на завод Подъемно-транспортного оборудования имени Кирова. Там работала в сборочном цехе, где ремонтировали подбитые немцами танки Т-34.

Приходилось заменять разбитые части внутри машины, зачищать, промывать механизмы, маслобаки, маслотрубки. Несмотря на частые обстрелы и бомбежки, работу не останавливали — торопились вернуть на Ленинградский фронт танки, отремонтированные и укомплектованные всем необходимым для участия их в боевых действиях против фашистов.

В самый трудный голодный период, когда силы были на исходе, я, как и многие, даже и ночевала в цехе. А вот страха, безнадежности не было! Все твердо верили в Победу и трудом своим приближали ее.

Все дальше уходят годы войны. За давностью времени забываются некоторые события, да и годы дают себя знать, но никогда не сотрется из моей памяти день, когда мне поручили сопровождать отремонтированные танки на дереволедовую трассу.

Центральная переправа, строившаяся в районе поселка Марьино, вступила в строй в ночь на 14 января 1943 года. Первый танк похшел по переправе в 13 часов 10 минут. К 16 часам 30 минутам переправились уже 16 машин. Затем один за другим пошли на левый берег Невы средние и тяжелые танки 152-й танковой бригады полковника П. И. Пинчука.

Так дереволедовая дорога помогла в прорыве блокады Ленинграда и успешном соединении Ленинградского и Волховского фронтов. И мне радостно, что и мой труд помог проделать брешь в блокадном кольце.

Довелось мне и немцев повидать. В конце 1945 — начале 1946 годов привезли их, уже пленных, на завод — восстанавливать то, что они своими бомбами да снарядами разрушили. А меня обучили обращению с оружием и поручили конвоировать 50 немцев на восстановительные работы, а по окончании возвращать их в лагерь. Когда я выполняла это задание, мне было уже 22 года.

Из наград, которыми меня наградили, самыми дорогими считаю медали «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» и знаки: «Ветеран инженерно-танковой службы», «Ветеран бронетанковых войск Ленинградского фронта».

Руфина Леонидовна ШЕРЕПЕНКОВА

Мы с ребятами гуляли на улице и слышали по радио слово «война». Не понимая, что это такое, бежали толпой и кричали: «Война! Война!», а взрослые смотрели на нас глазами, полными сострадания. Очень скоро поняла я и на себе испытала, что такое война.

Детей нашей школы отправили в деревню, находившуюся недалеко от станции Окуловка. Но не прошло и двух месяцев, наша мама, как и многие, поехала за нами. Когда она приехала на станцию, началась бомбежка, горели вагоны. Ей пришлось с большими трудностями, пешком добираться до деревни, где жили эвакуированные школьники. Оформив необходимые документы, родители с детьми отправились обратно. До станции, их довезли на подводах колхозники. Поезда еще ходили, и мы с мамой вернулись домой.

Отец, Павлов Леонид Алексеевич, работал на заводе «Большевик», в конструкторском отделе, технологом. И, несмотря на то что папа имел бронь (освобождение от службы в действующей армии как нужный специалист на производстве), он в числе первых двухсот человек комсостава вступил добровольцем в отряд народного ополчения. Прощаясь, сказал маме: «Береги детей».

Вскоре от него пришло письмо, в котором он сообщал, что 4 ноября идет в бой. Сразу же, в первом для него бою, наш папа, воентехник первого ранга, и погиб. Это мы узнали из похоронки...

Очень рано узнали мы голод, страдание и боль от потери близких нам людей.

Наш маленький двухэтажный дом №103/105 находился на пересечении Трамвайного переулка и проспекта Обуховской Обороны.

Недалеко от этого места проходила линия фронта. Туда мимо нас проезжали машины с продуктами, снарядами и даже с папиросами. Были видны коробки с надписью «Беломорканал».

Начались незабываемые, полные ужаса блокадные дни. Снаряды и бомбы

рвались рядом с нашим домом. Но словно ангел-хранитель оберегал нас — наш дом уцелел. Нас с сестрой мучили голод и холод.

Нина плакала и просила хлеба, а я, хоть и младшая была, уговаривала ее потерпеть.

В школе, что находилась рядом с нами, был устроен госпиталь, и девушки из санитарной дружины жили у нас. Они приносили грязные, окровавленные бинты. Мама, а она была домохозяйка, стирала их, а мы с сестрой сушили и гладили. О маме мне хочется рассказать особо. Несмотря на то что она не работала, а занималась нашим с сестрой воспитанием до ухода отца на фронт, когда в город пришла беда, она вместе с такими же женщинами, имеющими малолетних детей, направлялась на строительство оборонительных сооружений, ездила на сельскохозяйственные работы, а потом устроилась на вагоностроительный завод имени Кагановича, мотористкой. И впоследствии была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд во время

В первом ряду (сидящие) вторая справа — Руфина Шерепенкова

Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» Когда мамы не было дома, из девушек, живущих с нами, больше всех нам с сестрой, помогала Тоня. Она оберегала нас, подкармливала, отдавая нам порою часть своего военного пайка. И стала нам как родная. Забегая вперед, хочется сказать, что мы долгие годы поддерживали связь с Антониной Яковлевной Жаровой. После войны она окончила педагогический институт и преподавала в школе географию. Но это было после Победы, а пока мы жили все вместе. Все вместе и трудности преодолевали.

Был однажды такой случай. Дров у нас не было, и девушки, жившие с нами, пошли на железную дорогу, в Обухово, набрали там угля и дома им затопили печку. Так как пользоваться им не умели, рано закрыли печную трубу, и все угорели. Когда я пришла в сознание, первое, что я увидела, было звездное небо, а потом всех девушек лежащих

на сугробах снега. Кто вынес нас, и спас нам жизнь — не помню. В то трудное время люди были отзывчивы на чужую беду и как могли помогали друг другу.

Не было у нас и воды. За нею ездили к Неве. В зимнее время ее надо было в прямом смысле добывать, черпая чем-нибудь из проруби, наливая в ведро или чайник, смотря, какая сила была у человека.

Во время войны, не помню, в каком месяце, нам выдали один кубометр дров, но их надо было еще распилить. Пилили на улице. Дрова сырые, я маленькая, слабая, пилу тяну рывками. Она то гнется, то застревает. Жалкое, наверное, было зрелище. Нередко машины, проезжающие мимо нас, останавливались, солдаты выскакивали из машины и распиливали несколько бревен да еще и угощали нас чем-нибудь. Я и сегодня помню, солдатские сухари красноватого цвета, которые пахли бензином...

В самом начале мая 1942 года я поступила в первый класс. Выше было уже сказано, что в нашей, 347-й школе Володарского района был устроен госпиталь, поэтому занятия проводились в бомбоубежище. Хорошо помню, как первые свои палочки мы писали, положив тетради на колени. Не забываю я, и первую свою учительницу — Клавдию Ивановну Молтакову. Она не только учила нас грамоте, но и согревала своей добротой и теплом сердца своего, потому что любила нас и берегла.

А еще мы, первоклашки, как и старшие ребята, ходили выступать в госпиталь, благо он находился близко от дома. У меня был детский игрушечный бубен, и под его ритмичные удары мы пели раненым патриотические песни. Исполняли их весело и задорно, и солдаты улыбались, а глаза у них были грустные.

Позднее весь класс Нины отправили в колхоз. Вначале на прополку, а потом и на уборку урожая. Находился колхоз на правом берегу Невы, возле 5-й ГЭС, и туда ребят возили на машине, а вот возвращаться домой надо было пешком.

Я ездила на работу вместе с сестрой, меня не с кем было оставить. В поле, как умела, помогала сестре, а по дороге домой плакала от усталости и боли в ногах. Всем ребятам за участие в сельскохозяйственных работах в 1943 году, в торжественной обстановке вручили медали «За оборону Ленинграда».

Осенью 1942 года умерла бабушка, Мария Ивановна, мама моего папы. До этого она работала в хозяйственном отделе завода «Большевик», кастаняшей. В 1943 году в боях за город Псков погибла тетя, Антонина Алексеевна Буданцева.

Мама, сестра и я — остались живы. Наша мама выполнила папину просьбу и сберегла нас. А помогли ей в этом отзывчивые, чуткие люди.

Радовались мы, когда прорвали блокаду Ленинграда. Ликовали при полном ее сня-

тии. В 1945 году, в дни, когда отмечали Победу, видели возвращавшихся с фронта бойцов и плакали, потому, что встречать нам было некого. За сохранение наших жизней папа, бабушка и тетя отдали свои...

Начались мирные будни. После школы я поступила и успешно закончила техникум. В 1954 году вышла замуж. Примечательно то, что мужем моим стал человек, которого знала я с самого раннего детства, — Валентин Шерепенков был одноклассником моей сестры. И вот совсем недавно мы отметили с ним пятьдесят четвертую годовщину нашей совместной жизни. У нас хорошая дочь Елена. Она работает на Заводе радиотехнического оборудования, которому и я отдала тридцать шесть лет своей жизни, продлевает которую наша общая любимица — внучка, Настенька.

Дмитрий Пугачев, ДДЮТ, 9 класс, школа №88

Василий Александрович ГРУЗНОВ

Я хорошо помню день 22 июня 1941 года. Мне исполнилось уже одиннадцать лет. В семье у нас было пятеро мальчиков, я второй.

Наша семья жила на Боровой улице, дом 42. В этот день, мы с братом были на Московской площади, в Доме культуры имени Капранова, смотрели какой-то фильм. Вдруг показ его прервался. Все вышли на улицу, а там увидели много народа. Брат пояснил мне, что началась война. С этого дня детство наше закончилось, мы стали старшими в доме, помогали маме вести домашнее хозяйство.

В наши обязанности входило отоваривание продуктовых карточек, которые вскоре всем выдали, обеспечение керосином и дровами и забота о младших братьях. Вначале был относительный достаток, ведь у нас было пять детских карточек и мамина карточка, иждивенческая. Папа служил в войсках МВД, в Ленинграде.

Все беды начались после пожара на Бадаевских складах. Резко снизились нормы выдачи продовольствия. Голод и холод вошли в наш дом в ноябре. Теперь уж и не помню, но кто-то подсказал нам приобрести столярный клей, и мы с братом в хозяйственном магазине, который был возле нашего дома, купили его целый бочонок. Этот клей помог дожить нам до Нового, 1942 года.

Первое «боевое» крещение получили мы при бомбежке в конце сентября — начале октября, когда днем немецкий самолет сбросил три бомбы на Боровой мост, метясь, видимо,

в фабрику имени Анисимова. Стекла и рамы вылетели, прекратилась подача света. Кое-как заделали окна. Чудом уцелела форточка, и только через нее мы видели дневной свет. Помню еще очень сильный обстрел в начале ноября. Мы никуда не выходили, вначале было очень страшно. Потом привыкли.

Много бед принесла нам и бомбежка в начале декабря. Сбросили немцы две бомбы, они попали в дом напротив нашего, тот, что стоял на другой стороне Обводного канала, но не взорвались. А на следующие сутки ночью произо-

шел сильный взрыв, от которого у нас вылетели окна, с таким трудом заделанные, вместе с дверью, в коридор. Как мы не пострадали, не знаю.

После этого наглухо заколотили окна, с трудом поставили двери.

Не стало воды. Начались частые перебои в снабжении хлебом. Крупу, наверно, не выдавали, не помню, чтобы мы ходили в гастроном. Самое страшное началось в феврале: несколько дней мы не получали хлеба, а потом выдали муку — по тридцать граммов за сто граммов хлеба. Я хорошо запомнил этот день. В ночь на 18 февраля у нас умерли сразу три младших брата.

Постепенно начали увеличивать норму хлеба и даже кое-что выдавать из продуктов. Но мама слабела все сильнее и в марте умерла.

В конце марта или начала апреля к нам зашла старшая сестра мамы и помогла всех

умерших увезти на Глазовскую улицу, там был сборный пункт.

В апреле, когда стало тепло, мы с братом и с теми, кто остался жив, скалывали лед на Боровой улице и возили его в Обводный канал.

Однажды мы откуда-то вернулись домой, а комната оказалась разбита снарядом. Начальник ЖЭКа дал нам ключи от квартиры в доме, который находился возле церкви.

Помню много отрицательных случаев в жизни блокадного Ленинграда. Пришлось мне читать воспоминания некоторых ленинградцев, где они пишут, как «доблестно защищали наши зенитчики ленинградское небо». А мы, мальчишки, предоставленные сами себе, целыми днями бегали по улице и наблюдали, как спокойно немецкие самолеты летели в район порта, спокойно бомбили и улетали. И только потом начинали бить наши зенитки.

Должное уважение надо отдать людям, которые искали и пристраивали беспризорных. Нас с братом заметили, пытались уговорить пойти в детский дом, но мы отказывались. В конце июня нас все-таки поймали и привели в детдом № 21, который находился на Воронежской улице. Там мы были до 8 августа 1942 года. Затем всех детдомовцев благополучно переправили через Ладогу, и уже через месяц мы были за городом Тобольском в западной Сибири.

В 1945 году всех привезли в Ленинград и направили в ремесленное училище № 14. С тех пор живу и работаю в Ленинском районе.

Окончил техникум, работал технологом, начальником цеха на заводе Подъемно-транспортного оборудования имени С. М. Кирова. Перешел на Ленинградский завод радиотехнического оборудования, где работаю мастером в первом цехе. Веду общественную работу, являясь председателем заводского общества «Жители блокадного Ленинграда».

Дети блокадного Ленинграда

Некоторые эпизоды моей жизни в блокадном Ленинграде

Евгений Евгеньевич ФЕДОРОВ

Я удачливый, счастливый человек: почти всю жизнь я занимался делом, которое люблю больше всего на свете, — музыкой. Более сорока лет я работал в замечательном симфоническом коллективе — Новосибирском филармоническом оркестре.

Одно из условий успешной деятельности музыканта — дар эмоционального восприятия звуков, способность тонко различать (дифференцировать) тембры.

Каждый по-своему проходит школу воспитания музыкальных способностей. Моими первыми «учителями» были фашистские самолеты в небе блокадного Ленинграда. Мы, мальчишки военных лет, быстро поняли, как важно своевременно отличить тембр наших самолетов от гула приближающегося фашистского бомбардировщика. Многие из нас научились отличать нервный рев немецкого мессершмитта, вооруженного пулеметами, от равномерного и тревожного гула юнкерса с бомбами на борту. Некоторые, особо «музыкальные», умели отличать гул юнкерса-87 от шума моторов юнкерса-88.

Особенно страшно были пикирующие бомбардировщики юнкерсы-87. Они то омерзительно и нудно ныли высоко в небе, то набрасывались на город с душераздирающим крещендо, которое трудно вынести. Когда недалеко разрывалась фугаска, наш дом вздрагивал, и казалось, что он рухнет. И долгие годы после войны я рефлекторно вздрагивал и ежился каждый раз, когда в мирном небе гудел самолет.

Нам, мальчишкам, не разрешалось бегать по развалинам разбомбленных домов, но мы все же делали это. Нам не разрешалось подходить на улице к умершим людям, но мы все же транспортировали трупы, потому что иногда это делать было некому.

Время от времени во двор нашего дома въезжал грузовик-трехтонка, на котором помещались носилки. Молодая женщина выскакивала из кабины и звонким голосом, поворачи-

ваясь во все стороны, кричала:

— Умершие есть?

Так в наши дни кричат продавщицы молока.

Иногда из окна коммунальной квартиры высовывалась чья-то голова:

— Есть! Есть! Подождите! Сейчас вынесем!

И грузовик без ритуальных церемоний увозил тело умершего. Без гроба. Иногда даже ничем не прикрытое. Некоторое время трупы людей лежали в вестибюле бездействующего кинотеатра «Великан» на Петроградской стороне. Потом их отвозили по кладбищам.

Кинотеатр «Великан» прозвали «Народным домом».

В определенное время тот же задрипанный грузовичок привозил во двор огромную бочку, куда жители дома сливали содержимое ночных горшков. Этот сервис был налажен Ленинградским обкомом партии. К сожалению, такое обслуживание существовало не повсеместно. Там, где его не

было, дворы превращались в сплошной туалет.

На крыше каждого дома стояли ящики с песком. Некоторые мои приятели старше меня хвастались, что во время налета погасили несколько «зажигалок», засыпав их песком. Я им завидовал.

Помню, как весело, словно наперегонки, мы таскали песок на крышу. Женщина, руководившая этой работой, дала мне самое маленькое ведерко и заполнила его песком лишь наполовину. Это меня ужасно обидело.

Зенитчиками почему-то служили молодые симпатичные девушки, которым вряд ли было более 18–20 лет. До сих пор не пойму, почему именно девушки и почему именно симпатичные. Загадка! К зенитному оружию подходить было нельзя. Но девушки одной из зенитных батарей знали меня в лицо и, когда поблизости не было начальства, когда в небе было все спокойно, разрешали мне поспудачить с ними, иногда угощали хлебом.

Однажды я попал на своеобразный праздник — накануне одна из девушек подбила фашистский хейнкель-111. Бомбардировщики этого типа относительно редко летали над Ленинградом, чаще в нашем небе гудели юнкерсы. Сопровождавшие хейнкель немецкие истребители трусливо «смылись». Весь зенитный расчет целовал отличившуюся подругу, девушки наливали что-то из фляжки. Вряд ли то была дефицитная водка, скорее всего спирт. Я пообещал узнать, куда упали обломки самолета. Ведь кругом дома, люди...

Мои друзья, мальчишки с нашего двора, сказали, что самолет упал удачно — на какой-то бульвар.

После смерти бабушки я жил в детских домах Ленинграда, сначала в одном, потом в другом.

В детском доме №10 воспитателями служили хорошо образованные, культурные люди, которые старались привить нам на-

выки хорошего тона среди ужасов блокады. До сих пор помню одну из воспитательниц детдома Анну Сергеевну (возможно, Анну Степановну) — грустную, тихую, заботливую женщину.

Она никогда не кричала, но просила, чтобы мы расчесывались и аккуратно заправляли рубашки в брюки. Может быть, это смешно и нелепо — требовать, чтобы не чавкали во время еды, когда люди умирают от голода. Но в нашем детском доме такое правило было обязательным.

Жизнь так устроена, что в дни народных страданий откуда-то появляются вши.

Каждый новый день в детдоме начинался с обязательного ритуала — мы должны были искать и давить вшей на своей одежде. К завтраку допускались лишь те из нас, чья фамилия была отмечена в списке прошедших «санобработку». Я хорошо помню, что Анна Сергеевна требовала от нас, чтобы мы непременно отворачивались друг от друга во время процедуры уничтожения вшей. Никто не должен видеть движения наших ногтей. Это неприлично.

Завтракали мы всегда одним и тем же — морковью, которую подарили нам наши шефы — моряки. Несколько мешков морковки спасли жизнь целому коллективу детдома.

Анна Сергеевна не выносила сквернословие. Однажды я заметил, как болезненно передернулось ее лицо, когда кто-то из ребят детдома произнес матерок. После этого случая я невзлюбил матерящегося паренька и стал избегать с ним общения. Сейчас я понимаю — иногда мимика или естественный жест оказывают более сильное педагогическое воздействие, нежели долгие сентенции и поучающие речи.

Но какой силой духа надо обладать, чтобы реагировать на грубо сказанное слово, когда люди умирали от голода, когда многие почти равнодушно проходили мимо трупов,

когда нам, ребятам, говорили, что надо опасаться незнакомых мужчин на улице, потому что в городе были случаи людоедства! Откуда брала энергию эта женщина?

Перед сном после очередного вечернего артобстрела мы рассаживались вокруг железной печки и, глядя на огонь, жадно пожирающий добытые с огромным трудом поленья, вдохновенно пели хором:

*Голова обвязана,
Кровь на рукаве...*

Самой любимой песней нашей воспитательницы была:

*Дан приказ — ему на Запад.
Ей — в другую сторону...*

Во время этой песни ее немолодое лицо становилось отрешенным, грустным и очень красивым. Мне хотелось доставить ей удовольствие, и я старался петь как можно лучше.

Мальчики нашего детдома должны были оказывать уважение девочкам и заботиться о них. Во время сирены, оповещающей о начале бомбардировки, каждый из мальчиков старшей группы подбегал к закрепленной за ним маленькой девочке и помогал ей спуститься в бомбоубежище. Каждая малышка знала, к кому она должна подбежать во время тревоги, каждый из «спасателей» знал, кого ему надо спасать. Процесс эвакуации девочек долго репетировался.

Иногда девочку приходилось сажать на плечи. Мне досталась малышка, к счастью, не тяжелая, но ужасно плаксивая, сопливая и капризная. Когда я брал ее на руки, чтобы отнести в бомбоубежище, она дергалась, больно била ногами и, что самое неприятное, хваталась руками за шею. Однажды в самый

ответственный момент она вдруг стала вырываться, кричать, что забыла что-то из своих вещей, и потребовала, чтобы я вернулся с полпути. А когда недалеко от нашего дома стали рваться фугасные бомбы, она со страха обмочила меня.

Громкий плач в дни блокады можно было услышать редко. Чаще всего люди молча переносили свои страдания. Но та девчонка, которую я таскал в бомбоубежище, плакала навзрыд, не переставая. Боже, как я ее ненавидел!

Дорога в бомбоубежище — это «святая святых», там не должно быть ни соринки. Эту дорогу мы своевременно тщательнейшим образом вычищали.

Однажды, уже после войны, когда я стал студентом консерватории, мне захотелось посмотреть помещение, где в годы войны размещался наш детдом. Здание было занято какой-то торговой конторой. Строгий вахтер не открыл мне дверь:

— Нечего вам здесь делать! Нечего вам смотреть! Ничего вам здесь не нужно! Шатаются тут разные!

Я немного побродил по двору, посмотрел на вход в бомбоубежище. Грустно было видеть, что лестница в подвал, которую мы так тщательно чистили когда-то, захламлена, что там навалены друг на друга бочки с известкой, всюду валяются обрывки газет, рваные полиэтиленовые пакеты, пустые пачки от сигарет.

В углу двора сидели молодые люди в дорогих джинсах, тянули из горла пиво, заедали его ломтиками красной рыбы и, грязно ругаясь, бранили тяжелые времена, свою паскудную житуху.

Марина Семеновна ХАРАД

Июнь 1944 года, еще идет война, войска Ленинградского фронта прорвали блокаду, а командование уже думает о мирной жизни и принимает решение, создать в городе морской славы Ленинградское Нахимовское военно-морское училище.

На берегу Невы, на Петроградской набережной, стоит здание со шпилем, вот оно и будет родным домом для детей погибших солдат и офицеров. Я, как военно-обязанная, была направлена военкоматом для его формирования. Стали приходить мальчики 11–12 лет, сироты, оставшиеся без родителей, многие из них были на фронте и имели правительственные награды, они служили в партизанских отрядах и воинских частях. Пройдя медицинское обследование и сдав экзамены, были зачислены воспитанниками училища. Так как зда-

Нахимовское военно-морское училище

ние еще было не готово к их приему, было определено место, на Карельском перешейке, на станции Каннельярви расположили военный лагерь.

Я с ротой саперов была направлена для обезвреживания территории от мин и снарядов. И так весь личный состав переехал в лагерь. Матросы кадровой команды круглосуточно охраняли лагерь, так как кое-где еще были слышны выстрелы.

Воспитанников поротно разместили в палатках, назначили дневальных и началась походная жизнь. Утром зарядка, строевая подготовка и учебные занятия.

Лазарет разместили в одном из финских домиков. Было небольшое подсобное хозяйство с огородом и старой коровой, которая давала всего 2 литра молока в день.

Начальник медицинской службы, надев на меня автомат, который был тяжелее моего веса, отправлял меня за молоком для больных и слабых ребят. Дорога вела через лес, было страшно, и за каждым кустом мерещился враг, от страха я так громко пела, что птицы разлетались в разные стороны. Позднее стали посылать матросов.

Шло время, здоровье воспитанников крепло, сказочный лес, где изобилие грибов и ягод было большой добавкой к скудному рациону, загорелые и возмужавшие они становились настоящими моряками. Изумительной красоты озеро Суоло-Ярви, на котором построили причал со шлюпками и катерами, под руководством опытных морских офицеров приобщали их к морскому делу, учили

навыкам морской премудрости. Училище в городе еще ремонтировали и мы оставались в лагере почти до октября месяца. В канун праздника Октября подшефный совхоз привез машину с яблоками в честь чего был дан салют из ракетниц. Вскоре мы переехали в город, и начались обычные занятия, отлично оснащенная кафедра военно-морской подготовки, хорошая библиотека, английский язык, были приглашены известные в городе преподаватели танцев, которые прививали навыки не только танцевать и вести себя за столом, но и правильно пользоваться столовыми приборами.

Наша мед. служба стала обрастать своей аптекой, лазаретом на десять коек, рентген-кабинетом, физиотерапией, было сделано все для воспитанников, где они получили тепло и заботу всего личного состава.

Много заботы и любви проявляли старшины и мичманы, окружая их теплом, брали на увольнение в свои семьи.

Многие годы Нахимовский полк принимал участие в военных парадах в Москве. Четко чеканя шаг, они шли строем по Красной площади, не уступая бывалым моряком.

Первый выпуск в 1951 году был знаменателен. Они проучились и прожили в училище семь лет и были направлены в Высшее военно-морское училище для продолжения учебы.

Наши выпускники прославили нашу страну: стали адмиралами, учеными, военными строителями, писателями и художниками. До сих пор существует Нахимовское братство, они встречаются ежегодно летом, в садике, напротив легендарного крейсера «Аврора» и вспоминают свое нелегкое детство.

Я прослужила в училище 38 лет. Являюсь председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны Калининского района.

Первые нахимовцы — участники Великой Отечественной войны

Елизавета Пучкова, ДДЮТ, 9 кл., шк. № 88

Юное поколение должно знать историю своей страны

*Пусть будет мир на всей планете
И войны не знают дети.
Пусть дети учатся, мечтают,
Ни горя, ни беды не знают.*

Наше юное поколение должно знать историю своей страны, быть ее патриотами и быть готовыми стать на ее защиту. В нашем городе уже давно проводится большая работа по нравственно-патриотическому воспитанию юных. В этой книге мы расскажем о деятельности государственного дошкольного образовательного учреждения детского сада № 44 Калининского района. Достаточно посмотреть на план работы по воспитанию детей старшей и подготовительной групп 2007–2008 учебного года, чтобы понять, что работники детского сада совместно с ветеранами МО Пискаревка вкладывают в эту работу свои знания, творчество и, самое глав-

ное, свое сердце. Руководством детского сада разработана специальная программа по организации работы с воспитателями и сотрудниками, с родителями, которая, безусловно, способствует повышению деловых и нравственных их качеств и умелому применению своих знаний. Вот несколько конкретных примеров.

В специально разработанной программе по работе с сотрудниками детского сада в январе была проведена деловая игра «Что мы понимаем под термином “Патриотизм”», а в августе — «Как мы организуем сотрудничество с родителями “Ты, я, он, она — вместе дружная семья”».

Концерт «Семейный альбом»

Занятия «Уроки мужества»

В программе детского сада есть специальный раздел «Работа с семьей»; в учебном году прошли консультации на тему: «Нравственное воспитание детей», в которые вошли:

— для родителей детей младшей и средней группы тема: «Как знакомить детей с городом»;

— для родителей детей старшей группы: «Воспитываем патриотизм и любовь к городу у детей»;

— для родителей детей раннего возраста: «Что должен знать ребенок в раннем возрасте о явлениях общественной жизни».

В конце 2007 года было проведено анкетирование родителей на тему «Память о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

В начале 2008 года прошли групповые родительские собрания, главной темой которых было нравственно-патриотическое воспитание в семье. На этих собраниях родителям было предложено поделиться опытом воспитания своих детей по данной теме. Было дано задание сделать семейные альбо-

мы, гербы семьи и города, древо семьи, сочинить гимн семьи, родины, города и, что очень важно было предложено эти задания выполнять вместе с детьми.

Если просмотреть план работы 2007–2008 года музыкального руководителя Н. Я. Соломыкиной с детьми старшей и подготовительной групп, то можно убедиться что из сорока мероприятий каждый из нас с удовольствием посетил многие.

Безусловно интересен цикл «Вечера досуга», среди которых «Здравствуй, детский сад», «Дни рождения», вечера, посвященные творчеству П. И. Чайковского, В. Я. Шаинского, «Ходит песенка по кругу», «Мойдодырчик». В течение года прошли спектакли, представления «Снегурочка» Н. А. Римского-Корсакова, вечер поэзии «Осень золотая», посвященный А. С. Пушкину, кукольные театры «Винни-Пух и другие», тематические вечера «Здравствуй, зимушка-зима», «Кем я буду», «Веселые музыканты».

Необходимо отметить, что текст и музыку ко многим постановкам и представлениям

пишет Надежда Яковлевна Соломыкина, музыкальный руководитель детского сада.

Учитывая, что 2008 год в нашей стране объявлен Годом семьи, коллектив сотрудников под руководством Н. Я. Соломыкиной подготовил музыкальную композицию «Семейный альбом», в которой принимают участие и воспитатели, и родители, и дети. И она с большим успехом проходит на вечерах и встречах.

Но самым главным в своей работе сотрудники детского сада №44 считают организацию нравственно-патриотического воспитания детей и все очень благодарны совету ветеранов МО Пискаревка и особенно Олегу Алексеевичу Павлихину за их помощь.

Олег Алексеевич Павлихин в течение года провел несколько уроков мужества и к Дню снятия блокады — «Никто не забыт и ничто не забыто», и к Дню защитника отечества — «Что должен знать и уметь солдат», и к Дню Победы — «Этот День Победы».

Многие мероприятия проходят вне стен детского сада. Так, состоялись экскурсии в Музей хлеба, Музей подводных сил им. Маринеско, обзорная экскурсия «Город мостов и каналов», возложение цветов на Пискаревском мемориальном кладбище. Были организованы выставки детских работ, фо-

тографий и рассказов о ветеранах и участниках блокады «Никто не забыт и ничто не забыто», «Этот День Победы», «Город мостов и каналов».

В феврале 2008 года состоялась военно-спортивная игра по станциям с участием кадетов класса МЧС школы №184 и ветеранов Великой Отечественной войны. Было проведено интервьюирование детей по теме «Зачем нужен мир». И в мае 2008 года прошел замечательный праздник, посвященный Дню Победы — «Памяти павших будьте достойны» с участием ветеранов Великой Отечественной войны и блокадников Ленинграда.

Еще осенью 2007 года в детском саду №44 начат сбор материалов и документов для выпуска «Книги памяти». В ней будут представлены рассказы, документы и фотографии ветеранов войны и труда, блокадников города. Эта книга будет иметь постоянное продолжение для чего администрацией выпущена интересная анкета, которая вручена всем родителям с просьбой поделиться своей семейной историей.

Уже более десяти биографий легли в основу этой Книги памяти. Большую помощь в подготовке материалов и оформлении книги оказали члены совета ветеранов МО Пискаревка.

Встреча с ветеранами

Хочется выразить большую благодарность руководству детского сада №44 Т. К. Веселовой, музыкальному руководителю Н. Я. Соломыкиной, всем сотрудникам и, конечно, Совету ветеранов МО Писка-

ревка, особенно Олегу Алексеевичу Павлихину, за их большой, очень важный и нужный труд по воспитанию будущих граждан, патриотов и защитников нашего любимого города.

*Проходят дни, и месяцы, и годы,
Но в памяти останется всегда
Война 41-го года,
Что ваше детство забрала.*

*Присев на скамеечку в сквере,
Где слышится смех детворы,*

*Вам вспомнится детство
Далёкой блокадной поры.*

*Пусть солнце вам ласково светит
И звонко поют соловьи,
А дети на нашей планете
Никогда не узнают войны.*

М. А. Киселёва

ПЕСНЯ О БЛОКАДЕ

Слова и музыка Н. Я. Соломыкина

Мы вспомним те годы, блокадные годы,
Тяжёлые ночи и трудные дни,
Людей, что погибли во имя народа –
Ведь подвиг большой совершили они.

Припев: Вечная память героям,
Память в наших сердцах.
Вечная память героям,
Жить она будет в веках.

Страдания и боль, разруху и голод,
Ночные бомбёжки и горечь утрат –
Ты выдержал всё, любимый наш город,
Мы можем гордиться тобой, Ленинград.

Припев.

Останется память в сердцах наших вечно,
На братских могилах цветы расцветут,
И снова на праздник великой Победы
Повсюду услышим весёлый салют.

Припев.

Память сердца

МОЙ ГОРОД-ГЕРОЙ

Слова и музыка Н. П. Бобковой, музыкального руководителя ДООУ №127 Выборгского района

CG_m F_m G₇ C_m

C₇ F D₇

G₇ C_m

Зима 41-го года.
В блокадном кольце Ленинград.
Обстрелы, бомбёжки и голод,
Суровые лица солдат.
Застыло холодное утро
Над скованной горем Невой.
Ты выдержал всё,
Город мой-победитель,
Город-герой.

Вы – гордость страны – ленинградцы,
Кто город родной не сдавал,
Кто сбрасывал с крыш зажигалки,
Работая, ночи не спал.
Вы все отстояли Победу
Высокою самой ценой,
Чтоб жил Ленинград,
Город мой-победитель,
Город-герой.

Память сердца

И ВСЕ ЖЕ ВЫ ПОБЕДИЛИ

Музыка и слова Н.Я. Соломыкиной

Chords: C_m, F_m, G₇, C_m, G_m, C_m, F_m, C_m, G₇, C_m, Припев: E, F_m, C_m, D₇, C_m, G₇, C_m

Эта песня для вас,
 Переживших блокаду,
 Сыновей, дочерей,
 Преданных Ленинграду.
 Вы спасались от пуль,
 Голодали, но жили.
 Среди бомбежек в дыму
 Все же вы победили.

Припев: Мы вам благодарны
 За мир и весну,
 За радость прожитых дней,
 За то, что спасли
 Вы нашу страну,
 За счастье наших детей.

900 долгих дней
 Бесконечно тянулись,
 Но вы были сильней,
 Пред врагом не согнулись.
 Вы теряли родных
 И друзей хоронили.
 Смерти глядя в лицо,
 Все же вы победили.

Припев.

Город наш на века —
 Символ чести и славы,
 И мы будем всегда
 Им гордиться по праву.
 Будут память хранить
 Те слова на граните:
 «Никто не забыт
 И ничто не забыто»...

Припев.

С тех пор прошло немало лет,
И мы давно другими стали,
Но день начала наших бед
Мы никогда не забывали.
В те 900 блокадных дней
Под вой бомбежек и снарядов
Сражались тысячи людей
За жизнь родного Ленинграда.
И рядом каждый был бойцом,
Хотя не каждый был солдатом,
Но смерть встречал к лицу лицом,
В победу нашу, веря свято.
И день настал, и грянул гром,

САЛЮТ

Победный, радостный, желанный!
И небо вспыхнуло кругом
Огнем салюта долгожданным!
Нам было радость не унять,
Хотелось плакать и смеяться,
Хотелось целый мир обнять,
Обнять счастливых ленинградцев...
Мы ненавидим ту войну —
Мы слишком много заплатили,
Мы заслужили тишину
И мир, и счастье заслужили.

Олег ПАВЛИХИН

Писали мы музыку сердцем,
Стихи сочиняли душой.
Песни мы вам посвящаем
В праздник великий, святой.

Память сердца

Так назвал Музей обороны и блокады Ленинграда Митрополит Софийский Стефан еще в июле 1945 года. И сегодня мы рассказываем об истории этого уникального музея Петербурга.

7 августа 1941 года в Александровском парке на Петроградской стороне и на площади перед Кировским райсоветом были выставлены для обозрения фашистские танки и самолеты, автомашины и бронетранспортеры, захваченные в боях на дальних подступах к Ленинграду. А спустя пять дней на 1-й Красноармейской улице в доме 13 была открыта выставка «Великая Отечественная война советского народа против германского фашизма», на которой были представлены — трофейное оружие, плакаты, фотографии, карты, схемы, документы.

8 августа 1943 года Военный совет Ленинградского фронта издает приказ № 18 «О сборе, учете и сохранении мемориальных образцов оружия и боевой техники». Уже в августе на выставке был представлен немецкий танк «тигр», захваченный на Ленинградском фронте 30-м гвардейским танковым полком. Только с 1 января по 30 августа 1943 года выставку посетили 94 500 человек.

4 декабря 1943 года Военный совет Ленинградского фронта постановлением № 1823 принял решение реорганизовать выставку «Великая Отечественная война советского

народа» — в выставку «Героическая оборона Ленинграда». Ее организаторами стали: нач. Политуправления Ленинградского фронта генерал-майор Д. И. Холостов, секретарь Горкома партии А. И. Маханов, директор Ленинградского института истории партии С. И. Авакумов, председатель Ленинградского отделения Союза художников В. А. Серов, нач. Управляющий по делам искусств Исполкома Ленсовета Б. Н. Загурский.

В 1944 году было привезено в Соляной городок 17 самолетов, пушек, танков и 4 тысячи единиц оружия.

В оформлении выставки приняли участие художник-оформитель А. П. Жукова, старший научный сотрудник Н. И. Удимова, научные сотрудники З. А. Эдельштейн и Р. Л. Любович, главным художником выставки стал Н. М. Суетин. Большой вклад в работу коллектива внес Л. Л. Раков, который позже стал первым директором музея обороны Ленинграда. Активно работали над созданием выставки, а затем и музея, архитекторы, художники К. Л. Иогансен, В. А. Петров, В. А. Серов, Я. С. Николаев, Г. А. Савинов, С. И. Левенков, Н. Е. Тимков, А. С. Бантиков, Ю. М. Непринцев, Н. И. Пильщиков; и скульпторы В. Б. Пинчук, В. Я. Богомолов, М. Р. Габбе; мастера макетного дела нашего города А. А. Козинцев и другие. И 30 апреля 1944 года, в 1044-й день войны, в 25 залах открылась выставка «Героическая оборона Ленинграда», которую за первые 6 месяцев посетило 221 000 человек. 116 работников были награж-

Главный художник музея
Н. М. Суетин

*Первый директор музея
обороны Ленинграда
Л. Л. Раков*

площади 40 тысяч кв. м было размещено 37 654 экспоната. Официальное открытие музея состоялось 27 января 1946 года. В 1946 году музей посетили 350 тысяч человек, в том числе 3000 иностранцев.

Несмотря на колоссальную популярность музея, который с момента открытия посетили 1 350 000 человек, в период так называемого «ленинградского дела» в 48–49-х годах стало ясно, что партийное руководство страны имеет твердое намерение закрыть музей. Об этом ярко говорит факт знакомства с музеем секретаря ЦК КПСС Г. М. Маленкова, который считал, что был «создан миф об особой «блокадной» судьбе Ленинграда, чем была принижена роль великого Сталина» и еще одно серьезное обвинение было брошено музею: столько оружия собрано неспроста — наверняка готовился террористический акт против руководителей партии и правительства. Судьба музея была предрешена. Комиссия ЦК ВКП(б) подтвердила предъявленные музею обвинения и даже ужесточила их. В заключительном акте было сказано, что экспозиция музея извратила ход исторических событий в годы Великой Оте-

дены Почетными грамотами Исполкома Ленсовета.

А 5 октября 1945 года распоряжением Совета народных Комиссаров РФ за №2522-р выставка «Героическая оборона Ленинграда» была преобразована в Музей обороны Ленинграда республиканского значения. На

чественной войны и игнорировала роль Сталина в спасении города на Неве.

Под предлогом реконструкции музей был закрыт. Начались увольнения сотрудников. В связи с капитальной реконструкцией были опечатаны все залы музея, а экспонаты убраны в фондохранилище. В 1950 году на сотрудников музея обрушилась волна репрессий, особенно пострадал бывший директор музея Л. Л. Раков, названный «одним из главных организаторов порочной экспозиции в музее». Он был исключен из партии и приговорен к 25 годам лишения свободы. И лишь спустя 4 года дело было пересмотрено и прекращено. Также пострадал и заместитель Л. Л. Ракова по научной работе Г. И. Мишкевич, который прошел тяжелые испытания в лагерях Коми АССР и только в 1954 году он был освобожден и вернулся в родной город.

Согласно постановлению Совета Министров СССР от 31 августа 1951 года за №3216-1523 все помещения Государственного музея обороны были переданы Министерству военно-морского флота. До 15 октября 1951 года руководству музея было предложено освободить все помещения, что поставило под угрозу сохранность экспонатов и научно-вспомогательного материала. В ноябре 1952 года была образована ликвидационная комиссия, которая приняла решение передать фонды, научно-вспомогательные материалы, научный архив и хозяйственное имущество ликвидированного Государственного музея обороны Ленинграда Государственному музею истории Ленинграда. Кроме этого, ряд музейных экспонатов, а также библиотека музея, были переданы Музею Октябрьской революции, воинским частям № 13668 и 183437, управлению БТ и МВ Лен ВО, Артиллерийскому музею.

6 марта 1953 года была закончена деятельность Ликвидкома и соответственно деятельность уникального музея Ленинграда.

*Л. Н. Белова
(1924–1993 гг.) – первый
директор возрожденного
в 1989 г. музея*

И только в 1988 году стало возможным публичное обсуждение предложений о возрождении музея. Была образована группа содействия, а на счет Дзержинского отделения Жилсоцбанка стали поступать добровольные взносы. 29 марта состоялось собрание общественности города, а в апреле 1988 года в Главном управлении культуры оргкомитет провел первое заседание по возрождению музея. В результате активной работы Оргкомитета 8 сентября 1989 года был открыт возрожденный музей, директором которого была назначена Людмила Николаевна Белова, бывшая блокадница, лауреат Гос. премии России, з.р.к. России, много лет возглавлявшая музей истории города.

8 сентября 1989 г. Открытие возрожденного музея. В центре председатель исполкома Ленгорсовета В. Я. Ходырев

Решением Министерства культуры России №246 от 4 декабря 1990 года музей стал именоваться «Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда».

С момента открытия музея 8 сентября 1989 и до декабря 2007 года сотрудниками музея было создано 134 выставки. Из них 75 выставок были открыты в музее, а 59 были представлены за его пределами.

Экспонаты из фондов Музея обороны Ленинграда стали важной частью крупнейших общеевропейских выставок.

Обширна и география передвижных выставок музея, проходивших в городах России. Выставки, созданные сотрудниками музея, служили экспозиционным оформлением на многих памятных мероприятиях, проводимых в Санкт-Петербурге.

Процесс развития музея, пополнение его коллекций не прекращается ни на один день.

Научно-просветительский сектор музея проводит большую работу по организации встреч и концертов для ветеранов, в которых принимают участие профессиональные артисты. Сотрудники сектора держат тесную связь с ветеранскими организациями, обществом «Жители блокадного Ленинграда», школами, учебными заведениями, воинскими частями, организуют встречи молодежи с участниками Ленинградской битвы, оказывают методическую помощь народным и школьным музеям.

Постоянным партнером музея стал Центральный музей вооруженных сил в Москве. В 1999 году к 55-летию снятия блокады Ленинграда музей организовал общегородскую выставку «Легендарная победа под Ленинградом». Большим событием в жизни музея была акция «Нас объединяет Знамя Победы». С 22 по 30 июня 2003 года в музее экспонировалось знамя Победы, водруженное в мае 1945 года над рейхстагом, доставленное из Москвы по личному распоряжению президента России В. В. Путина.

Практически невозможно перечислить все, что сделано за последние годы сотрудниками музея. Несколько десятков выставок многие из которых после показа в музее продолжали жизнь, побывав во многих городах России, Франции и Англии.

В 2008 году в стенах музея были проведены научно-практическая конференция «Искра разрыва» (к 65-летию прорыва блокады Ленинграда), «круглые столы» — «Израненное детство» (о детях блокады) и «За мужей, отцов и сыновей» (о женщинах в Ленинградской битве).

В планах на 2009 год — научно-практические конференции и «круглые столы»: «900-дневная поступь к победе» (к 65-летию снятия блокады Ленинграда), «Ленинградские боги войны», «Эскулапы города-фронта».

Стоит отметить, что 2009 год для нашего музея юбилейный: 27 января 2009 года — 65 лет полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады; 30 апреля 2009 года — 65 лет со дня основания Музея обороны Ленинграда; 8 сентября 2009 года — 20 лет с момента возрождения Музея обороны Ленинграда.

Всего в фондах музея содержится на постоянном хранении более 4500 произведений изобразительного искусства, около 8500 рукописных и машинописных документов; более 2500 бытовых предметов; несколько тысяч кино и фотодокументов. Библиотечный фонд насчитывает более 15 тысяч названий книг. В музее работают опытные, знающие свое

дело сотрудники — зав. отделом научно-экспозиционной работы И.А. Муравьева, научные сотрудники — Ю. В. Кольцов, Г. Б. Сафонова, Э. А. Мурзина, Д. Г. Сотчихин, зав. сектором научно-просветительской работы И. И. Точилкина, методист Д. Ю. Медвинский, экскурсовод Е. С. Жушман, руководитель сектора хоз. и тех. обслуживания А. П. Шиманский, смотрители — А. И. Иванова, Р. П. Севастьянова и многие другие.

В течение 13 лет музей возглавляет Анатолий Александрович Шишкин. Многие, что удалось добиться музею, сделано благодаря таланту его руководителя.

А.А. Шишкин

Сотрудники Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда приглашают всех ветеранов, Жителей блокадного города, их детей и внуков приехать в Соляной пер., дом 9, с 10 до 17 часов. Все справки по тел. 275-72-08.

Н. П. Добротворский

Николай Петрович Добротворский 18 лет работает старшим научным сотрудником

Музея обороны и блокады Ленинграда. Он внес свой талант журналиста, корреспондента в становление музея и несмотря на годы продолжает трудиться на благо уникального учреждения.

Музей-библиотека «Книги блокадного города»: история создания и опыт работы

197

25 января 1996 года Санкт-Петербургу приветливо раскрыл свои двери Музей-библиотека «Книги блокадного города». За двенадцать лет сложной, кропотливой и интересной работы тысячи посетителей познакомились с экспозицией, выставками, фондами и коллективом единомышленников — библиотекарей и историков.

Софья Геннадьевна Колосова, заведующая Музеем-библиотекой «Книги блокадного города»

История создания оригинального учреждения культуры началась в памятные дни 1992 года, дни, связанные с прорывом блокады Ленинграда (18 января 1943 года) и полным освобождением фашистской блокады (27 января 1944 года).

Как ответственный секретарь Ассоциации историков блокады и битвы за Ленинград в годы Второй мировой войны, библиотекарь по профессии, я решила заняться историей массовых районных библиотек в годы войны и блокады Ленинграда. Архивные документы, дневниковые записи, воспоминания очевидцев помогли приоткрыть неведомое.

Самое удивительное, что в заблокированном городе издавались книги и продолжали работать массовые библиотеки, работа которых «согревала души ленинградцев». Было издано более 20 000 наименований печатных изданий, общим тиражом около 23 миллионов экземпляров.

Николай Тихонов в своей книге «Ленинград принимает бой», изданной в Ленинграде в 1943 году отмечал, что «ленинградцы и на фронте и в тылу любят книгу, старую и новую, и даже блокадная жизнь не заставила их забыть про эту свою страсть».

Смерть уносила тысячи жизней, а люди шли в библиотеку. Н. К. Чуковский писал: «В осажденном Ленинграде удивительно много читали, читали классиков и поэтов, читали в землянках и дотах, читали на батареях и на вмерзших в лед кораблях. Охапками брали книги у умирающих библиотекарей и в бесчисленных промерзших квартирах, лежа при свете коптилок, читали, читали...» Так увидел писатель, но о чем рассказывают архивы?

Изучение материалов, выступления на конференциях, интерес, который проявляли коллеги-библиотекари и историки, заставили задуматься о создании учреждения, раскрывающего содержание работы библиотеки в блокадную пору как пример духовного героизма и стойкости. Было принято решение организовать музей-библиотеку как оригинальное учреждение культуры в котором можно, посетителю, как в музее, осмотреть экспозицию, услышать экскурсию, а как пользователю библиотеки взять в руки, полистать, почитать любое издание, увидевшее свет в период блокады. Особо следует сказать о дарителях.

Уважаемые и любимые наши дарители, без которых немислимо собрание книжной коллекции, — кто они? Это жители Ленинграда — Санкт-Петербурга, коллекционеры, главное дело жизни которых, сбор и изучение печатных и рукописных изданий, любители книги, покупавшие литературу на книжных развалах Невского проспекта, так как искренне считали, что книга была хлебом, школьники и участники городских олимпиад, награжденные книгой с дарственной надписью о достижениях в годы блокады и многие-многие блокадники, ветераны Великой Отечественной войны, живущие ныне на разных континентах.

Первые книги, положенные в основание коллекции, подарил Ю. И. Колосов, блокадный мальчишка, сейчас действительный член Академии военно-исторических наук и

Память сердца

Международной Академии акмеологических наук. Участниками создания коллекции печатных изданий стали: В. Я. Бялый и Л. Я. Яновский, ветераны Великой Отечественной войны, известные библиофилы передали часть своих коллекций, В. В. Инчик, блокадник, коллекционер, создатель частного музея-квартиры «Блокадная комната артистки Веры Ивановны Шестаковой». А. П. Чирков, капитан 2-го ранга, организатор школьного музея, Н. В. Сигал, блокадная школьница, о которой писала газета «Смена» в 1943 году, Л. П. Ягданова, руководитель районного отделения общества «Юные участники обороны Ленинграда», создатель выставки «Мы помним...» и многие-многие другие.

Первые три сотни экспонатов позволили открыть экспозицию. На церемонии открытия присутствовал почетный гражданин Санкт-Петербурга, народный художник СССР, скульптор Михаил Константинович Аникушин, представители депутатского корпуса, Комитета по культуре Санкт-Петербурга и администрации района, руководители общественных ветеранских и блокадных организаций.

Оригинальная структура Музея-библиотеки включает абонемент, читальный зал и собственно музей, что позволяет продолжить сбор литературы и личных документов, изучение архивных материалов, проведение разнообразных массовых мероприятий и экскурсий, участие в создании документальных фильмов.

В настоящее время в фондах Музея-библиотеки «Книги блокадного города» хранятся книги, журналы, газеты, открытки, брошюры, листовки, изданные в Ленинграде в годы блокады, предметы библиотечного быта, елочные украшения и игрушки, патефон и пластинки — всего не перечислить. Главное место занимает воссозданный интерьер блокадной библиотеки.

Тематика изданий позволяет проводить экскурсии в музее и массовые мероприятия в

библиотеке, посвященные значительным событиям в мировой истории и творчеству знаменитых людей разных эпох. Музей и отделы библиотеки работают в одном направлении.

Музей-библиотека «Книги блокадного города» работает не только с людьми, перешагнувшим шестой десяток лет, но и с молодежью.

Музей-библиотека участвует в Международных научных конференциях по истории Великой Отечественной войны, в библиотечных конференциях, в съемках документальных фильмов, в радио- и телепередачах, обеспечивает информационно-библиографическую поддержку учащимся в ежегодных городских историко-краеведческих чтениях и конкурсах. Мы сотрудничаем с Государственным мемориальным музеем обороны Ленинграда, Государственным музеем истории Санкт-Петербурга, народным музеем «А музы не молчали...» и другими. Давняя дружба связывает нас с общественными ветеранскими и блокадными организациями, образовательными учреждениями средней и высшей школы.

Начало положили документы шести семей. Каждая семья в отдельной витрине представила свои документы. Оформление и историческую справку о семьях взяли на себя сотрудники Музея-библиотеки. Теперь родители и внуки вместе со своими друзьями приходят в музей и показывают им «свою» экспозицию, с гордостью рассказывают о бабушках и дедушках.

Приходите в Музей-библиотеку «Книги блокадного города», и мы с радостью поделимся планами и расскажем о достигнутом.

Наш адрес: пр. Юрия Гагарина, 17. Тел.: 373-51-60.

*С.Г. Колосова,
заведующая Музеем-библиотекой «Книги
блокадного города» СПб Гос. учреждения
«Централизованная библиотечная Система
Московского района», член-корреспондент
Академии военно-исторических наук*

Открытый общественный театр «Родом из блокады»

199

Когда меня спрашивают, как и когда родился наш театр, я вспоминаю 1988 год, кафе на «Ленфильме» и первую поддержку идеи объединения артистов-блокадников создателем общества «Жители блокадного Ленинграда», редактором студии А. М. Нестеровым и кинорежиссером, моим учителем Я. Б. Фридом. Разрабатывала наш устав известная в Питере музыкант-педагог М. Ф. Заринская. Через пару лет обсуждение проходило в Доме актера, где ратовали за наш театр замечательный актер-блокадник В. И. Стржельчик и великий скульптор М. К. Аникушин. На всю жизнь остались в памяти первые встречи с А. Я. Гребенщиковым — в те годы руководителем общества «ЖБЛ», ставшим впоследствии нашим завлитом, и с ленинградским поэтом А. В. Молчановым, впервые опубликовавшем свои стихи о блокаде в «Ленинградской правде» и сразу влившемся в актерский ансамбль. Многократно мы ходили в Смольный с членом первого правления общества «ЖБЛ» В. В. Томилиной где беседовали с одним из руководителей города — В. Н. Щербаковым, благословившим наш театр на жизнь. Первое пробное выступление состоялось в 1990-м году по инициативе все той же неутомимой В. Томилиной в глубинке Калининского района на ул. Ушинского, где через 3 года впервые прозвучало нынешнее название — Театр «Родом из блокады». После выступления многочисленные зрители приветствовали артистов на выходе и кто-то спросил: «Откуда вы, такие?» Ответ пришел сам собой — «Родом из блокады». Первое официальное выступление прошло в мае 1994 года на отчетно-выборной конференции городского добровольного общества «ЖБЛ» — отсюда и принято вести исчисление нашего рождения. В октябре того же года в Доме актера состоялась, как теперь принято говорить, презентация коллектива журналистам и общественности города. Будучи в те дни членом правления общества «ЖБЛ» и де-

*Худ. рук. и директор театра «Родом из блокады»
М. Алтатов и Л. Демидова*

журя на Невском, 104, я принимал, бывало, по 50 актеров в день — хоры, оркестры, ансамбли, солисты-вокалисты, мастера художественного слова, оригинального жанра, драматические и эстрадные артисты буквально рвались в создающийся театр. Тогда многие еще не знали, что в нашем театре зрители не платят за вход, артисты не получают гонорара. Вскоре общественный директор театра блокадник К. Измайлов разъяснил это всем подробно, некоторым такие условия не подошли. Золотой фонд искусства военных, блокадных дней составило ядро коллектива единомышленников — легендарные вокалисты — Г. Семенченко, О. Нестерова, А. Александрович, русская певица В. Жолобова и ее аккомпаниатор Г. Смоляков, автор этих строк и другие артисты театров, В. Вельяминова, Ю. Родионов; когда А. Гребенщиков пригласил в театр профессора З. Савкову, она привела не только своих студентов, но и В. Мультигули, З. Дмитриеву, А. Баранова, из эстрады пришли Т. Лапина, Г. и Е. Барковы, Е. Македонская, пианисты-воины В. Угрюмов, С. Шнейдер, композиторы М. Лазарев, М. Кочетова, артисты оригинального жанра К. Канашкин, Г. Панков; была создана мобильная актерская фронтовая

бригада в составе М. Соколовой, А. Снытникова и И. Киндюкова, которая выезжала в дома престарелых. Дирижер-блокадник Э. Густин привлек к выступлениям оркестр популярной классической музыки. Знаменитый балетмейстер и танцовщик, также блокадник, Никита Долгушин помог украсить спектакли хореографическими номерами. Заместитель художественного руководителя по работе с творческой молодежью Л. Демидова — нынешний директор театра — по моему предложению начала работу по выявлению талантливых внуков и правнуков блокадников, что вскоре дало прекрасные плоды. Уже гастроли в Париже заставили задуматься о том, что артисты, которые играли в блокаду, не вечны, их дело должно продолжаться потомки. На пороге 15-го сезона эти мысли тревожат еще больше, хотя нам есть кем гордиться: приходя в театр совсем маленькими, они — внуки, теперь даже правнуки, ученики блокадников — становятся мастерами, лауреатами престижных конкурсов. Это они — молодые — будут двигать наше дело вперед — пианисты Н. Волченко и С. Редькин, скрипачка А. Коробкина, гармонист И. Шипков, автор-исполнитель Е. Ильин, самый молодой артист театра — певец Г. Новицкий, танцевальный ансамбль С. Иоффе «Юный ленинградец», студент Консерватории М. Павлов — всех перечислить, конечно, невозможно.

Когда меня спрашивают, почему наш коллектив носит гордое имя «театр», я отвечаю, что мы поставили и, надеюсь, продолжим ставить драматические произведения — примером может служить постановка по пьесе О. Берггольц и Г. Макогоненко «Они жили в Ленинграде». Но основную ставку мы делаем на спектакли концертные — это жанр нелегкий, зато демократичный, всем понятный и близкий, и уже с первых попыток объединения артистов-блокадников начались поиски жанра сценического воплощения идеи пропаганды подвига города-героя Ленинграда в дни войны и блокады. Спектакль-экспромт, спектакль-импрови-

зация с тем, чтобы создать иллюзию участия в действии не только артистов, но обязательно и зрителей. Обычные концертные номера надо было постараться выстроить таким образом, чтобы они, объединенные одной идеей, становились единым целым. Эту стилистику, провозвестником которой явился К. С. Станиславский, мы стали использовать в своих работах — «Есенин и блокада», «Пушкин и блокада», «Маяковский и блокада», и, на радость нам, все они были, не только по-доброму приняты зрителями, но и оценены критикой, а питерские журналисты наградили нас званием «театр аншлагов». Также мы стали строить и юбилейные творческие вечера и авторские спектакли артистов. В этом мае исполнилось бы 95 лет Тамаре Лапиной, которая в 80 лет придумала и сыграла эстрадный спектакль «Ленинградские огоньки», выполнив поставленную режиссерскую задачу именно в данном ракурсе. По такому же принципу стал выстраивать свои творческие вечера артист нашего театра, известный ныне ленинградский поэт и сказочник Анатолий Молчанов. А на гастролях в Париже, играя спектакль «Музыка блокады», названный журналистами «визитной карточкой» нашего театра, без обычных, да даже без световых или звуковых декораций, всего 5 участниками нам «удалось создать настоящий спектакль-воспоминание», получивший признание прессы.

Этот спектакль был сыгран не только в Париже, но и в Большом и Малом залах нашей Филармонии, в Капелле, в Доме актера, на сцене Лиговского народного дома, в Концертном зале у Финляндского вокзала и на других площадках. По мнению критики — статьи можно прочесть во многих газетах и журналах, — лучшими работами театра за эти годы признаны триптих «Есенин, Пушкин, Маяковский и блокада», «Майская музыка Победы» — это был юбилейный, 1000-й благотворительный спектакль, сыгранный на сцене Большого зала Филармонии им. Шостаковича, спектакли-экспромты «Под именем Санкт-Петербурга

театр прославляет Ленинград» — к 300-летию города, «Маринеско — мифы и реальность» посвященный подвигу балтийского аса-подводника театр ежегодно показывает спектакли в январе и ноябре, «Несокрушимая и легендарная», «Все дальше уходит блокада», а также веселые спектакли-розыгрыши «Главное ребята, сердцем не стареть!» по сценарию К. Измайлова, «В русском стиле», «Давайте посмеемся вместе», «Без женщин жить нельзя на свете, нет!».

Если честно, мне дороги все постановки — как дети, но особенно «Блокадная Терпсихора» о балерине Н. Ястребовой и «Почетный гражданин» поставленный к 90-летию М. Аникушина, а самые тяжелые — это мой сольный «Жди меня, или Письма с войны» по К. Симону и «Из под небес по-птичьи окликаая...» памяти почетного зрителя театра И.И. Иванова. Жаль, что большинство из наших работ не повторить уже никогда в том виде, как они были задуманы и сыграны — ушли из жизни главные герои — ленинградский Пушкин — Ю. Родионов, блокадный граф — композитор Дм. Толстой, исполнитель роли старого матроса-гитариста А. Снытников — он умер прямо на сцене нашего театра, эксцентричная ленинградская эстрадная артистка-автор-исполнитель Т. Лапина, пианисты-воины В. Угрюмов, так и не узнавший, что удостоен звания заслуженного артиста как главный концертмейстер театра «Родом из блокады»; и скромнейший С. Шнейдер, аккордеонист и композитор Г. Смоляков, исполнительница одной из главных ролей в драме «Они жили в Ленинграде» З. Дмитриева; осиротил сестру-сатиру брат-юмор Е. Барков, писатель-разминировщик В. Демидов никогда уже не расскажет о блокаде рассекреченной. Обидно, но вынуждены по возрасту и по здоровью свести к минимуму, а то и вовсе прекратить активную творческую деятельность наши корифеи — А. Александрович и О. Нестерова, а также В. Жолобова и В. Кузнецов, Е. Македонская и В. Вельяминова, И. Киндюков и М. Кочетова — и это только капли в море актерских

потерь театра «Родом из блокады». А сколько уходит зрителей?! — тут потерь не сосчитать, но залы по-прежнему полны, и ответственности все больше и больше. За 14 сезонов дано 2249 благотворительных выступлений, их посетило 1 200 000 зрителей — ветеранов, блокадников и их потомков, что радует, но ушедший сезон был нелегким, в нем сыграно наименьшее число спектаклей с начала работы коллектива. Есть причины — Дом журналиста и ДК железнодорожников были закрыты на плановый ремонт, театру, не приносящему доходов и не имеющему спонсоров, в нынешних рыночных отношениях почти невозможно существовать.

Но театр живет — и это самое главное. 8 сентября 2008 по традиции в День печали и скорби День начала ленинградской блокады 2250-м выступлением мы открыли 15-й юбилейный сезон. Вот вам и ответ скептикам, уверявшим, что мы не просуществуем и года. У нас впереди еще громадь творческих планов, 100-летие Галины Семенченко, времени на уныние нет и в ближайшем будущем не предвидится. И спасибо нашим дорогим зрителям за поддержку и за то, что приобщают к искусству блокадного театра своих потомков.

Хотелось бы от всех блокадных сердец поблагодарить руководителей концертных залов города за предоставление помещений для выступлений — ведь у театра так и нет постоянной сценической площадки, поблагодарить М. Михайловского, А. Сергеева и главу администрации Калининского района М. Сафонова, за то, что театр имеет крышу над семью головами и помещение для музея. А также мы благодарим журналистов за рекламную поддержку — как бы хотелось назвать всех поименно — но хороших людей и друзей театра «Родом из блокады» в нашем городе великое множество, и это радует, вдохновляет и зовет к новым вершинам.

*Макар Алтатов,
художественный руководитель театра,
заслуженный деятель искусств и заслуженный
артист России, академик Петровской
академии наук и искусств, профессор*

Слово к читателю. <i>Депутаты Муниципального Образования Пискаревка</i>	3
<i>В. Путин, Председатель Правительства Российской Федерации</i>	5
<i>И. Клебанов, полномочный представитель Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе</i>	6
<i>М. Сафонов, Глава администрации Калининского района Санкт-Петербурга</i>	7
Блокада была на всех одна. <i>В. Ходырев, Л. Ходченкова</i>	8
Слово ветерана Пискаревки. <i>Л. Рахалов</i>	9

Важно не то, что ленинградцы выстояли, а то, как они выстояли. <i>(Ю. Колосов)</i>	10
Будни великого города. <i>Выписки из хроники Ленинградской жизни</i>	16
Медаль «За оборону Ленинграда»	19
Руководители обороны города-героя Ленинграда	20
Из отчета городского управления предприятиями коммунального обслуживания по работе за год войны с июня 1941 по июнь 1942 года Раздел «Похоронное дело»	22
Место всенародного поклонения. <i>(Л. Маркова)</i>	39
Памяти павших. <i>(Н. Добротворский)</i>	45
Ленинградец победивший время. <i>(Л. Демидова)</i>	47
К 20-летию Общества «Жители блокадного Ленинграда»	49
Н. М. НИКОЛАЕВА. Ни дня без доброго дела	52
Общественная организация «Совет жителей блокадного Ленинграда» города Севастополя.	53
Л. Н. ХАМИНА. Дорога жизни через Ладогу вселила в нас надежду на спасение	54
А. М. и А. И. ДОЦЕНКО. Испытание мужеством	55
Н. И. СЛЕНИНА. Вспоминать — это переживать заново.	57
Г. А. ХОРОШЕНКО. Мы, подростки, помогали Родине, как могли вносили свой вклад в Победу.	59
Н. В. СТРЕКАЧ. Ленинград люблю и буду любить до конца жизни	61
В. В. ГРЯЗНОВА. Моя жизнь в блокаде	63
Баллада о спасенном эшелоне	64
Блокадный синдром Рачкова <i>(Б. Жарбин)</i>	65

ОНИ ЗАЩИЩАЛИ ЛЕНИНГРАД

Т. М. БОЛДИНА. Таким при жизни памятники ставить надо! <i>(Л. Рахалов)</i>	69
Н. И. МАЛЕЕВ. Есть такая профессия — Родину защищать. <i>(Л. Рахалов)</i>	71
А. Б. ЛЫСКО. Танкисты в боях за Ленинград. <i>(Л. Рахалов)</i>	73
А. А. БЕЛИКОВА и Г. Л. ШАКУЛОВ. Рассказ о военных годах. <i>(Н. Ильина)</i>	75
Е. В. GERMANOVICH. С огнем и кровью пополам. <i>(Я. Белоусов)</i>	78
А. В. МИХАЙЛОВА. По долгу и совести. <i>(Л. Рахалов)</i>	80
З. П. ТЕСЛЯ. Так я служила советскому народу <i>(Я. Белоусов)</i>	81
О. А. БЫЧКОВА. Все для Победы. <i>(Я. Белоусов)</i>	84
А. П. КРАУС. В блокадном Ленинграде. <i>(Л. Рахалов)</i>	85
М. М. КОНДРАТЬЕВА. «Кто сказал, что петь не надо песен на войне...». <i>(Л. Рахалов)</i>	86
Е. А. КУКУШКИНА. Блокадный дневник.	87

ДОРОГА ЖИЗНИ

М. В. КАЛЕНТЬЕВА. «Мы пред нашей Россией и в трудное время чисты». <i>(Л. Рахалов)</i>	91
А. П. АМАН. «Теряли мы друзей, родных, но веру не потеряли в Родину свою». <i>(Л. Рахалов)</i>	93
А. Е. ШИПОВ. «Недаром Ладога родная Дорогой жизни названа». <i>(Л. Рахалов)</i>	94
В. А. ФЕОФАНОВ. Боец последнего года призыва. <i>(А. Самохвалова)</i>	96

ЛЕНИНГРАД В КОЛЬЦЕ БЛОКАДЫ

М. Я. ЛЯПИНА. Эту войну забыть невозможно. <i>(Я. Белоусов)</i>	101
О. А. ЛОМОВСКАЯ. «Час мужества пробил на наших часах, и мужество нас не покинет». <i>(Л. Рахалов)</i>	102
Л. Н. и В. Н. СЕРГЕЕВЫ. Воспоминания о тяжелых годах детства. <i>(Л. Сергеева)</i>	104
Н. И. ИВАНОВА. Пусть над нашими головами будет мирное небо. <i>(Я. Белоусов)</i>	106
З. Г. ЯКИМЕНКО. Нам в сорок третьем выдали медали и только в сорок пятом паспорта.	107

Т. В. БУКИНА. Война! Что может быть хуже?. (Я. Белоусов)	109
С. М. КЛАВ. Сегодня это даже страшно вспоминать. (Я. Белоусов)	109
М. А. ПАРПУРА. Военное детство. (Я. Белоусов)	110
З. Р. КЛЯУ. Я говорю с тобой из Ленинграда....	111
С. Б. БУХАРКИНА. В том, блокадном Ленинграде было много добра и внимания друг к другу. (О. Виноградова).	112
В. К. ЯКОВЛЕВА. Чтобы наши потомки никогда не испытали того, что выпало на нашу долю. (Я. Белоусов)	113
Т. А. ЯКОВЛЕВА. Это забыть невозможно. (Я. Белоусов)	116
Г. А. ВАЛДАЙ. Пусть это никогда не повторится. (Я. Белоусов).	118
Г. А. БОЛОТОВА. Спасительная доброта. (Я. Белоусов)	120
Т. В. ИКОННИКОВА. Мы с мамой тушили «зажигалки». (Я. Белоусов)	121
Г. И. СУСЛОВА. Война лишила меня детства. (Я. Белоусов).	122
Н. В. ФЕДОРОВА. Мы дети, войны и Блокады. (Я. Белоусов)	124
Н. В. КНЯЗЮК. Детство, опаленное войной. (Л. Рахалов)	126
Е. М. ПЕТРОВ. Воспоминания о блокаде Ленинграда. (Я. Белоусов)	128
Г. Л. КУВЫКИНА. До сих пор пугаюсь гула самолета. (Я. Белоусов)	129
В. А. ОВСЯННИКОВА. Мы верили в нашу Победу. (Я. Белоусов).	130
Л. Н. ГРИПОСТ. Блокада на двоих. (Я. Белоусов)	131
В. М. НАЩЕКИНА. В пустом доме блокадного города. (Я. Белоусов).	132
Л. Г. ПОПЛАВСКАЯ. Война и блокада принесли в мою жизнь много одиночества. (Я. Белоусов)	134
Р. М. ЖИЛЬЦОВА. Я запомнила тот голод. (Я. Белоусов)	135
А. Ф. ГОЛОВЕНЧИЦ. Достойный пример отца-авиатора. (Л.Н. Третьякова).	136
Т. Н. ГРОМОВА. Помню, как выживали	137
В. В. ФЕТИСОВ Война — что ты подлая сделала?. (Я. Белоусов).	141
С. А. ФЕТИСОВА. Мои воспоминания о днях блокады. (Я. Белоусов)	143
Т. В. ФЕТИСОВА. Пусть никогда не будет войны. (Я. Белоусов).	145
М. В. ШАБАРОВА. У всех кто в блокаду выжил, был добрый ангел-хранитель	147
А. А. САМОХВАЛОВА. Дети и блокада	151
И. А. ЗИМНЕВА. Кукла спасла мне жизнь.	154
М. В. АНТОНОВА. Мы жили по девизом надо!. (Я. Белоусов)	156
В. Ф. БОЛОТНИКОВА. Наше блокадное братство	161
Р. И. АЛЕЕВ. Нас было восемь	163
А. Ф. ВАСИЛЬЕВА. Вот так мы жили трудной, но интересной жизнью	168
О. В. НОВИКОВА. На обед... воробей	168
Н. В. БОЛОГОВА. Война меня застала на даче в яслях.	171
Г. М. ТИХОНОВА. До сих пор помню вкус дуранды	172
В. Н. ГОРОХОВ. Война спутала все мечты и планы.	173
Н. У. ГАПАНЮК. Все твердо верили в Победу и своим трудом приближали ее.	174
Р. Л. ШЕРЕПЕНКОВА. Все это мы будем помнить до конца жизни.	175
В. А. ГРУЗНОВ. Тяжелые воспоминания о войне	178
Е. Е. ФЕДОРОВ. Некоторые эпизоды моей жизни в блокадном Ленинграде	180
М. С. ХАРАД. О войне и мире	183
Юное поколение должно знать историю своей страны	186
Университет истинной любви к Родине. (Н. Добротворский)	193
Музей-библиотека «Книги блокадного города»: история создания и опыт работы. (С. Колосова)	197
Открытый общественный театр «Родом из блокады». (М. Алтатов).	199

Внутригородское Муниципальное образование Санкт-Петербурга Муниципальный округ Пискаревка

Инициатива издания
Муниципальный Совет Муниципального образования МО Пискаревка
Администрация Калининского района Санкт-Петербурга

Автор концепции и руководитель проекта
В. В. Сергеева

Ответственный редактор
Г. А. Максименко

Редакционный совет:
Т. Ф. Балакальчук, В. П. Богданова, С. Б. Бухаркина,
А. В. Кулик, С. Н. Мережко, Н. М. Николаева, М. О. Орлинская,
Л. С. Рахалов, А. А. Самохвалова, В. В. Сергеева, А. М. Соколова.

Комп. верстка, обработка иллюстраций, фото
Е. С. Липатова

Корректор
Ю. Б. Гомулина

Использованная литература:

- Буров А. В.* Блокада день за днем. Л.: Лениздат, 1979.
Неизвестная блокада. Ленинград 1941–1944: фотоальбом, СПб., Издательство «Лимбус Пресс», 2002.
Ковальчук В. М. 900 дней блокады. Ленинград 1941–1944. СПб., Дмитрий Буланин, 2005.
Селиванов В. Н. Стояли как солдаты. Блокада. Дети. Ленинград. СПб., Эго, 2002.
Никто не забыт, и ничто не забыто... СПб., 2006.
Пискаревский мемориал: Скорбь и память. СПб., 2006.
Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда. СПб., Лики России, 1995

Отпечатано в типографии «НИКА».
194044, Санкт-Петербург, ул. Гельсингфорская, д. 4/1.
Тел. (812) 331-63-43, 294-56-02 • info@ipfnika.spb.ru • www.ipfnika.spb.ru
Формат 60x90 1/8. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg.
Бумага мелованная 170 г/м². Заказ № . Тираж 700 экз.